

Вестник МГОУ

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Политология

Психология

Филология

1 / 2023

ISSN (Online) 2224-0209

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 1 / 2023

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
(психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
(психологические науки).
- 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки).

BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY

Founded in 2010

№ 1 / 2023

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
(psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
- 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
- 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф., Государственный университет просвещения;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Государственный университет просвещения;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.
Founder: State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0С77–43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of State University of Education;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor of State University of Education;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Olga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatiya);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@vestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Биринчи Эбру, Зверева М. С., Капицын В. М., Каратеев А. Ю., Пашин М. М., Сергазин Е. Ф., Тальская О. Д., Щегловитов А. Е.</i> НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ И АСПЕКТЫ	8
--	---

<i>Волгин Е. И.</i> ГЕНЕРАЛ Л. РОХЛИН И ФЕНОМЕН «ВОЕННОЙ ОППОЗИЦИИ» 1990-Х ГГ.	36
--	----

<i>Денильханов А. Х.</i> ВОСТОК-ЗАПАД: СОЦИАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ	54
---	----

<i>Манойло А. В.</i> ОПЕРАЦИЯ «RYANAIR»	68
--	----

<i>Печищева Л. А., Шутова А. А., Шутова А. А.</i> К ВОПРОСУ О ПОЛНОПРАВНОМ ЧЛЕНСТВЕ БЕЛАРУСИ В ШОС: ЧТО ИЗМЕНИТСЯ В ОБЛАСТИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ?	81
--	----

<i>Солоненко А. В.</i> ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РОССИИ: ИДЕАЛЬНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)	92
---	----

<i>Чебан А. А.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ	105
--	-----

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Крамаренко Н. С., Рябова Н. Г.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПОДДЕРЖКА ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ УТРАТУ СУПРУГА	123
---	-----

<i>Ложкина Н. В.</i> «Я-ОБРАЗ» СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ: ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ	140
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ*Аверина А. В.*

**ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
С ПОЗИЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО
И РУССКОГО ЯЗЫКОВ). 151**

Борычева Е. В.

**ЯЗЫК И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
РОССИИ И СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. 172**

Павлова А. В.

МЕХАНИЗМ ИЗУЧЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ. 183

POLITICS

<i>Birinci Ebru, M. Zvereva, V. Kapitsyn, A. Karateev, M. Pashin, Yer. Sergazin, O. Talskaya, A. Shcheglovitov</i>	
NATIONAL-STATE IDENTITY: METHODOLOGICAL AND HISTORICAL ASPECTS	9
<i>E. Volgin</i>	
GENERAL L. ROKHLIN AND THE “MILITARY OPPOSITION” PHENOMENON OF THE 1990s	37
<i>A. Denilkhanov</i>	
EAST-WEST: SOCIAL TURBULENCE	54
<i>A. Manoilo</i>	
OPERATION “RYANAIR”	69
<i>L. Pechishcheva, A. Shutova</i>	
ON THE ISSUE OF BELARUS’ FULL MEMBERSHIP IN THE SCO: WHAT WILL CHANGE IN THE FIELD OF ALTERNATIVE ENERGY?.....	82
<i>A. Solonenko</i>	
THE PRIME MINISTER OF RUSSIA: IDEAL AND REAL (POLITICAL PERCEPTIONS OF RESIDENTS OF THE BRYANSK REGION)	93
<i>A. Cheban</i>	
POLITICAL SUBJECTIVITY OF TRANSNATIONAL DIGITAL CORPORATIONS	106

PSYCHOLOGY

<i>N. Kramarenko, N. Ryabova</i>	
SOCIAL NETWORKS AND SUPPORT FOR WOMEN SURVIVING THE LOSS OF A SPOUSE.....	124
<i>N. Lozhkina</i>	
“SELF-IMAGE” OF TRAFFIC POLICE OFFICERS: THE CONCEPT AND SOME ASPECTS OF ITS FORMATION	141

PHILOLOGICAL SCIENCES

A. Averina

PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF PARTS OF SPEECH
AND THEIR INTERPRETATION FROM AN INTERNAL PERSPECTIVE

(BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN) 152

E. Borycheva

LANGUAGE AND CULTURAL IDENTITY IN MODERN CONDITIONS OF DEVELOPMENT IN
RUSSIA AND WESTERN EUROPEAN COUNTRIES. 173

A. Pavlova

THE MECHANISM OF STUDYING PRAGMATIC COMPETENCE 183

УДК 316.347

*Биринчи Эбру, Зверева М. С., Капицын В. М., Каратеев А. Ю., Пашин М. М.,
Сергазин Е. Ф., Тальская О. Д., Щегловитов А. Е.*

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ И АСПЕКТЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Ознакомление научного сообщества с результатами исследований, изложенными на международной конференции «Национальная идентичность и патриотизм в государствах в условиях международных кризисов» (28 октября 2022 г.) и Круглом столе с международным участием «Национальная идентичность, патриотизм и историческая память» (23 декабря 2022 г.), организованных отделом политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, факультетом политологии МГУ имени М. В. Ломоносова при поддержке электронного сетевого издания «Вестник Московского государственного областного университета».

Процедуры и методы. В статье приведены материалы, посвящённые проблемам объединяющей («консолидирующей») национальной идентичности и патриотизма, включая методологические проблемы «политического циклизма», циклов «возвращения», агентного моделирования, идейно-смыслового «контрдискурса». Авторы – исследователи Института научной информации по общественным наукам РАН, Института социологии ФНИСЦ РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва (Республика Казахстан).

Результаты. На материалах теоретико-методологических, исторических и прикладных исследований освещён спектр проблем формирования национальной идентичности и патриотизма, истории этики «служения», информационного влияния деструктивных сил из-за рубежа и внутри обществ. Рассмотрены проблемы цикличности изменений национальной идентичности, информационно-коммуникационные и когнитивные аспекты идентичности, дискурсы и «контрдискурсы» относительно социальных ценностей, задачи противостояния манипуляционным технологиям с учётом сложности этно-национального состава общества, специфики идентификационных процессов и состояния общественного сознания в России, Израиле, Казахстане, Бразилии.

Теоретическая и практическая значимость. Опубликованные материалы имеют теоретико-методологическое и прикладное значение для исследований формирования национально-государственной идентичности и внедрения научных результатов в механизмы идейно-политического противостояния конструктивных и деструктивных сил, что важно в деле воспитания патриотизма, поддержания оптимизма и веры в возможности позитивного развития в условиях жёсткой борьбы за идентичность. Выводы и рекомендации исследователей могут способствовать решению актуальных политических, образовательных и воспитательных задач, повышению эффективности механизмов, позитивно влияющих на консолидацию общества, поддержание этики «служения».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национально-государственная идентичность, патриотизм, этика «служения», сравнительный анализ, цикл «возвращения», идейно-смысловой «контрдискурс», агентное моделирование, технологии информационного влияния, Россия, Казахстан, Израиль, Бразилия

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научных проектов – № 122101100029-3 «Государственная политика формирования национальной идентичности и патриотизма в контексте трансформации современного миропорядка: сравнительный анализ» и № 1022061600330-2-5.9.1 «Факторы устойчивого развития российской государственности в контексте современных глобальных вызовов».

СТРУКТУРА

Вступительное слово

Цикл «возвращения» в методологии исследования национальной идентичности

Идентичность и развитие информационно-коммуникационных технологий: подходы к математическому моделированию

Технологии информационного влияния на формирование патриотической самоидентификации граждан

Этика «служения» в становлении российской государственности: культурно-исторический анализ

Патриотическое воспитание в трудах членов генерального штаба Российской империи: историко-политологический анализ

Казахстан на постсоветском пространстве

Изменение и преемственность национальной идентичности Израиля: внутренние и внешние факторы

Национальная идентичность Бразилии в кризисной ситуации

Заключение

Birinci Ebru, Zvereva M. S., Kapitsyn V. M., Karateev A. Yu., Pashin M. M., Sergazin Yer. F., Talskaya O. D., Shcheglovitov A. E.

NATIONAL-STATE IDENTITY: METHODOLOGICAL AND HISTORICAL ASPECTS

ABSTRACT

Aim. To introduce the scientific community to the research results presented at the international conference “National Identity and Patriotism in States in International Crises” (October 28, 2022) and the round table with international participation “National Identity, patriotism and Historical Memory” (December 23, 2022), organized by the Department of Political Sciences of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Faculty of Political Science of Moscow State University named after M.V. Lomonosov with the support of the electronic online publication “Bulletin of Moscow Region State University”.

Methodology. The article presents data on the problems of uniting (“consolidating”) national identity and patriotism, including methodological problems of “political cyclism”/“return” cycles, agent modeling, ideological and semantic “counter-discourse”. The authors are researchers of ISSS RAS, Institute of Sociology of the RAS, Lomonosov Moscow State University, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan).

Results. Based on the materials of theoretical and methodological, historical and applied research, the article highlights the spectrum of national identity and patriotism formation problems, the ethics of service history, the informational influence of foreign and inner destructive forces. The paper also considers the problems of cyclical changes in national identity, information and communication and cognitive aspects of identity, discourses and “counter-discourses” on social values, tasks of countering manipulative technologies with regard to the complexity of the ethno-national composition of society, the specifics of identification processes and public consciousness in Russia, Israel, Kazakhstan, Brazil.

Research implications. The published materials have theoretical, methodological and applied significance for the research of the national-state identity and the introduction of scientific results into the mechanisms of ideological and political confrontation of constructive and deconstructive forces, which is important in the education of patriotism, maintaining optimism and faith in the possibility of positive development in a tough struggle for identity. The conclusions and recommendations of the researchers can contribute to solving urgent political and educational tasks, improving the effectiveness of mechanisms that positively affect society consolidation, maintaining the ethics of “service”.

KEYWORDS

national-state identity, patriotism, ethics of “service”, comparative analysis, cycle of “return”, ideological and semantic “counter-discourse”, agent modeling, technologies of information influence, Russia, Kazakhstan, Israel, Brazil

ACKNOWLEDGMENTS

The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research within the framework of scientific projects – No. 122101100029-3 “State policy of formation of national identity and patriotism in the context of the modern world order transformation: a comparative analysis” and No. 1022061600330-2-5.9.1 “Factors of sustainable development of Russian statehood in the context of modern global challenges”.

Капицын В. М.,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«Жестокий» XX в. отметился крушением четырёх империй (Российской, Германской, Османской, Австро-Венгерской), распадом СССР и социалистического блока. Он также особенно наглядно показал серьёзнейшее влияние изменений массового сознания на устои государственности, возможности идентичности «подтачивать» и «взламывать» политические режимы, парализовать военную и правоохранительную системы. Но, по всей видимости, и XXI в. также «обещает» радикальные сдвиги национальной идентичности обществ и грозные столкновения акторов нового миропорядка.

Данная работа дополняет опубликованные ранее материалы по исследованию национальной идентичности и патриотизма в условиях международных кризисов¹. Не умаляя своеобразия каждого из приведённых ниже выступлений, статей, их можно разделить на два основных направления: 1) материалы методологического характера, поиск теоретических и прикладных подходов к исследованию идентификационных процессов (В. М. Капицын, А. Ю. Каратеев, А. Е. Щегловитов); 2) историческое направление исследований (Э. Биринчи, М. С. Зверева, М. М. Пашин, А. Ф. Сергазин, А. Д. Тальская).

Содержание материалов первого направления касается изменений национальной идентичности в цикличном развитии политических режимов и мирового порядка, агентного моделирования как конструирования «полей» («сети») взаимодействия агентов-носителей идентичности, комбинированного использования методов, техник и других элементов структуры технологий информационного влияния.

Второе направление обращено к характеристике специфических условий формирования национально-государственной идентичности, изучению включения в идентификационный процесс сознания разных социальных слоев, этносов, политических сил на примере России, Израиля, Казахстана, Бразилии. Рассмотрено влияние институтов международной евразийской интеграции на формирование национальной идентичности Казахстана с 1991 г. по настоящее время. Исследуются смыслы этики «служения» и её влияние на становление государственности. Исходящая из этоса воинов, она распространяется на другие сферы трудовой деятельности. Интересно изложена тема патриотического воспитания в Российской империи на примере распространения российского образования в Туркестане. Исследован уникальный феномен – объединяющая государственная идентичность Израиля. В довольно «пёстрой» картине этнических и конфессиональных групп она поддерживается в значительной степени представлением «внешних угроз» (панарабизма, иранского ядерного фактора). Национальная идентичность Бразилии представлена в данной публикации через призму неравномерного развития системы здравоохранения в стране в период пандемии коронавируса.

В публикации представлены исторические периоды, государства и регионы с демонстрацией оригинального опыта формирования национальной идентичности, исследование которого представляет несомненный интерес для преподавателей, аспирантов и студентов.

¹ См.: Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов / А. В. Абрамов, А. С. Буров, Бхагват Джавахар Вишну, Б. А. Габдулина, А. Э. Джанаева, Калфаоглу Рабия, В. М. Капицын, Ким Чжуёнг, О. Ю. Кокурина, А. М. Костина, Е. Ф. Сергазин, Шао Цзянина, А. Е. Шапаров // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.02.2023).

Капицын В. М.,

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация

ЦИКЛ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» В МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

30-летие распада СССР и после этого 100-летний юбилей его образования – такие даты обозначают периоды, наполненные судьбоносными изменениями. Юбилеи, как правило, напоминают о «цепочке» исторических событий, аналогиях, повторениях, «возвращениях». За XX в. Россия неоднократно испытывалась на прочность жестокими внешними вызовами и связанными с ними внутренними потрясениями. И в настоящее время против нашей страны развязаны информационная война, санкционное давление, «горячая» прокси-война. Исследователи называют данные вызовы «возвращением Версаля»².

Политико-правовая основа Версальского миропорядка формировалась на основе решений Парижской мирной конференции (18.01.1919–21.01.1920 гг.; с участием 27 государств) и последовавших за ней 5 договоров Антанты отдельно с каждым из проигравших государств. Проигравшие государства подвергались репарациям, отчуждению территорий, изоляции. Как показало развитие событий, выстраивание дисбаланса сил путём лишения проигравших внешнеполитической субъектности чревато «возвращением» угроз через десятилетия и даже столетия. Первое такое «возвращение» ознаменовалось умножением в Европе авторитарных режимов и началом Второй мировой войны. Характеризуя события истории Германии в 1930-е гг., В. Я. Швейцер отмечает, что «не было ничего удивительного в том, что в этой стране, лишённой многих суверенных прав, активизировались националистические и реваншистские силы, главным выразителем интересов которых стала Национал-социалистическая рабочая партия Германии» [16, с. 194–196]. Германия вновь наступила на «исторические грабли». Такую ситуацию в науке называют «порочный цикл» («порочный круг»).

Метафора «возвращение Версаля» помогает осмыслить исторические вызовы. Наряду с изменением границ и режимов в трансформации миропорядка повторяется выход на арену политики такой нередко решающей переменной, как *состояние массового сознания населения, фрагментирующей национальную идентичность в государствах*. Об этом говорят последствия уже прошедших «цветных» революций, гибридных войн, гуманитарных интервенций, включающих «бои за прошлое» («войны за идентичности»). Пере-

² О теме «возвращающегося Версаля» см., напр.: [25].

писывание истории сопровождается возникновение взрывоопасных политических ситуаций на постсоветском пространстве и вокруг него.

В этой связи исследовательский подход, основанный на метафоре «возвращения Версаля» (Версальского «круговорота»), логично согласуется с *концептами цикла («цепочки» событий)*, предпосылкой которого становятся ошибки в идеологии, ослабляющие духовные ценности государства, за чем могут следовать следующие фазы: распространение «крамолы» – революция («смута», «идейный разброд и шатания») – гражданская война (или локальные конфликты на социальной, этнической, конфессиональной почве). Это – «нисходящая фаза» цикла, сопровождающаяся переделами сфер влияния и образованием дисбалансов сил (угроз) в мировой политике. За этим возможна «восходящая фаза»: социальная и духовная консолидация – укрепление державы – устремление возвратить былые международные позиции. Возможна новая война за устранение дисбаланса. Победа или поражение в новой войне («горячей», «холодной», прокси-войне) изменяет баланс сил (угроз).

В том или ином виде подобные циклы («цепочки» событий) можно найти в истории многих стран. Их конкретные формы, направленности и содержательное наполнение зависят от характера эпохи, баланса (дисбаланса) сил и угроз, уникальных особенностей государства (геополитических, экономических, социокультурных и др.). При этом исследователи используют междисциплинарное расширение содержания циклов благодаря спектру понятий, визуальных метафор, концептуальных и графических моделей. Цикл – не простое «круговое» повторение, он обладает сложными переходами, самоповторяющейся организацией, что отражено в метафорах («социальный маятник», «резонанс», «волна», «амплитуда» и др.) [11, с. 8].

Для современной России продуктивен диахронный сравнительный анализ цикла 1914–1937(1938) гг. с циклами (возможно, подциклами, фазами) после 1989–2014 гг., прошедшими после холодной войны, затем началом нового цикла трансформации с 2014 г. Это добавляет оснований задуматься над метафорой «Версаль возвращается». При существенном различии изменений в названных периодах проверяются аналогии, выявляющие относительные «повторения» прошлых процессов в перипетиях конца XX в. Император Николай II подписал Акт об отречении от власти 2(15) марта 1917 г., сославшись на сложившиеся обстоятельства (развал самодержавия). 25 декабря 1991 г. Президент СССР М. С. Горбачёв сложил свои полномочия, заявив о данном решении по принципиальным соображениям (невозможность сохранения СССР как целостного государства). Самоотречение российского императора и отставка Президента СССР во многом обусловлены разломом национально-государственной идентичности из-за недовольства населения ошибками и предательством элит в 1916–1917 гг. и 1988–1991 гг.

Г. Сюмер (G. Sümer), сравнивая ситуации в России после Версальского мирного договора и поражения в холодной войне, пишет, что для перехода к стабильному миропорядку побеждённая гегемонистская держава должна быть полностью интегрирована в международный порядок, чтобы могла сформировать новую идентичность [21]. Нарушение этого принципа ведёт к нестабильному мировому порядку и новым войнам. Мнение учёного подтверждаются реалиями последних лет.

Для России купирование «неоверсальских вызовов» возможно только при мобилизации общества на защиту общероссийской идентичности от фрагментации. Цель прокси-войны на Украине как «офшорного балансирования» США и НАТО – разрушить или заметно ослабить общероссийскую идентичность, «развалив» Россию изнутри, как СССР. Концепт цикла с использованием метафоры «Версаль возвращается» помогает отвечать на вопрос: «Как не допустить повторения подобной “цепочки событий” с результатами, подобными 1917 и 1991 гг.?».

Каратеев А. Ю.,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОДХОДЫ К МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ

Одним из путей понимания того, как в обществе формируются и трансформируются идентичности, является математическое (компьютерное) моделирование. Особенно популярными в последние годы, в условиях развития и доступности вычислительной техники, являются компьютерные симуляции (имитационное моделирование), основанные на агентном подходе. Этот метод, в отличие от эмпирических или теоретических исследований, позволяет проводить эксперименты, создавая, по сути, искусственные общества, которые развиваются по установленным в исследовании правилам. В ходе различных серий экспериментов правила и свойства общества могут меняться, открывая широкие возможности для изучения того, как индивидуальные черты, существующие нормы и ценности, правила поведения, регулирующие действия правительства, оказывают влияние на идентичность и процессы её формирования.

Для этих целей можно использовать уже зарекомендовавшие себя модели, разработанные Р. Аксельродом [18], П. Смальдино и коллегами [24], Н. Нганом и коллегами [23], а также другими исследователями для моделирования культурной конвергенции, распространения мнений, процессов се-

грегации. В рамках этих и других моделей идентичность может быть описана как устойчивая совокупность индивидуальных характеристик, формирующаяся в процессе развития и взаимодействия индивида с его окружением и общественными институтами.

В целом *агентный подход* предполагает, во-первых, описание самих агентов – т. е. носителей идентичности. Этот этап включает описание свойств, которыми обладают агенты, – как тех свойств, которые составляют идентичность, так и тех свойств, которые, с точки зрения исследователя, имеют влияние на формирование и трансформацию идентичности. Во-вторых, необходимо описание «поля» («сети») – т. е. описание связей между агентами с указанием того, как эти связи могут трансформироваться (если такое предусматривается). В самом простом случае речь идёт об указании того, между какими агентами имеется связь. В более сложных случаях описываются направление связи, её интенсивность, условия изменения этой интенсивности, её характер (что может влиять на то, что агенты, например, активно используют эту связь для обсуждения личных вопросов, но не политических). В-третьих, описывается процедура взаимодействия между агентами (что влияет на протекание взаимодействия и к чему взаимодействие приводит – какие свойства агентов и связей меняются и как именно).

Сам процесс *компьютерной симуляции* представляет собой многократное повторение одних и тех же шагов: 1) взаимодействие между агентами; 2) изменение свойств агентов и связей в результате взаимодействия.

Как и любой другой метод, агентное моделирование имеет ряд достоинств и недостатков. Особое значение в этом плане для имитационного моделирования имеют допущения, сделанные создателями моделей. В частности, особенностью процессов формирования идентичности в модели Аксельрода является то, что идентичность агента формируется под воздействием его ближайшего окружения (семьи, друзей, коллег). Другим предположением является то, что вероятность заимствования чужих мнения / ценностей или паттернов поведения пропорциональна схожести агентов между собой. И если второе предположение представляется оправданным (для общения у людей должны быть общие интересы), то первое предположение, скорее, характерно для традиционного общества с доминированием локальных «соседских» связей.

Подобные недостатки, характерные для многих моделей, уже ставших классическими, ставят вопрос об их адаптации к использованию в современных условиях. В условиях, с одной стороны, отличающихся высокой степенью доступности информации, широкими возможностями по взаимодействию индивидов из разных этнических, религиозных, политических и иных групп, – т. е. всеми теми преимуществами, которые даёт сегодня развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий, – а с другой стороны, поддерживающих «локальность» коммуникаций за счёт воз-

никновения таких явлений, как, например, эхо-камеры. В результате в современном обществе формирование и трансформация идентичности индивида происходят в условиях намного более значительных, чем когда-либо раньше, возможностей по взаимодействию с другими индивидами и при этом под сильным влиянием локальных групп.

Отмеченные особенности современной коммуникации требуют модификации используемых моделей, пересмотра структуры связей между агентами, уточнения процедуры взаимодействия между ними. Одним из вариантов здесь видится введение в модели так называемых дальних связей, т. е. взаимодействий между агентами, которые не являются соседями. Возникающие при этом эффекты в значительной мере зависят от доли дальних связей в общем объёме взаимодействий индивида, которая на эмпирическом уровне косвенно может быть определена, например, через количество времени, которое индивид проводит в интернете.

Ключевые вопросы, которые ставятся сейчас перед исследователем при проведении агентного моделирования, заключаются в том, как именно влияют современные условия распространения информационно-коммуникационных технологий на формирование идентичностей в обществе? Способствуют ли они выработке единой идентичности или, наоборот, размыванию единой идентичности и возникновению нескольких альтернативных? Ускоряется ли процесс формирования идентичностей или замедляется?

Наши предварительные результаты моделирования в большей степени свидетельствуют в пользу того, что информационно-коммуникационные технологии способствуют формированию общей идентичности в обществе.

Щегловитов А. Е.,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГРАЖДАН

С началом Специальной военной операции на Украине и последовавшего затем усиления санкционного давления на Россию возросло внимание к факторам, влияющим на патриотическую самоидентификацию граждан, в частности, к технологиям массовой коммуникации.

Технологии информационного влияния – совокупность методов и техник воздействия на сознание объекта в рамках определённых процедур с помощью специальных технических средств, отправляемых по различным коммуникационным каналам. Кампании, направленные на формирование или

трансформацию патриотической самоидентификации граждан, не являются исключением [17]. *Технические средства* – любые носители информации, позволяющие её зафиксировать и передавать. *Каналы коммуникации* – группы и виды медиа, включая традиционные СМИ, наглядные медиа (в том числе и средства «ambient»³), социальные медиа, специфические медиа – произведения искусства, культуры (музыку, театр, кино и мультипликацию), компьютерные игры и другие продукты массовой культуры, мероприятия в системе образования и воспитания. *Процедуры* – набор алгоритмов и правил деятельности с учётом отведённых временных рамок.

Согласно разработанной автором статьи структуре технологий информационного влияния различные их *методы* образованы способами коммуникации и восприятия объектом информационных посланий. Использование *техник* в структуре рассматриваемых технологий обусловлено методами и зависит от их выбора субъектом кампании. *Комбинированное использование* методов, техник и других элементов структуры технологий информационного влияния позволяет применять комплексные технологии информационного влияния, носящие в профессиональной среде названия «астротурфинг», «фрейминг», «манипуляция набором выбора» («окно возможностей» – «окно Овертона») и др. [3].

Патриотические круги российской общественности и эксперты сходятся во мнении, что отдельные *внешнеполитические акторы* ставят своей целью перефокусировать общественное сознание со своих собственных неблагоприятных поступков в период, предшествовавший Второй мировой войне, во время и после неё; делают они это посредством формирования образа «страны-агрессора», несущей ответственность за развязывание войн в мире [12, с. 92–94]. Подобные идейно-символические смыслы находят отражение и в информационной политике сопредельных с Россией современных государств – бывших республик СССР, в частности, Украины. В этих случаях основной причиной негативизации российских государственных и патриотических символов во многом является желание использовать подобные технологии информационного влияния как инструмент укрепления власти и влияния на общественное сознание граждан этих стран со стороны националистических элит, возникших на обломках Советского Союза.

Идеология отрицания патриотизма у части *внутрироссийских акторов* имеет сходство с вышеобозначенными игроками. Политические субъекты, действующие в данном ключе в отечественном информационном пространстве, имеют выраженный оппозиционный характер. Цель их управленческого воздействия на общественное мнение посредством технологий инфор-

³ Здесь подразумевается использование бытовых и окружающих предметов в качестве носителей информации.

мационного влияния – занять собственную электоральную нишу (целевая аудитория – протестные слои общества).

В противодействии негативному информационному влиянию на модели общероссийского патриотизма наиболее перспективен *«контроппозиционный дискурс»* с интернет-мемами, лозунгами, видеосюжетами, компьютерными играми, песнями, книгами и статьями, изображениями и эмблемами, другим текстуальным и аудиовизуальным контентом, нивелирующим негативный информационный поток с идейно-символическими смыслами для популяризации положительного восприятия символов патриотизма в общественном сознании.

К «контроппозиционному» контенту в рамках соответствующего дискурса относятся наиболее известные в социальных медиа примеры, ставшие узнаваемыми (своего рода мемы), из арсенала противника. Они транслируются в виде хэштегов, эпитафий и слоганов к видео, изображениям и постам в социальных медиа (соцсетях, блогосфере, популярных мессенджерах и т. п.), при общении и даже во время дискуссий: 1) «Путинвсёлил» и «Рашкавсё» – подчёркивание абсурдности распространяемой идеи о неэффективности власти и государства; 2) «Другой оппозиции у меня для вас нет» – сопровождение несостоятельности высказываний или неэтических поступков оппозиционных лидеров мнений; 3) «Люди с хорошими лицами» и «Рукопожатный» – использование фраз оппозиционно настроенных публичных лиц, ставших крылатыми, с целью их высмеивания; 4) «Это другое» – абсурдизация оправдания российской оппозицией негативных действий западных государств и их лидеров на мировой арене в отношении своих граждан или других стран; 5) «Сегодня мы все грузины» – использование выражения Дж. Маккейна, произнесённого для поддержки грузинской стороны в осетинском конфликте 2008 г. с целью побуждения ассоциаций о поддержке сил, настроенных против России; 6) «Политрук лжёт» – критика со стороны оппозиции демонстрации успехов российского общества и государства; 7) «Засовестился» – сопровождение мнения убеждённых противников политической системы России, когда оно включает позитивную оценку ситуации в стране.

В таком дискурсе используются техники *доведения до абсурда* (с целью восприятия некогда популярной в массах идеи как неактуальной, дискредитировавшей и исчерпавшей себя) и *ассоциативного связывания* (эмоциональное воздействие на аудиторию через стимулирование ассоциаций по сходству, ассоциаций по смежности или по контрасту), относящиеся к группе *техник интерпретации*.

Для дискредитации патриотических символов применяется технология, в основе которой лежит постепенное продвижение идей и ценностей, доминирующих в общественном сознании как отрицательные с этической точки зрения, в разряд более положительных с последующим восприятием в качестве нормальных и общепринятых. «Окно возможностей» как *манипулирова-*

ние «набором выбора» гражданами «правильных» идей было применено при организации провокационного опроса среди телезрителей канала «Дождь»⁴ о возможности сдачи блокадного Ленинграда гитлеровцам с целью сохранения миллиона жизней блокадников. Этот пример позволяет увидеть основную цель применения данной технологии – не столько сделать ту или иную идею популярной, сколько включить в «набор выбора» общественного мнения идею, представляющуюся настолько маргинальной, что она ранее даже не рассматривалась и в принципе не воспринималась в обществе всерьёз. Однако подобная технология, основанная на соответствующих методах, техниках и трансформационных процедурах, способна постепенно «двигать» общественное мнение в сторону закрепления в нём ценностей, необходимых манипулятору.

Сегодня в силу естественных причин ослабляется воздействие формата встреч молодёжи с живыми свидетелями Великой Отечественной и других войн, с ветеранами, выдающимися дипломатами, разведчиками, государственными деятелями. Происходит перемещение молодых граждан в информационное пространство социальных медиа [8]. В связи с этим необходимо применять ещё одну технологию информационного влияния – *политический астротурфинг*, также включающий в себя все элементы необходимой технологической структуры. Астротурфинг представляет собой явление, достаточно известное ранее, ещё до появления самого термина [5]. Тем не менее при стремительном развитии интернет-коммуникаций данная технология активно используется в пространстве социальных медиа в виде постов и комментариев. Они распространяются как сообщения множества обычных людей в рамках широких дискуссий, например, о патриотизме и символах государства с целью демонстрации видимости искусственно созданной низовой общественной поддержки необходимого мнения и для дискредитации неуютной идеи.

Зверева М. С.,

*Институт социологии ФНИСЦ Российской Академии наук
109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1, Российская Федерация*

ЭТИКА «СЛУЖЕНИЯ» В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Этические нормы отношений государственных служащих основываются на представлениях о долге и чести, которые традиционно относятся к обязанностям чиновника в его работе. В ряду принципов и норм, отражающих морально-этическую сторону службы и составляющую её нравственную ос-

⁴ Признан Министерством юстиции СМИ – иностранным агентом (прим. ред.).

нову, можно выделить служение государству и обществу. В определённой степени это относится не только к чиновникам и служащим, но и ко всем гражданам. Каждый член общества занимает определённую нишу, играя ту или иную общественную роль, выполняет долг по развитию этого общества. Существует феномен «служения» («миссия») в разных сферах жизни общества: в науке, школе, искусстве, медицине. Некоторые профессии исторически основывались и ныне заимствуют концепт «служения»: например, военнослужащие, полиция (милиция), сотрудники МЧС, служители церкви. Говоря о гражданах и этике «служения» среди них, необходимо учитывать огромную роль государства и государственной идеологии в нравственном воспитании. Именно государственные служащие должны показывать гражданам высокие идеалы и морально-этические ориентиры.

Как отмечают Л. И. Бондаренко и Е. А. Овчинникова, сам концепт «служения» зародился на основе воинского этоса, который, в свою очередь, вбирал в себя разные смыслы: отречение от своих интересов во имя общих и наивысших целей, возложение на себя новых обязанностей, например, спасения людей, обязанности быть примером, чтобы вести их за собой [2].

Позже этика «служения» переносилась на сферу, связанную с трудом, особенно по мере разделения труда. Этика «служения» как один из элементов цепочки развития общества впоследствии перерастает в этику «ответственности» за результаты своего труда. Похожий феномен происходил и в сфере государственной службы [4]. Начало этики «служения» в государственной службе России пришлось на петровский период, когда сам Пётр I поставил «государственную задачу» готовить профессионалов, овладевающих необходимыми навыками для реализации реформ [2, с. 217].

В следующем веке происходит перелом и начинает превалировать понимание государственной службы как таковой – важным становится феномен «служения». Подобные идеи развиваются в теориях русских просветителей. Ключевым становится понимание человеком своего места в обществе, собственной цели как вклада в достижение общественного блага. Цель просвещения – формирование такой личности, готовой пожертвовать личными интересами ради общих. В этот период происходит переход от целеориентированной этики «служения» к ценностноориентированной, возрастают ценность и значимость государственной службы: она начинает трактоваться именно как «служение». Важную роль в просвещении сыграло образование. Образовательный проект, нацеленный на развитие этики «служения» у новой личности, развернулся в XIX в. Главной целью проекта было призвать людей, особенно чиновников, служить своему Отечеству, осуществлять государственные реформы.

Для понимания этики «служения» в современной России примечательны результаты исследования, проведённого Т. М. Резер и Г. А. Невским. По их мнению, ценности молодёжи начала столетия были связаны с индивидуаль-

ными главным образом экономическими факторами, вопросом собственного благополучия. Ценности, связанные с социумом, общими благами и благополучием других людей, уходили на задний план и не воспринимались как важные и доминирующие [13]. Именно поэтому вопрос патриотического воспитания настолько важен и актуален сегодня в политической повестке; с ним связана потребность укрепления этики «служения» в профессии государственного служащего.

Этика «служения» имеет многовековую традицию и базируется на нравственных ценностях общества, поддерживаемых культурой, образованием, системой патриотического воспитания.

Тальская О. Д.,

*Институт социологии ФНИСЦ Российской Академии наук
109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1, Российская Федерация*

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ТРУДАХ ЧЛЕНОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тема воспитания занимала многие великие умы на протяжении всей истории. Платон, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Фурье предлагали свои проекты. Не было исключением и время имперского величия России в конце XIX в.; выразителями таких проектов были не только философы и мыслители, но и люди, вовлечённые в военно-политическую практику. Именно члены Генерального штаба, являя собой пример интеллектуалов и всесторонне развитых людей, предлагали рассматривать проблему воспитания как краеугольную, решив которую, можно быть спокойным за будущее России.

В означенный период самыми яркими представителями на службе государя были военные публицисты и востоковеды, осваивающие Среднюю Азию, ведь именно там и зародилась «Большая игра» России и Британии. Одним из них был М. А. Терентьев – убеждённый приверженец имперских взглядов, искренне видевший в Российской империи силу, приносящую народам блага цивилизации. Соперничество же с Великобританией требовало определённых усилий, воспитания профессионалов, способных усиливать влияние России в Средней Азии [1].

М. А. Терентьев обосновывает роль школ в распространении влияния Российской империи на Среднюю Азию: «Не подлежит, конечно, ни спору, ни сомнению, что христианство смягчает нравы, облагораживает человечество, даёт больший простор исследованию и проч., но для пропаганды ещё не настало время. Прежде надобно приготовить почву – иначе всякий прохожий растопчет посеянное, птицы поклюют, солнце иссушит, терний заглушит! Почва готовится школой. Прежде всего, значит, мы должны позаботиться

о школах для туземцев. Мы должны ввести в них обучение русскому языку» [14, с. 355–356].

Терентьев рассматривает христианство в качестве инструмента, с помощью которого возможно достижение большего порядка и гармонии в обществе. При этом он отмечает, что в Средней Азии насаждение и даже более мягкие методы внедрения христианской веры закончились бы провалом без предварительной подготовки. Для достижения этой цели Терентьев предлагает строительство школ для местного населения, а также обучение русскому алфавиту. Он акцентирует внимание на воспитании присоединённых народов для достижения общей пользы, замечая, что в нашем Отечестве оно, безусловно, должно основываться на религиозных началах.

Генерал-губернатор Туркестана М. Г. Черняев писал о проблеме воспитания иначе. Он больше беспокоился о подготовке военных – будущего служилого поколения империи. В своих письмах-воспоминаниях он критиковал преподавание для военных и предлагал реформировать эту систему. «Военную географию преподавал скучнейшим образом Милютин. Свойство Милютина – осторожность, никогда не проговориться, общие места: “добродетель – похвальна, порок – вреден”. Хвалят его либерализм и гуманизм, но воспитание армии должно идти совсем в другом духе» [15, с. 20].

Часто ссылались на Н. М. Пржевальского, оставившего значительное количество работ с наблюдениями о нравах в азиатской местности и службе в Средней Азии. Его предложения о методах воспитания сводились к идее нравственного порядка.

Подводя итог, можно сказать, что у многих представителей Генштаба Российской империи XIX в. превалировала тема нравственности и религии как характерная для русской политической мысли, а следовательно, и для русской ментальной традиции.

Сергазин Е. Ф.,

*Евразийский Национальный университет имени Л. Н. Гумилёва
010008, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2, Республика Казахстан*

КАЗАХСТАН НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В 1991 г. многие республики бывшего СССР провели референдумы и объявили о независимости. Ряд народов впервые обрёл государственность. СССР не стало, но наследие той эпохи оказалось гораздо больше, чем предполагалось; однако государствам предстояло им разумно и эффективно распорядиться. Если обратиться к истории Казахстана, прерывание существовавших связей между хозяйствующими субъектами и бывшими гражданами СССР стало системным сбоем, породившим кризис советской идентичности.

Выход из системного кризиса лежал в плоскости определения места молодого казахстанского государства в системе международных отношений, а также перестройки восприятия государства в общественном сознании. Попытки преодоления социальной нестабильности посредством технократических решений только переводили кризис в перманентное состояние.

Первый Президент Казахстана верно показал, что в СНГ для государств Центральной Азии и некоторых других необходима экономическая интеграция в постсоветском пространстве. Способствуя нормализации экономической ситуации и решая вопросы национальной безопасности, евразийская интеграция создаёт условия для формирования национально-государственной идентичности, инклюзирующей идентичности всех народов Казахстана. Интеграция способствует реструктуризации евразийского пространства. Учреждение Таможенного союза, ЕврАзЭС в 2000 г., ЕАЭС в 2014 г. и расширение последнего в 2015 г. открыли широкие возможности для бизнес-сообществ государств-членов в виде динамичных рынков с едиными стандартами и требованиями.

Состояние и перспективы развития евразийской интеграции невозможно оценивать в отрыве от её общественного восприятия казахстанцами, что очень важно для формирования национально-государственной идентичности. Она находила поддержку и понимание не только у населения приграничных территорий России и Казахстана, связанных с естественной интеграцией, но и в целом у казахстанцев других регионов в отношении разных фаз и форм интеграционных процессов в контексте Таможенного союза, Единого экономического пространства, ЕАЭС. Так, более 77,1% населения Костанайской области одобряли паритетное партнёрство в Таможенном союзе, по данным, полученным в ходе четырёхэтапного мониторинга общественно-политической ситуации (проведён по заказу Управления внутренней политики акимата области Центром эмпирических социологических исследований ТОО «РГ Костанай таны») [10].

Казахстан активно участвовал в создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Используются перспективы развития свободной торговли между ЕАЭС, Вьетнамом, Израилем, Индией, Египтом, Ираном, Республикой Корея, Сингапуром, Сербией и др. Всё это формирует в сознании казахстанцев образ динамично развивающейся и открытой миру каспийской региональной державы, занимающей одно из центральных мест в развитии геоэкономики Евразии, благодаря своей транспортной инфраструктуре обеспечивающей транзит грузов Азия – Европа как важное звено в проекте «Один пояс, один путь».

Сегодня Евразийский интеграционный проект для большинства казахстанцев перемещается из сферы политической и научной риторики в поле реальной практики и опыта сотрудничества, в сферы общественного обсуждения, что позволяет ему обретать массовую социальную поддержку.

В обществе доминирует понимание, что участие в экономической интеграции – необходимое условие для развития Казахстана. Такой позиции придерживаются 86,5% опрошенных казахстанцев. Категорически настроены против интеграции лишь 2% респондентов. Интеграционные настроения в Казахстане поддерживают не только представители старших поколений, большая часть жизни которых прошла в СССР, но и молодёжь. Результаты социологических исследований, проведённых Институтом Евразийской интеграции, свидетельствуют о поддержке молодёжью внешнеполитических приоритетов страны (87%), а также её участия в ЕАЭС (86%). В целом высокий уровень поддержки участия страны в ЕАЭС в 2019 г. фиксировался как среди населения – 86,4% респондентов (в 2014 г. – 84,8%), так и экспертов – 98%. По мнению последних, евразийский интеграционный процесс обеспечен кредитом доверия со стороны всего казахстанского общества [9].

Таким образом, Казахстан на протяжении всего постсоветского периода последовательно реализует программу участия в интеграционных проектах, что поддерживает устойчивый евразийский компонент казахстанской национально-государственной идентичности.

Биринчи Эбру,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ИЗМЕНЕНИЕ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИЗРАИЛЯ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Многообразие израильского общества, сложная и противоречивая история государственности еврейского народа приводят к тому, что Израиль нередко оказывается в центре дебатов об идентичности в самых разных аспектах. В стране периодически наблюдается кризис идентичностей, возникающий на почве религии, идеологии, этничности, гендеров.

Данный анализ будет сосредоточен на взаимодействии между национальной идентичностью Израиля и его внешней политикой. При этом обращается внимание, во-первых, на возникающую напряжённость между идентичностями отдельных народов в Израиле и их позицией на разных этапах истории страны; во-вторых, учитываются глобальные и региональные события, тренды мировой политики. В-третьих, уделяется внимание взаимодействию внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование национальной идентичности Израиля.

Сионистский нарратив, доминировавший в израильском политическом дискурсе до 1990-х гг., рассматривал арабов в качестве «Других», которые находятся в полной противоположности тому образу, с которым сионисты себя

(нового еврея) олицетворяли как представителей западной культуры, нравственности, гуманизма и национализма [26]. Внешнеполитическая периферийная доктрина Израиля, которая отражает чувство изоляции еврейского народа как окружённого врагами, угрожающими его существованию, была основана на этом арабо-еврейском противопоставлении. Положение арабов как «внешнего Другого» обеспечили и враждебные отношения, опыт войны и конфликтов с Израилем, которые только начали постепенно изменяться с конца 1970-х гг. Однако, когда отношения с арабами стали улучшаться, начали ухудшаться отношения с Ираном в результате изменения там режима. В 1990-х гг., когда в Израиле стал поощряться мирный процесс с палестинцами, Иран, Хезболла и Хамас стали *новыми внешними «Другими»*.

1990-е гг. имели большое значение для формирования и изменения идентичности Израиля, т. к. события на региональном и глобальном уровнях оказали непосредственное влияние на идентичности народов Израиля, восприятие ими себя и «Других». Кроме того, религиозный вызов, с которым сталкивается национальная идентичность Израиля сегодня, также восходит ещё к 1990-м гг. [27]. Религия, национальность, холокост, либерализм, на которых была основана израильская национальная идентичность [19], стали темами для споров среди элит страны, усиливая субгруппы, которые видят эти основы с различных точек зрения.

В 1990-е гг. либеральный характер государства оказался сильнее в условиях распространения западных ценностей и глобализации после завершения холодной войны. С другой стороны, с ослаблением панарабизма в регионе и усилением прагматизма арабских властей этничность (еврейство) как фактор идентичности Израиля потеряла своё первостепенное значение. В атмосфере мультикультурности группы меньшинств, такие как израильские арабы или ультраортодоксы (харедим), получили шанс повлиять на политическую повестку Израиля. Таким образом, сильный либеральный характер государства обеспечил параллельные процессы секуляризации и конфессионализации в Израиле [20], борьба которых углубляет кризис идентичности Израиля. В 2015 г. Президент (на тот момент) Израиля Р. Ривлин, выступая с известной речью «Четыре племени Израиля», указал, что религиозные, светские, ультра-ортодоксы и арабы являются равноправными сегментами общества, которым необходимо уживаться и соблюдать равенство и безопасность друг друга, действовать ответственно и, наконец, сформировать общую израильскую идентичность⁵. В условиях политической поляризации, которая тесно связана с многослойным кризисом идентичности, выборы в Израиле, повторившиеся пять раз менее чем за четыре года, показывают, что это – непростая задача.

⁵ Reuven Rivlin's. Four Tribes Speech // The iCenter: [сайт]. URL: https://theicenter.org/icenter_resources/reuven-rivlins-four-tribes-speech (дата обращения: 01.10.2022).

Внешние угрозы существованию израильтян в целом могут обеспечить формирование чувства общей судьбы [22] как важнейшего фактора объединяющей израильской идентичности. Иранская угроза в этом плане играет важную роль в формировании коллективной идентичности Израиля. Премьер-министр И. Рабин ещё в первой половине 1990-х гг., обратив внимание на внешнюю иранскую ядерную угрозу, стремился получить поддержку еврейского общества мирному процессу с палестинцами. До сих пор восприятие Ирана как экзистенциальной угрозы продолжает доминировать в израильском политическом дискурсе. Общественные опросы, проводимые в Израиле, свидетельствуют, что большинство израильского общества рассматривает Иран как экзистенциальную угрозу. Например, в 2021 г., согласно опросу *Israeli Voice Index*, 62% израильских евреев и 20% израильских арабов считали, что Иран представляет в большой или очень большой степени такую экзистенциальную угрозу⁶. Несмотря на большой разрыв между ответами евреев и арабов, можно сказать, что Иран, по мнению респондентов, представляет собой самую существенную внешнюю угрозу для Израиля. Его внешняя политика, политика в отношении Ирана не меняется с приходом к власти разных администраций. Таким образом, в Израиле, переживающем, с одной стороны, кризис идентичности, с другой, политическую поляризацию, внешние угрозы (сегодня это – Иран) занимают значимое место в формировании и сохранении коллективной израильской идентичности.

Пашин М. М.,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БРАЗИЛИИ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Кризисные ситуации в том или ином государстве делают уязвимым поддержание общенациональной идентичности. Так, пандемия инфекции COVID-19 продемонстрировала наличие такой проблемы в Бразилии. Она коренным образом изменила способы коммуникации людей и характер взаимодействия государств, обществ и власти, усилила фрагментацию субрегионов. Общенациональная идентичность в Бразилии, как и в большинстве федеративных государств, является довольно чувствительной к процессам фрагментации, тем более этому способствовало углубление социальной дифференциации образа жизни. Это иллюстрируется серьёзными пробле-

⁶ Does Iran pose an existential threat? // The Israel Democracy Institute: [сайт]. [08.12.2021]. URL: <https://en.idi.org.il/articles/36760> (дата обращения: 12.09.2022).

мами в области социального обеспечения и здравоохранения в отдельных штатах.

В Бразилии тема идентичности в последние десятилетия стала очень популярной. В значительной степени она связана с проблемой глобализации, в частности, её амбивалентными проявлениями. На уровне массового сознания объединяющая национальная идентичность в Бразилии представляется в доступных и способных вызывать общие переживания *идеологемах и символах*: в праздниках, юбилейных датах, памятниках, сериалах и разных видах визуальной культуры, других формах символической репрезентации.

Через них внешне проявляется национальная идентичность как более пяти столетий существующая общая родина. Множество разнообразных мифов и легенд о ней продолжают жить и сегодня, передаются из поколения в поколение, поддерживая историческую память. Складывавшаяся веками общая культура, а также свой «бразильский» диалект португальского языка, несомненно, являются важным элементом её идентичности [7].

При поддержании объединяющей национальной идентичности зачастую наблюдается противостояние со стороны субрегиональных (этно-территориальных) идентичностей отдельных штатов и территорий, которым уделяется меньше внимания со стороны федерального центра. В период пандемии COVID-19 это касалось, в том числе, санитарно-эпидемиологических условий и организации медицинской помощи, вакцинации, поддержки бизнеса и работников, семей с детьми. Уже в самом начале пандемии Институт экологических исследований Амазонки опубликовал результаты исследования, согласно которым уровень смертности от коронавируса среди коренного населения был на 150% выше, чем в среднем по Бразилии⁷. Ухудшение уязвимости коренных народов обусловлено как большей восприимчивостью к экзогенным заболеваниям, так и социокультурными, экономическими условиями и трудностью доступа к системе здравоохранения (большие расстояния до пунктов медицинской помощи, недостаток медицинского персонала). Часть вышеописанных проблем возникла в результате колонизации с XVI в. с её массовыми нарушениями прав коренных народов.

Пандемия COVID-19 является биологическим фактором, который нанёс значительный ущерб коренным народам Бразилии. Это обусловлено слабым иммунитетом и различными экологическими и социальными факторами. Эта ситуация приводит к последствиям как биологическим, так и социокультурным, например, к разрыву в *культурном воспроизводстве коренных народов*. В случае пандемии группы пожилых людей наиболее уязвимы, а ведь они в данных культурах – хранители особой памяти, а вместе с тем – основ-

⁷ They are not numbers, they are lives! The Covid-19 threat to indigenous peoples in the Brazilian Amazon. 2020 [Электронный ресурс] / M. Fellows, V. Paye, A. Alencar, M. Nicácio, I. Castro, M. E. Coelho. URL: <https://ipam.org.br/wp-content/uploads/2020/06/NT-covid-indi%CC%.pdf> (дата обращения: 17.09.2022).

ная группа риска, в которой по статистике выявляется наибольшее количество летальных исходов. *Историческая память и языковые идентичности*, особенно у коренных народов, зачастую основаны на сказаниях и диалектной устной речи, оригинальном образе жизни, навыках изготовления самобытных предметов. Всем этим чаще всего владеют пожилые люди, и их более ранний уход из жизни подрывает *преемственность поколений*. Формирование и поддержание «объединяющей» национальной идентичности в масштабах государства – работа эпохальная и постоянная. Сменяются поколения, и если в обществе не выстроена адекватная система трансляции исторической памяти, то в сознании молодёжи она может стираться [6].

Правительство Бразилии исключало из официальных отчётов заболеваемости и смертности коренных жителей городских районов или изолированных территорий, что, по мнению APIB, представляет собой проявление расизма и отсутствие общей идентичности в стране. Необходимо было отслеживать случаи заболевания и смерти представителей коренных народов через их ассоциации совместно с учреждениями здравоохранения, партнёрами по созданию портала экстренной помощи для таких групп населения⁸. Кроме того, отсутствовала ясность в отношении протоколов Министерства здравоохранения Бразилии, что осуждалось лидерами коренных народов: действия, формулируемые протоколами по профилактике, уходу и захоронению инфицированных, противоречили традициям коренных народов.

Бывший Президент Бразилии Ж. Болсонару активно выступал за использование лекарственных средств в целях профилактики COVID-19 среди коренного населения. Коренные народы осудили эту практику, попросив принять превентивные меры на уровне федерального правительства, поскольку они считали, что их могут использовать как испытуемых в экспериментах по применению ранее не проверенного лекарства, что напоминает, на их взгляд, геноцид. Пандемия новой коронавирусной инфекции продемонстрировала, что недостаточно налажен диалог на должном уровне между правительством страны и представителями коренного населения, что создаёт сложности поддержания консолидирующей идентичности Бразилии. И это предъявляет серьёзные требования к политике идентичности, особенно в периоды кризиса.

⁸ APIB, 2020: Covid-19 data // Emergência Indígena: [сайт]. URL: https://emergenciaindigena.apiboficial.org/dados_covid19 (дата обращения: 22.09.2022).

Капицын В. М.,

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный материал свидетельствует о возрастающем интересе к познанию идентичности. Известный французский исследователь А. Турен отмечал в 1990-х гг. проявление во всех частях мира и разных областях общественной жизни роста интереса к требованиям общественных движений, защищающим коллективную идентичность. По прошествии 30 лет анализ проблем «частичной», а также национальной (объединяющей) идентичности не утратил своей актуальности. Более того, политическая идентификация признана фактором, способным сдвигать географические и культурные фронтиры, изменять политические режимы, способствовать как разрушению, так и упрочению государств. Расширилась и география исследований идентичности, из США исследования распространились на Европу, Россию, Восточную Азию. Проблемы идентичности получили «постоянную прописку» не только в страноведении и регионалистике, но и в отраслях политической науки, как в эпистемологии, теории, так и в прикладных исследованиях. Причём данное политологическое исследовательское поле стало значительно более разнообразным и многослойным: укрепился научный интерес не только к «частичным» идентичностям различных меньшинств, в фокус внимания переместилась «объединяющая» национально-государственная идентичность, в том числе, в связи с возвращением и усилением интереса к формированию патриотизма. И необходимо отметить вклад российской науки в такое смещение интереса.

Представленная в этом номере журнала публикация – одно из свидетельств неослабевающего научного интереса политологов к проблеме объединяющей (консолидирующей) национальной идентичности. Множество стран (в данном случае мы опирались на опыт не только России, но также Израиля, Казахстана, Бразилии) «вкладывается» в изучение и формирование объединяющей нацию идентичности, а также жизненно необходимого массового патриотизма. Материал данной публикации показывает интересный сдвиг исследований к редко затрагиваемым темам: теоретическим (циклу «возвращения», этике «служения»), историческим (влиянию российского просвещения на Туркестанский край, проблеме воздействия евразийской интеграции на становление казахстанской объединяющей идентичности), прикладным (математическому моделированию идентичностей, применению контрпропозиционного дискурса в информационном воздействии). Это

свидетельствует о расширении нашими авторами горизонта политологических исследований идентификационных потоков, об определённых шагах в области гносеологии и методологии, социальной когнитологии, качественного сравнительного анализа.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.03.2023

Статья размещена на сайте: 23.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон К. М., Тальская О. Д. Обоснование среднеазиатской политики Российской империи в контексте «Большой игры» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 16.10.2022).
2. Бондаренко Л. И., Овчинникова Е. А. Концепт «служения» в нравственной культуре России // Дискурсы этики: альманах / под ред. В. Ю. Перова. СПб.: Издательство РХГА, 2012. С. 215–222.
3. Володенков С. В., Федорченко С. Н. «Окно Овертона» – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель – Observer. 2015. № 4. С. 83–93.
4. Зарубина Н. Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 96–105.
5. Информационно-технологическое проектирование политических ценностей в российском сегменте интернет-пространства: материалы круглого стола / С. В. Володенков, И. И. Кузнецов, Т. В. Евгеньева, А. Л. Зверев, М. Н. Грачев, Т. А. Штукина, Н. С. Седых, Е. В. Бобровская, А. Е. Щегловитов, Д. И. Писарчук, А. П. Федоров // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 5. С. 113–135.
6. Капицын В. М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. Political Science Journal. 2014. № 1. С. 8–32.
7. Константинова Н. С. Бразильская национальная идентичность: мнения и сомнения // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 123–128. DOI: 10.31857/S0044748X0005402-1
8. Кузнецов И. И. Великая Отечественная война в школьном курсе литературы: особенности политической социализации школьников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 245–261. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-245-261

9. Лаумулин М. Т. Пределы и возможности евразийской интеграции // Международный научный комплекс «Астана»: [сайт]. URL: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/3247> (дата обращения: 18.09.2022).
10. Маканов Ж. К. Евразийская интеграция в восприятии населения приграничных регионов Республики Казахстан // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 8. С. 362–368.
11. Повилайтис А. В. Методология цикличности и итеративности исторических «событий» и «структур» в их социально-философской интерпретации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2021. 24 с.
12. Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 92–121.
13. Резер Т. М., Невский Г. А. Служение государству – новая социально-ценностная ориентация подготовки будущих чиновников // ЦИТИСЭ. 2020. № 1. С. 433–440. DOI: 10.15350/24097616.2020.1.39
14. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типогр. П. П. Меркурьева, 1875. 361 с.
15. Черняев М. Г. Статьи, письма, воспоминания / под ред. А. А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. 484 с.
16. Швейцер В. Я. СССР и Германия в контексте событий 1920–1930-х годов // Современная Европа. 2020. № 5. С. 193–203. DOI: 10.15211/soveurope52020193203
17. Щегловитов А. Е. Технологии информационного влияния в процессе формирования политического сознания: теоретико-методологический аспект // Информационные войны. 2013. № 4. С. 41–47.
18. Axelrod R. The dissemination of culture: A model with local convergence and global polarization // The Journal of Conflict Resolution. 1997. Iss. 41. № 2. P. 203–226.
19. Barnett M. The Israeli Identity and the Peace Process // Identity and Foreign Policy in the Middle East / ed. M. N. Barnett, S. Telhami. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. P. 58–88.
20. Ben-Porat G. Between State and Synagogue: The Secularization of Contemporary Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 279 p.
21. Gültekin S. International order and the access problem of the defeated hegemon: the case of Russia in the post-cold war era // Przegląd Strategiczny. 2021. № 14. P. 25–38.
22. Hacoheh G. Israeli Identity: What Has Changed This Year? [Электронный ресурс] // Begin-Sadat Center for Strategic Studies. 2017. № 599. URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/09/599-Israeli-Identity-Hacoheh-English-final.pdf> (дата обращения: 19.10.2022).
23. Cultural Dissemination: An agent-based model with social influence / N. Ngan, H. Chen, B. Jin, W. Quinn, C. Tyler, A. Landsberg // Journal of Artificial Societies and Social Simulation: [сайт]. 2021. Iss. 24. № 4. URL: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/24/4/5.html> (дата обращения: 26.10.2022).

24. An agent-based model of social identity dynamics / P. Smaldino, C. Pickett, J. Sherman, J. Schank // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2012. Iss. 15. № 4. P. 2–17. DOI: 10.18564/jasss.2030
25. Sosnowski A., Wimmer W. Und immer wieder Versailles. Ein Jahrhundert im Brennglas. Berlin: Zeitgeist, 2019. 216 p.
26. Yadgar Y. From Within and From Without: National Identity in Israel and its Reflection in the Changing Images of the National Other // *Democratic Culture*. 2009. No. 12. P. 73–103.
27. Zalzburg O. Religion and State // *Understanding Israel Political, Societal and Security Challenges* / ed. J. Peters, R. G. Pinfold. New York: Routledge, 2018. P. 134–148. DOI: 10.4324/9781315647357-9

REFERENCES

1. Anderson K. M., Talskaya O. D. [The Justification for the policy in Central Asia of the Russian Empire in the context of the “Great Game”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 16.10.2022).
2. Bondarenko L. I., Ovchinnikova E. A. [The concept of «service» in the moral culture of Russia]. In: Perov V. Yu., ed. *Diskursi etiki* [Discourses of Ethics]. St. Petersburg, Izdatelstvo RHGA Publ., 2012, pp. 215–222.
3. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. [«Overton window» – manipulative matrix of political management]. In: *Obozrevatel'* [Observer], 2015, no. 4, pp. 83–93.
4. Zarubina N. N. [Ethics of service and ethics of responsibility in culture of Russian enterprise]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 2004, no. 1, pp. 96–105.
5. Volodenkov S. V., Kuznetsov I. I., Evgeneva T. V., et al. [The information-technology design of political values in the Russian segment of Internet space]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], 2014, no. 5, pp. 113–135.
6. Kapitsyn V. M. [Identity: essence, structure, dynamics (discourse and experience visualization)]. In: *PolitBook. Political Science Journal*, 2014, no. 1, pp. 8–32.
7. Konstantinova N. S. [Brazilian national identity: opinions and doubts]. In: *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2019, no. 7, pp. 123–128. DOI: 10.31857/S0044748X0005402-1
8. Kuznetsov I. I. [Great Patriotic war in school literature: features of political socialization of students]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], 2020, vol. 22, no. 2, pp. 245–261. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-245-261
9. Laumulin M. T. [Limits and possibilities of Eurasian integration]. In: *Mezhdunarodnyi nauchnyi kompleks «Astana»* [International science complex “Astana”]. Available at: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/3247> (accessed: 18.09.2022).

10. Makanov Zh. K. [Eurasian integration in the perception of the population of the border regions of the Republic of Kazakhstan]. In: *Mezhdunarodnii zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2015, no. 8, pp. 362–368.
11. Povilaitis A. V. *Metodologija ciklichnosti i iterativnosti istoricheskikh «sobytij» i «struktur» v ih social'no-filosofskoj interpretacii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Methodology of cyclicity and iterativity of historical “events” and “structures” in their socio-philosophical interpretation: abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophy]. Arkhangel'sk, 2021. 24 p.
12. [Political values of modern Russian society: problems and prospects of studying]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], 2014, no. 2, pp. 92–121.
13. Rezer T. M., Nevsky G. A. [Service to the state – a new socio-valuable orientation of preparation of future officials]. In: *TSITISE [CITISE]*, 2020, no. 1, pp. 433–440. DOI: 10.15350/24097616.2020.1.39
14. Terentyev M. A. *Rossija i Anglija v Srednej Azii* [Russia and England in Central Asia]. St. Petersburg, Tipografiya P. P. Merkur'eva Publ., 1875. 361 p.
15. Chernjaev M. G. *Stat'i, pis'ma, vospominanija* [Articles, letters, memoirs]. Moscow, Publishing House of the Moscow University, 2018. 484 p.
16. Shveitser V. Ja. [USSR and Germany in the context of the events of the 1920s–1930s]. In: *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2020, no. 5, pp. 193–203. DOI: 10.15211/soveurope52020193203
17. Shcheglovitov A. E. [Technologies of information influence in the process of formation of political consciousness: theoretical and methodological aspect]. In: *Informacionniye voiny* [Information wars], 2013, no. 4, pp. 41–47.
18. Axelrod R. The dissemination of culture: A model with local convergence and global polarization. In: *The Journal of Conflict Resolution*, 1997, iss. 41, no. 2, pp. 203–226.
19. Barnett M. The Israeli Identity and the Peace Process. In: Barnett M. N., Telhami S., eds. *Identity and Foreign Policy in the Middle East*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2002, pp. 58–88.
20. Ben-Porat G. *Between State and Synagogue: The Secularization of Contemporary Israel*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 279 p.
21. Gültekin S. International order and the access problem of the defeated hegemon: the case of Russia in the post-cold war era. In: *Przegląd Strategiczny*, 2021, no. 14, pp. 25–38.
22. Hacoheh G. Israeli Identity: What Has Changed This Year? In: *Begin-Sadat Center for Strategic Studies*, 2017, no. 599. Available at: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2017/09/599-Israeli-Identity-Hacoheh-English-final.pdf> (accessed: 19.10.2022).
23. Ngan N., Chen H., Jin B., Quinn W., Tyler C., Landsberg A. Cultural Dissemination: An agent-based model with social influence. In: *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2021, iss. 24, no. 4. Available at: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/24/4/5.html> (accessed: 26.10.2022).

24. Smaldino P., Pickett C., Sherman J., Schank J. An agent-based model of social identity dynamics. In: *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2012, iss. 15, no. 4, pp. 2–17. DOI: 10.18564/jasss.2030
25. Sosnowski A., Wimmer W. *Und immer wieder Versailles. Ein Jahrhundert im Brennglas*. Berlin, Zeitgeist, 2019. 216 p.
26. Yadgar Y. From Within and From Without: National Identity in Israel and its Reflection in the Changing Images of the National Other. In: *Democratic Culture*, 2009, no. 12, pp. 73–103.
27. Zalzburg O. Religion and State. In: Peters J., Pinfold R. G., eds. *Understanding Israel Political, Societal and Security Challenges*. New York, Routledge, 2018, pp. 134–148. DOI: 10.4324/9781315647357-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Биринчи Эбру – стажёр факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: ebrubirinci@windowslive.com

Зверева Мария Семёновна – младший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук; e-mail: mariaszvereva@yandex.ru

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; e-mail: kapizin@yandex.ru

Каратеев Артём Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; e-mail: artem.karateev@gmail.com

Пашин Михаил Михайлович – лаборант отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; e-mail: pashinmm.official@gmail.com

Сергазин Ерболат Фаттахович – доктор политологии, доцент факультета журналистики и политологии Евразийского Национального университета имени Л. Н. Гумилёва; e-mail: sergazin1958@mail.ru

Тальская Ольга Дмитриевна – младший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук; e-mail: ollytalsky@gmail.com

Щегловитов Алексей Евгеньевич – редактор отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; e-mail: scheglovitov@mail.ru

Birinci Ebru – Intern, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ebrubirinci@windowslive.com

Maria S. Zvereva – Research Assistant, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; e-mail: mariaszvereva@yandex.ru

Vladimir M. Kapitsyn – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department of Political Science, Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; e-mail: kapizin@yandex.ru

Artyom Yu. Karateev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Political Science; Research Associate, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; e-mail: artem.karateev@gmail.com

Mikhail M. Pashin – Laboratory Assistant, Department of Political Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; e-mail: pashinmm.official@gmail.com

Yerbolat F. Sergazin – PhD (Political Sciences), Assoc. Prof., the Faculty of Journalism and Political Science, L. N. Gumilev Eurasian National University; e-mail: sergazin1958@mail.ru

Olga D. Talskaya – Research Assistant, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: ollytalsky@gmail.com

Alexey E. Shcheglovitov – Editor, Department of Political Science, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences; e-mail: scheglovitov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Национально-государственная идентичность: методологические и исторические аспекты / Эбру Биринчи, М. С. Зверева, В. М. Капицын, А. Ю. Каратеев, М. М. Пашин, Е. Ф. Сергазин, О. Д. Тальская, А. Е. Щегловитов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Birinci Ebru, Zvereva M. S., Kapitsyn V. M., Karateev A. Yu., Pashin M. M., Sergazin Yer. F., Talskaya O. D., Shcheglovitov A. E. National-state identity: methodological and historical aspects. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 321.01

Волгин Е. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ГЕНЕРАЛ Л. РОХЛИН И ФЕНОМЕН «ВОЕННОЙ ОППОЗИЦИИ» 1990-Х ГГ.

АННОТАЦИЯ

Цель. Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть политический феномен генерала Л. Я. Рохлина (1947–1998) как лидера антиельцинской «военной оппозиции» во второй половине 1990-х гг.

Процедура и методы. Исследование строится на междисциплинарном подходе, что предполагает использование проблемно-хронологического, формально-юридического и системного методов.

Результаты. Проведённый анализ показал, что политический феномен Рохлина стал следствием кризисной трансформации гигантского оборонного комплекса, который был унаследован Россией от Советского Союза. При этом сами методы, с помощью которых «мятежный генерал» хотел решить проблемы армии и ВПК, нельзя было назвать полностью конституционными. Поэтому Рохлин предстаёт как, безусловно, яркий, харизматичный, но при этом достаточно обособленный от остального оппозиционного спектра лидер, значение которого в политической истории России 1990-х гг. кажется несколько преувеличенным.

Теоретическая и/или практическая значимость. В ходе исследования в научный оборот были введены новые источники: материалы периодической печати, нормативно-правовые акты, электронные ресурсы, комплексное использование которых позволяет всесторонне изучить общественно-политическую деятельность генерала Л. Я. Рохлина и его сторонников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«военная оппозиция», вооружённые силы, Движение в поддержку армии, Дума, Л. Я. Рохлин

СТРУКТУРА

Введение

Генерал Л. Рохлин: путь во власть

Демарш генерала Рохлина: причины и последствия

Рождение «военной оппозиции»

«Движение в поддержку армии» – против Президента

ДПА и проблемы правовой институализации

Рохлин и коммунисты: заклятые союзники

«Волгоградский путч»

В ожидании антиельцинского «майдана»

Заключение

E. Volgin

*Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Prospekt 27 korp. 4, Moscow 119991, Russian Federation*

GENERAL L. ROKHLIN AND THE “MILITARY OPPOSITION” PHENOMENON OF THE 1990S

ABSTRACT

Aim. To study the political phenomenon of General L.Rokhlin (1947–1998) as the leader of the anti-Yeltsin “military opposition” in the second half of the 1990s.

Methodology. The study is based on an interdisciplinary approach, which relies on the use of problem-chronological, formal-legal, and systemic methods.

Results. The conducted analysis revealed that the political phenomenon of Rokhlin was the result of the crisis transformation of the giant military defense complex, which was inherited by Russia from the Soviet Union. At the same time, the methods, which the “rebellious general” wanted to apply to solve the army and the military-industrial complex problems, could not be called completely constitutional. Therefore, Rokhlin appears as an undoubtedly bright and charismatic leader who, at the same time, was quite isolated from the rest of the opposition spectrum, and his significance in the political history of Russia in the 1990s seems quite exaggerated.

Research implications. In the course of the study, new sources were introduced into scientific circulation: materials of the periodical press, legal acts, electronic sources, the integrated use of which enables comprehensive study of the socio-political activities of General L.Rokhlin and his supporters.

KEYWORDS

“military opposition”, armed forces, movement in support of the army, Duma, L.Rokhlin

ВВЕДЕНИЕ

Заметным событием общественно-политической жизни РФ второй половины 1990-х гг. стало появление «военной оппозиции», которая ассоциировалась с именем генерала Льва Рохлина. Непродолжительная, но чрезвычайно яркая и противоречивая политическая карьера этого «мятежного генерала», а также его загадочная смерть породили немало конспирологических теорий, утверждавших, будто Рохлин готовил военный переворот, а потому его убийство носило политический характер. Не пытаясь доказать или, напротив, опровергнуть этот тезис, наша задача состоит в том, чтобы на основании доступных источников наиболее полно, объективно и системно раскрыть политический феномен Л. Я. Рохлина как лидера «военной оппозиции». Актуальность и новизна данной темы обусловлены практически полным отсутствием научных исследований, посвящённых политической судьбе Л. Я. Рохлина.

Следует отметить, что само понятие «военная оппозиция» условно, т. к. армия «по определению» не может оппонировать существующей государственной власти. Если подобная ситуация имеет место, это свидетельствует о разрушении всего государственного механизма. Радикальные экономические реформы 1990-х гг. поставили почти трёхмиллионную российскую армию, доставшуюся российскому руководству в наследство от СССР, на грань выживания. Резкое сокращение численности Вооружённых Сил, именуемое «военной реформой», на фоне острейшего недофинансирования армии и ВПК провоцировали ситуацию нестабильности. Проблемы государственной оборонной политики находили отражение в предвыборных платформах практически всех партий и движений, которые боролись за голоса «военного электората». Однако «люди в погонах» не очень-то верили «гражданским» политикам, предпочитая доверять «своим», т. е. пришедшим во власть боевым генералам [4, с. 9, 45; 2, с. 155; 6, с. 65]. Одним из них оказался Л. Рохлин.

ГЕНЕРАЛ Л. РОХЛИН: ПУТЬ ВО ВЛАСТЬ

Лев Яковлевич Рохлин пришёл в политику буквально «из окопов». Генерал не планировал политической карьеры, однако, будучи командующим 8-м Волгоградским гвардейским армейским корпусом, успешно воевавшим в Чечне, на выборах во II Думу был ангажирован В. С. Черномырдиным в «первую тройку» избирательного объединения «Наш дом – Россия». Тогда же планировалось присвоение Рохлину звания Героя России, однако генерал отказался получать высшую государственную награду. «В гражданской войне, – заявил он, – полководцы не могут снискать славу» [1, с. 165]. Более того, Рохлин обещал, что откажется от депутатского мандата, а его участие в проправительственном объединении продиктовано сугубо прагматичными соображениями (премьер-министр обещал ему решить жилищные проблемы личного состава, а также перевооружить корпус). Однако ни одно обещание, данное Рохлину Черномырдиным, не было выполнено¹ [1, с. 8, 167, 171; 3, с. 57, 65].

Но и Рохлин также нарушил своё обещание и не стал сдавать депутатский мандат. Более того, он вступил во фракцию НДР и возглавил Комитет по обороне. При этом генерал не скрывал, что мало расположен к рутинной законотворческой работе (под его руководством комитет не выдвинул ни одного законопроекта). Однако политическая трансформация Рохлина из участника проправительственной фракции в непримиримого оппозиционера произошла далеко не сразу, а через полтора года после избрания в Думу. Окончательному переходу в антиельцинский лагерь предшествовала серия антикоррупционных разоблачений, с которыми Рохлин выступал с думской

¹ Краснопольский К. Генерал Рохлин: место в Думе мне не нужно // Коммерсантъ. 1995. 20 сент.

трибуны, обвиняя представителей высшего военно-политического руководства в соучастии в сомнительных сделках. Но едва ли генерал выступал тогда как некий обличитель-одиночка. Возможно, за ним стояли спецслужбы, которые, снабжая генерала компроматом, использовали его в собственных интересах [3, с. 76–85, с. 90–93, с. 95–105].

ДЕМАРШ ГЕНЕРАЛА РОХЛИНА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

24 июня 1997 г. было опубликовано открытое обращение Л. Я. Рохлина к Президенту России и военнослужащим. Генерал обвинял Верховного главнокомандующего в умышленном развале Вооружённых Сил, а также возложил на Ельцина ответственность за неудачную войну в Чечне. Рохлин утверждал, что Президент как минимум «сдал свою армию» дважды. В первый раз, когда позволил СМИ «поливать её грязью во время боевых действий», во второй – когда оставил без обещанного жилья, а также льгот и внимания тех, кто с честью выполнил президентский приказ в Чечне. На этом основании он призвал военнослужащих сплотиться и провести в воинских частях офицерские собрания, а также выработать законные требования и направить их Президенту и правительству. Столь резкий тон своего обращения Рохлин объяснял попыткой привлечь внимание главы государства к проблемам Вооружённых Сил накануне их масштабного сокращения, дабы избежать ситуации, когда «люди просто выйдут на улицу с оружием в руках»².

Однако непосредственным катализатором для подобного выпада, судя по всему, стала внезапная отставка министра обороны И. Н. Родионова. По некоторым данным, именно Рохлин летом 1996 г. лоббировал назначение Родионова после отставки П. С. Грачева. Новый министр не считал нужным скрывать катастрофическое положение, сложившееся в Вооружённых Силах, чем вызывал лишь раздражение Верховного главнокомандующего. 22 мая 1997 г. Ельцин прямо во время заседания Совета обороны отправил Родионова в отставку. С новым министром обороны, генералом армии И. Д. Сергеевым, у Рохлина отношения не сложились³.

Обращение Л. Я. Рохлина произвело эффект разорвавшейся бомбы. Заявление осудили его «товарищи по партии». Генерала-депутата вызвали на политсовет НДР, где В. С. Черномырдин указал ему на грубые политические ошибки. А. Н. Шохин обвинил Рохлина в том, что он открыто призывает армию

² Солопов Д. Депутат Рохлин провел разведку боем // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/13623> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Обращение генерала Л. Я. Рохлина к Верховному Главнокомандующему Вооружёнными Силами РФ и военнослужащим России // Советская Россия. 1997. 26 июня; Солопов Д. Депутат Рохлин провел разведку боем // Коммерсантъ-Власть. 1997. № 23. С. 18–20; Лев Рохлин: «Армия на грани мятежа» // Московские новости. 1997. 29 июня – 6 июля; Булавинов И. Рохлин обвинен в «подталкивании армии к хаосу» // Коммерсантъ. 1997. 26 июня; Трегубова Е. Сергей Беляев: Рохлин – это Зиновьев и Каменев сегодня // Коммерсантъ. 1997. 27 июня.

к бунту и тем самым грубо нарушает законодательство. Пресс-секретарь Президента С. В. Ястржембский назвал открытое письмо «беспрецедентным фактом», не исключив реакции Ельцина как Верховного главнокомандующего. Наконец, И. Д. Сергеев сравнил обращение Рохлина с «призывом к революции». В гарнизоны была направлена директива министра обороны с требованием запретить распространение данного обращения в воинских частях⁴.

Однако, несмотря на предписания высокого армейского начальства, письмо Л. Рохлина вызвало определённый резонанс в войсках. По информации СМИ, текст обращения в централизованном порядке поступил в округа и на флоты, а далее был доведён до дивизий и отдельных бригад. В ряде управлений центрального аппарата Минобороны и гарнизонах спешно составлялись списки участников офицерских собраний, которые планировалось провести в ближайшее время. О шифрограмме министра обороны никто не вспоминал. В этой связи власти были вынуждены считаться с «вызовом Рохлина». Так, буквально на следующий день после появления письма в подмосковных частях, а также в штабах и главкоматах начали выплачивать долги по денежному довольствию. Примечательно, но Судебная палата по информационным спорам впоследствии установила, что призыв Рохлина провести в воинских частях офицерские собрания, чтобы выработать законные требования по защите гарантированных Конституцией прав военнослужащих, не выходил за рамки закона⁵.

РОЖДЕНИЕ «ВОЕННОЙ ОППОЗИЦИИ»

Воззвание Л. Я. Рохлина отнюдь не являлось спонтанным эмоциональным срывом, а представляло собой осознанный шаг в рамках определённой политической стратегии. Уже 2 июля 1997 г. генерал призвал сформировать Всероссийское общественное движение в поддержку армии, военной науки и оборонной промышленности (ДПА), а 9 июля 1997 г. в Москве состо-

⁴ Мухин С. «Наш дом» против «шоковой терапии» // Независимая газета. 1997. 2 июля; Литовкин В. Герой Чечни в роли попа Гапона // Общая газета. 1997. 26 июня – 2 июля; Рохлина обвиняют во всех смертных грехах // Независимая газета. 1997. 26 июня; Степовой А. Генералу Рохлину грозит исключение из партии // Известия. 1997. 28 июня; Булавинов И. Рохлин обвинен в «подталкивании армии к хаосу» // Коммерсантъ. 1997. 26 июня; Батыгин А. Не генеральское дело // Дом и Отечество. 1997. 5–11 июля; Министерство обороны усиливает критику Льва Рохлина // Независимая газета. 1997. 1 авг.; Солопов Д. Депутат Рохлин провел разведку боем // Коммерсантъ-Власть. 1997. № 23. С. 18–19.

⁵ Корнев В. Рохлин на полигоне // Известия. 1997. 11 июля; Коротченко И. В движении Льва Рохлина объединились Игорь Родионов, Владимир Крючков и Станислав Терехов вместе с фрондой Сергея Беляева // Независимая газета. 1997. 10 июля; Солопов Д. Депутат Рохлин провел разведку боем // Коммерсантъ-Власть. 1997. № 23. С. 19–20; О содержании публикации «Заговорит ли армия?» в газете «Тамбовская жизнь» от 2 августа 1997 г. Экспертное заключение от 16 октября 1997 // Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации. 1996–1997. Вып. 6. М.: Прогресс, 1997. С. 119–120.

ялось учредительное собрание оргкомитета этого движения. На заседании присутствовали бывшие руководители силовых структур СССР и РФ (эксп-министр обороны И. Н. Родионов, бывший председатель КГБ В. А. Крючков, бывший командующий ВДВ В. А. Ачалов и др.). Некоторые из этих деятелей в своё время безуспешно пытались использовать против российского Президента военную силу. Поэтому либеральная пресса окрестила учредителей ДПА «битыми генералами», а само это объединение – новой версией ГКЧП⁶. Хотя оргкомитет заявил, что ДПА не ставит своей целью завоевания власти, движение Рохлина «по определению» не могло оставаться неполитическим. Ибо главным препятствием на пути решения проблем армии Рохлин и его сторонники называли политику действующего Президента. Именно поэтому досрочная отставка Ельцина и формирование правительства народного доверия были провозглашены стратегической целью ДПА⁷.

Но как в понимании Л. Я. Рохлина и его сторонников мог выглядеть механизм низложения главы государства? Первоначально генерал считал, что Конституция не наделяет парламент правом осуществлять импичмент, в связи с чем предлагал реализовать известную процедуру путём референдума. Но затем, очевидно, изучив текст Конституции и осознав, что механизм импичмента практически нереализуем, Рохлин решил сделать ставку на объединение всех оппозиционных сил с тем, чтобы организовать всероссийскую акцию протеста, которая заставит Президента подать в отставку. Осуществить эту «бархатную революцию» генерал хотел исключительно «демократическим путём», т. е. в рамках Конституции и законов – но лишь до тех пор, пока они не будут нарушены «с той стороны».

21 июля 1997 г., через месяц после обращения Рохлина, Б. Ельцин отреагировал на инициативы генерала следующим образом: «Рохлиных мы сметём с их антиконституционными действиями. Таких помощников нам не надо»⁸.

⁶ Учредительное собрание Оргкомитета Движения поддержки армии, оборонной промышленности и военной науки. 09.07.1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.partinform.ru/scripts/partar1.dll?ViewDocument?cvs=&id=-984061882&login=guest_edqw&psw=loiui_21uii (дата обращения: 20.12.2022); Потеряв армию, мы потеряем Россию // Советская Россия. 1997. 12 июля; Коротченко И. В движении Льва Рохлина объединились... // Независимая газета. 1997. 10 июля; Мигачева О. Рохлин: «Предупреждаю – все делаю в рамках закона» // Новая газета. 1997. 14–20 июля; Дикун Е. Генерал Родионов верит в социализм китайского образца // Общая газета. 1997. 17–23 июля.

⁷ Мостовой А. «Готов идти до конца» // Независимая газета. 1997. 18 июля; Лев Рохлин: моя идеология – патриотизм // Советская Россия. 1998. 11 авг.; Касьяненко Ж. Кто атакует патриотов? // Советская Россия. 1997. 19 авг.; Объединиться для поддержки армии // Советская Россия. 1997. 10 июля.

⁸ Заседание ОК ДПА 15.08.1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.partinform.ru/scripts/partar1.dll?ViewDocument?cvs=&id=-1897537564&login=guest_edqw&psw=loiui_21uii (дата обращения: 21.12.2022); Булавинов Н. Борис Ельцин остановил размножение генералов // Коммерсантъ. 1997. 22 июля; Лев Рохлин начал серию поездок по стране // Независимая газета. 1997. 23 июля; Жилин А. Лев Рохлин: оборонный комплекс – не полигон для революций // Московские новости. 1997. 10–17 авг.; Родин И. Рохлин знает, как заставить Ельцина уйти // Независимая газета. 1997. 12 сент.

После этих слов было ясно, что глава государства не собирается вести диалог с «военной оппозицией».

В июле – начале сентября 1997 г. Л. Рохлин совершил серию поездок по стране. За полтора месяца он посетил 43 региона, где встречался с главами администраций, руководителями ВПК, посещал воинские части. «В соответствии с протоколом» генерала встречал местный актив НДР, но одновременно к ним присоединялись представители оппозиционных партий и ветеранских организаций. И хотя пресса отмечала, что на этих встречах присутствовали преимущественно пенсионеры, а региональные отделения ДПА зачастую возглавляли отставники, генерал, взявшись за дело «по-военному», в рекордные сроки сумел создать разветвлённую сеть региональных отделений ДПА. К сентябрю 1997 г. филиалы движения существовали в 45 субъектах Федерации и продолжали формироваться⁹.

9 сентября 1997 г. Л. Рохлин добровольно покинул фракцию НДР и одновременно вышел из движения В. С. Черномырдина. Накануне появления ДПА его лидер счёл невозможным одновременно состоять в двух антагонистичных по своей сути объединениях. Однако, порвав с «партией власти», Рохлин отказался покинуть пост главы Комитета по обороне. При этом его бывшие коллеги сочли, что, поскольку в соответствии с «пакетным» соглашением должность председателя комитета принадлежит фракции НДР, на этом посту должен быть именно представитель «партии власти». Однако 26 сентября 1997 г. Дума проголосовала против смещения Рохлина с поста председателя комитета. Тогда его поддержали коммунисты, с которыми у генерала, как тогда казалось, намечался перспективный альянс¹⁰.

«ДВИЖЕНИЕ В ПОДДЕРЖКУ АРМИИ» – ПРОТИВ ПРЕЗИДЕНТА

20 сентября 1997 г. в Москве состоялся учредительный съезд Общероссийского общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». Делегаты были избраны от 69 субъектов Федерации, 17 общественных организаций. Среди делегатов насчитывались 9 депутатов Федерального Собрания, 126 военнослужащих, 67 представителей ВПК и т. д. Гостями съезда числились 1800 чел., в т. ч. представители Администрации Президента, чиновники Минобороны и Минюста, 63 депутата Федерального Собрания (которым в ходе съезда был предоставлен статус делегатов), военнослужащие, представители общественных организаций, деятели науки. Мероприятие собрало весь «цвет» антиельцинской фронды.

⁹ Максаков И. Рохлин едет по стране // Независимая газета. 1997. 23 июля; ДПА – всюду! // Советская Россия. 1997. 27 сент.; Штаб ДПА в вашем регионе // Советская Россия. 1997. 27 сент.

¹⁰ В открытой оппозиции // Дом и Отечество. 1997. 20–26 сент.; Черкасов Г. Комитет по обороне от НДР // Коммерсантъ. 1997. 10 сент.; Селезнева А. Как генерал генералу // Дом и Отечество. 1997. 20–26 сент.; Серебrenников Р. Дума защитила Генерала // Советская Россия. 1997. 27 сент.

Среди гостей выделялись Г. А. Зюганов, В. В. Жириновский, С. Н. Бабурин, И. Н. Родионов, В. И. Варенников, В. А. Ачалов, С. Н. Терехов, А. М. Макашов, А. В. Коржаков, В. И. Анпилов¹¹.

Однако насколько Рохлину удалось привлечь в свои ряды действующих военнослужащих? По некоторым сведениям, накануне съезда в отдельных частях офицерами среднего звена была организована «подпольная» раздача депутатских мандатов и приглашений на съезд. Неслучайно уже во время съезда активисты ДПА, раздавая людям в форме листовки, предназначенные для распространения в гарнизонах, спрашивали: «Вы действующий или в отставке?» И, судя по информации СМИ, отставников было больше¹².

Центральной темой съезда стала проблема досрочного отстранения от власти Б. Ельцина. Л. Я. Рохлин, рассмотрев в своём докладе несколько вариантов (от добровольной отставки до отрешения от должности по решению Федерального Собрания) и сочтя их нереализуемыми, настаивал на третьем пути: «конституционными действиями» поднять народ и мирные акции протеста с тем, чтобы заставить Президента сложить свои полномочия. Именно эта стратегия была закреплена в Резолюции и Обращении учредительного съезда ДПА к гражданам России. Однако столь масштабная акция могла сподвигнуть режим на применение силы. Поэтому Рохлин счёл необходимым заранее предупредить силовиков о том, что он и его сторонники не допустят «неконституционных действий» армии или полицейских сил против собственного народа: «Мы будем действовать конституционными методами, но, если кто-то попытается преступить рамки конституции и будет пытаться выжигать нам лазером глаза, у нас есть возможность ответить тем же»¹³.

Учитывая те непростые задачи, который ставил перед своими сторонниками Л. Я. Рохлин, приоритетным направлением работы ДПА должно было стать взаимодействие с силовыми структурами. Однако мы не можем доподлинно выявить степень влияния рохлинцев в армейской среде, т. к. имеющиеся в нашем распоряжении данные крайне противоречивы. Более того, сам Лев Яковлевич на первых порах отрицал факты работы его сторонников в во-

¹¹ Аксенов С., Рассафонова М. Рохлинцы пришли в движение // Коммерсантъ. 1997. 23 сент.; Жилин А. Бунтовщики – неодинокки // Московские новости. 1997. 21–28 сент.; Доклад Мандатной комиссии на учредительном съезде ДПА [Электронный ресурс]. URL: http://www.partinform.ru/scripts/partar1.dll?ViewDocument?cvs=&id=174761309&login=guest_edqw&psw=loi21uii (дата обращения: 22.12.2022);

¹² Корбут А. «Наступление» Льва Рохлина завершается в Москве // Независимая газета. 1997. 20 сент.; Борисов Ю. Львиная доля // Общая газета. 1997. 25 сент. – 1 окт.; Измайлов В. Под сенью Рохлина распускается Макашов // Новая газета. 1997. 22 сент.

¹³ Доклад председателя Оргкомитета по созданию общероссийского движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» на учредительном съезде 20 сентября 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.partinform.ru/scripts/partar1.dll?ViewDocument?cvs=&id=-1638097266&login=guest_edqw&psw=loi21uii (дата обращения: 29.12.2022); Выжutowич В. Вспышка слева. Генералы в политике угрожают власти // Известия. 1997. 23 сент.; Рохлин Л. Я. Чего мы хотим // Советская Россия. 1997. 22 нояб.

инских частях. Генерал признавал, что его приглашают в гарнизоны, однако он избегает таких встреч, т. к. занимается политической деятельностью и не хочет нарушать закон. В то же время Рохлин не скрывал, что ДПА работает с армией, «но делает это открыто, в рамках Конституции и законов»: «Мы ... не ездим в армию, военные сами к нам приезжают». Подобные «законные» контакты не вызывали энтузиазма у высшего военного руководства. Так, по словам Рохлина, министр обороны И. Н. Сергеев предупреждал военных, что за любые контакты с лидером ДПА офицеры будут увольняться из Вооружённых Сил. В этой связи между министром и «мятежным генералом» состоялся неприятный разговор, в ходе которого последний отстаивал право военных взаимодействовать с ДПА «в домашней, неслужебной обстановке»¹⁴.

Но насколько Лев Рохлин был действительно популярен в армии? Сам генерал, ссылаясь на «закрытые соцопросы» Минобороны, всякий раз доказывал, что его рейтинг составляет не менее 90%. По другим данным, популярность Рохлина в войсках составляла 40%, что тоже немало. Как бы то ни было, в 1997–1998 гг., по данным закрытых опросов военных социологов, степень популярности Рохлина в армии была самой высокой по сравнению с другими политиками. Кроме того, среди «людей в погонах», гипотетически готовых принять участие в деятельности оппозиционных объединений, ДПА удерживало лидерские позиции – 8% (КПРФ – 5%, ЛДПР – 2%, «Яблоко» – 1%)¹⁵ [7, с. 55–59].

«Движением в поддержку армии» интересовались не только политические аналитики, но и спецслужбы. По данным СМИ, к «освещению» политической деятельности Рохлина на стадии подготовки учредительного съезда ДПА привлекалась наиболее квалифицированная агентура ФСБ из числа действующих офицеров, а также военнослужащих, находящихся в запасе. Возможно, часть из них даже вошла в руководящие структуры ДПА. Рохлин, со своей стороны, утверждал, что располагает собственной агентурой на самом «верху». По некоторым данным, его «агенты» регулярно сообщали генералу, что ДПА считается в Кремле наиболее опасным движением. Неудивительно, что генерал неоднократно заявлял о поступавших ему угрозах физической расправы¹⁶.

¹⁴ Пичуричкин С. Лев Рохлин: «Я не дураком» // Огонек. 1997. 6 окт.; Лев Рохлин: «Президент, разрушающий армию и страну, должен уйти» // Правда пять. 1997. 4 нояб.; Измайлов В. Под сенью Рохлина распускается Макашов // Новая газета. 1997. 22 сент.

¹⁵ Лев Рохлин: «Президент, разрушающий армию и страну, должен уйти» // Правда пять. 1997. 4 нояб.; Дементьева М. Ради импичмента генерал готов пойти в народ // Новые известия. 1998. 15 апр.; Левченко В. Г., Родиков В. Е. Убийство генерала Рохлина. М.: Газета «Правда», 1998. С. 27–28.

¹⁶ Коротченко И. Отставка Ельцина – стратегическая цель движения Рохлина // Независимая газета. 1997. 23 сент.; Лев Рохлин: «Президент, разрушающий армию и страну, должен уйти» // Правда пять. 1997. 4 нояб.; Владыкин О. «Бытовуха» с политической предысторией // Общая газета. 1998. 9–15 июля; Голышев Б. Армия голосовала втемную // Правда пять. 1996. 5–12 янв.; Корнев В. Рохлин на полигоне // Известия. 1997. 11 июля; Борисов Ю. Львиная доля // Общая газета. 1997. 25 сент. – 1 окт.; Эльманович С. Генерал Рохлин наступает // Правда пять. 1997. 20 сент.

ДПА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ

Л. Рохлин, отстаивая «законное» право взаимодействовать с офицерским корпусом, делал упор на то, что его движение носит неполитический характер. Действительно, согласно Закону РФ от 22 января 1993 г. «О статусе военнослужащих», «люди в погонах» имели право состоять в общественных объединениях, не преследующих политических целей. При этом генерал не скрывал, что занимается политической деятельностью, однако само ДПА формально сохраняло неполитический статус. Очевидно, таким образом Рохлин надеялся максимально привлечь в ряды «военной оппозиции» действующих офицеров. Однако попытка ввести в заблуждение Минюст не увенчалась успехом: в ноябре 1997 г. движению было отказано в регистрации. Главной причиной отказа стали отнюдь не политические мотивы, а нестыковки в регистрационных документах¹⁷.

Так, в Уставе движение было заявлено как общественное (неполитическое) объединение. Вместе с тем одной из задач ДПА значилось участие в выборах. Ранее подобные положения в уставах неполитических объединений не вызывали возражений Минюста. Однако 19 сентября 1997 г., т. е. буквально за день до учредительного съезда ДПА, Президент подписал новый Закон «Об основных гарантиях избирательных прав...», согласно которому участвовать в выборах могло только лишь политическое общественное объединение. Таким образом, ДПА было необходимо уточнить свой правовой статус: либо оставаться неполитическим, но в этом случае ему пришлось бы отказаться от выборов, либо регистрироваться в качестве политической общественной организации, но тогда вход туда военным был бы закрыт¹⁸.

Л. Я. Рохлин не стал оспаривать решение Минюста в суде и анонсировал внеочередной съезд ДПА, который должен был устранить все юридические коллизии, но не ценой изменения стратегических целей движения, а посредством корректировки его статуса. 25 декабря 1997 г. в Москве состоялся II съезд ДПА, в ходе которого был утверждён общественно-политический статус движения. 13 января 1998 г. регистрационные документы были вновь направлены в Минюст. Одновременно Рохлин предупредил, что в случае повторного отказа в регистрации он обратится в суд и «разъяснит общественности истинные мотивы такого рода действий». Однако этого не потребова-

¹⁷ Закон РФ от 22.01.1993 № 4338-1 «О статусе военнослужащих» // Ведомости РФ. 1993. № 6. Ст. 188; ДПА – всюду! // Советская Россия. 1997. 27 сент.; Устав общероссийского общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (проект). М., 1997. С. 2–3.

¹⁸ Генерал Рохлин может получить до трех лет // Коммерсантъ. 1997. 5 нояб.; Королева О. Движение Рохлина становится политическим // Правда пять. 1997. 27 дек.; Рассафонова М. Рохлин воюет на два фронта // Коммерсантъ. 1997. 21 нояб.

лось: 5 марта 1998 г. ДПА было зарегистрировано в качестве политического общественного объединения¹⁹.

РОХЛИН И КОММУНИСТЫ: ЗАКЛЯТЫЕ СОЮЗНИКИ

Рассуждая о своих потенциальных союзниках, лидеры «военной оппозиции» (Рохлин, Родионов) изначально выражали готовность сотрудничать с различными представителями идейно-политического спектра, за исключением фашистов и радикальных националистов. Тем не менее наиболее близким союзником ДПА казались именно коммунисты. Несмотря на отсутствие в выступлениях Рохлина коммунистических лозунгов, их общая тональность сильно напоминала риторику Зюганова. Неудивительно, что одним из первых объединений, поддержавших демарш Рохлина летом 1997 г., стал прокоммунистический Народно-патриотический союз России, внедривший своих представителей в оргкомитет ДПА. Кроме того, коммунисты позволили рохлинцам использовать региональную партийную инфраструктуру²⁰.

Однако вскоре отношения между Рохлиным и руководством КПрФ испортились. Дело в том, что лидер ДПА настаивал на радикализации тактики парламентской оппозиции, тогда как верхушка КПрФ всегда была готова пойти на «исторический компромисс». Так, в начале декабря 1997 г. Рохлин предложил депутатам создать комиссию по отрешению Президента от должности. Однако Зюганов тогда уклонился от прямого ответа на вопрос о поддержке известной инициативы. Но окончательно рассорила Рохлина с верхушкой КПрФ история с думским комитетом. В сентябре 1997 г. именно коммунисты не позволили НДР сместить генерала с поста председателя Комитета по обороне. Однако вскоре фракция КПрФ вознамерилась заполучить пост Уполномоченного по правам человека, что было невозможно без поддержки «партии власти». «Нашдомовцы», в свою очередь, продвигали на должность председателя Комитета по обороне генерала Р. С. Попковича. Сделка состоялась в мае 1998 г., когда коммунисты «сдали» Рохлина, проголосовав за его смещение с поста председателя думского комитета в обмен на избрание федеральным омбудсменом члена ЦК КПрФ О. Миронова²¹.

¹⁹ Королева О. Всех не снести... // Правда пять. 1997. 21–28 нояб.; Рохлин не подаст в суд на Минюст // Коммерсантъ. 1997. 19 нояб.; Дементьева М. Рохлин оформился политически // Новые известия. 1997. 26 дек.; Движение Рохлина опять добивается регистрации в Минюсте // Коммерсантъ. 1998. 14 янв.; Вторая попытка Рохлина // Независимая газета. 1998. 14 янв.

²⁰ Полешанина Л. ДПАОПивН, или ГКЧП-4 // Коммерсантъ. 1997. 10 июля; Дикун Е. Генерал Родионов верит в социализм китайского образца // Общая газета. 1997. 17–23 июля; Борисов Ю. Львиная доля // Общая газета. 1997. 25 сент. – 1 окт.; Булавинов И. Командиры в депутатском корпусе // Коммерсантъ-Власть. 1998. № 26. С. 16–19.

²¹ Родин И. Рохлин требует импичмента президента // Независимая газета. 1997. 11 дек.; Ванденко И. Рохлин ссорится с союзниками и предъявляет ультиматум властям // Новые известия. 1998. 27 янв.

«ВОЛГОГРАДСКИЙ ПУТЧ»

С января 1998 г. Л. Я. Рохлин, не сумев выстроить союз с коммунистами, решает действовать с опорой на собственные силы. Он призывает перенести центр тяжести на работу с военнослужащими, чтобы обеспечить ДПА поддержку со стороны армии. Генерал открыто признаёт, что его движение ведёт активную работу в воинских частях, особенно в элитных. В апреле 1998 г., когда разразился правительственный кризис, исполком ДПА призвал оппозиционные силы с 27 апреля начать по всей стране бессрочные акции протеста с тем, чтобы заставить Президента уйти. По некоторым данным, к протестным акциям Рохлин планировал привлечь офицеров Волгоградского корпуса, где накануне заявленных выступлений произошли странные события.

23 апреля 1998 г. в гарнизон с проверкой внезапно нагрянул командующий СКВО генерал-полковник В. Г. Казанцев, который по результатам инспекции, не называя имён, был вынужден признать: «Выявлены попытки проникновения в воинские части ... определённых течений с целью сагитировать на осуществление какого-то подхода для удовлетворения каких-то своих политических амбиций. Я не хочу сейчас называть виновников, но... нити тянутся даже в Госдуму». По словам командующего, в гарнизоне побывали «агитаторы», распространявшие листовки с призывом «провести акцию неповиновения». Несколько «агитаторов» были даже арестованы. По другим данным, виновные (несколько офицеров) были освобождены от занимаемых должностей «за неправомерные действия», связанные с «политической агитацией и пропагандой». Их заподозрили в использовании печатных материалов ДПА на занятиях по гуманитарной подготовке с личным составом. Однако никто арестован не был²².

Но что могло послужить основанием для неожиданного визита в Волгоград командующего целым военным округом? Некоторую ясность в известные события вносит полковник В. Н. Баранец, который свидетельствует, что сама идея на шумевшего «волгоградского путча» возникла во время одного из визитов генерала в «свой» корпус. В ходе обильного застолья однопольчани Рохлина, видимо, пообещали ему, что *в случае необходимости* готовы вместе с ним «двинуть на Москву». На следующий день один из участников «мероприятия» подал рапорт о готовящемся «офицерском заговоре». В Волгоградский корпус была направлена комиссия Минобороны. Однако ника-

²² Дементьева М. Ради импичмента генерал готов пойти в народ // Новые известия. 1998. 15 апр.; Убрать политическую накипь // Советская Россия. 1998. 14 апр.; Путч должен был начаться с Волгограда // Новые известия. 1998. 29 апр.; Корнев В., Литовкин В. Рохлин играет с огнем // Известия. 1998. 28 апр.; Владыкин О. Была ли в Волгограде Сенатская площадь? // Общая газета. 1998. 30 апр. – 6 мая.

кой тайной офицерской организации выявить не удалось, зато были обнаружены листовки ДПА²³.

В высшем военном руководстве «волгоградский путч» пытались замолчать, очевидно, опасаясь протестов в армии. Однако Л. Я. Рохлин отреагировал на эту историю достаточно эмоционально, обвинив власть в том, что она сама провоцирует военных на выступления, «в том числе и неконституционные». Однако инцидент не остался для генерала без последствий. Министр юстиции П. В. Крашенинников пригласил лидера ДПА на аудиенцию, чтобы выяснить обстоятельства, связанные с распространением среди военнослужащих запрещённых материалов. Генерал явился в Минюст с пачкой прокламаций, которые ДПА распространяло в войсках. Разложив документы перед министром, Рохлин, ссылаясь на «закон о СМИ», продолжал настаивать на легитимности своих действий²⁴.

В ОЖИДАНИИ АНТИЕЛЬЦИНСКОГО «МАЙДАНА»

К лету 1998 г. страна вплотную приблизилась к финансовому краху. Возобновившаяся практика задержек зарплат (в т. ч. военным) стала основным фактором роста социального недовольства. Ещё весной в ряде угледобывающих регионов поднялась волна шахтёрского протеста, которая вскоре докатилась до Москвы, куда прибыли бастующие горняки. Л. Я. Рохлин лично встретил шахтёров на вокзале и, несмотря на предостережения Минюста, сопровождал их на Горбатый мост, где разместился палаточный городок, обитатели которого начали круглосуточное пикетирование Дома Правительства. Генерал часто бывал у шахтёров, заботился об их бытовом обеспечении, приглашал в Думу. Очевидно, именно тогда Рохлин решил, что момент для реализации его дерзких планов настал.

2 июля 1998 г., накануне своей гибели, Л. Рохлин прибыл на Горбатый мост и призвал шахтёров ко всеобщей консолидации, чтобы «вместе всех собрать, и сбросить...». Дабы «не оттягивать на осень», Рохлин анонсировал с 15 июля начало массовых протестных акций по всей стране. По его словам, к бастующим горнякам должны были присоединиться работники оборонных предприятий, казаки, бесквартирные офицеры. В 20-х числах июля все они, организованные активистами ДПА на местах, должны были прибыть в Москву и «стоять до тех пор, пока режим не рухнет» (планировалось привлечь около 1 млн чел.).

²³ «Лев Рохлин. Удар властью» (документальный фильм) // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F9xNQCOWe5Y> (дата обращения: 05.01.2023); Владыкин О. «Бытовуха» с политической предысторией // Общая газета. 1998. 9–15 июля; Корнев В., Литовкин В. Рохлин играет с огнем // Известия. 1998. 28 апр.

²⁴ Владыкин О. Была ли в Волгограде Сенатская площадь? // Общая газета. 1998. 30 апр. – 6 мая; Офицерскую честь подводят под статью // Правда пять. 1998. 29 апр.; Минюст вызвал Рохлина на ковер // Коммерсантъ. 1998. 30 апр.

Одновременно Рохлин заверял шахтёров, что власть не посмеет применить против протестующих силу, ибо настолько напугана, что прекрасно понимает – «фитиль и всё!» Да и армия сейчас доведена до состояния крайней ненависти «к этому режиму» и едва ли окажет ему поддержку²⁵ [3, с. 155, с. 171–172, 175; 5, с. 33]. По свидетельству некоторых мемуаристов, Рохлин и его товарищи одновременно разрабатывали планы перекрытия главных дорог, чтобы не пропустить в столицу части внутренних войск, наиболее лояльные режиму. Более того, генерал якобы лично контактировал с некоторыми командирами воинских частей, которые в случае необходимости должны были прикрыть безоружных людей (массовые протесты совпадали с началом крупных войсковых учений в московском регионе). Одновременно вынашивались планы вооружённого «похода на Кремль» частей Волгоградского гарнизона²⁶ [3, с. 176, 189].

Принимая во внимание эти «сенсационные» свидетельства, необходимо учитывать следующее. Во-первых, коммерческий успех политических мемуаров определяется степенью их сенсационности. Во-вторых, о планах военного переворота в основном упоминают М. Н. Полторанин и А. В. Коржаков, которые когда-то входили в ближайшее окружение Б. Ельцина. Однако, «выпав из обоймы», эти люди испытывали к своему бывшему патрону настолько сильную ненависть, что желали его скорейшего низложения. Перейдя в лагерь Рохлина, они, быть может, сами подсказывали генералу радикальный сценарий, а спустя годы героически изобразили себя рядом с «легендарным комкором», задумавшим избавить страну от «гибельного ельцинизма» (то же самое можно сказать о помощниках Рохлина, также упоминающих о готовящемся «перевороте»). Но реальная оппозиционная деятельность Л. Рохлина и, главное, её сомнительные результаты (вспомним «волгоградский путч») не позволяют судить о нём как о влиятельном военном вожде, способном в случае необходимости перетянуть на свою сторону целые полки и дивизии.

Можно предположить, что Л. Я. Рохлин как военный стратег мог разрабатывать некий план, согласно которому военнотружущие, страдавшие от хронического безденежья, под давлением массовых акций протеста должны были, по крайней мере, сохранять нейтралитет, чтобы не повторить октябрь-93. Однако это вовсе не означало, что ему удалось выработать эффективный механизм реализации этого замысла, который оставался чем-то вроде «командно-штабных учений на картах». Следовательно, в случае массовых протестных выступлений риск применения силы со стороны власти

²⁵ Аграновский Д. Лев Рохлин с шахтерами на Горбатом мосту: «Ваша роль крайне важна» // Советская Россия. 1998. 11 июля.

²⁶ Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 425–426, 429; Коржаков А. В. Бесы 2.0. А цари-то ненастоящие! М.: Эксмо, 2018. С. 27–28.

оставался достаточно высоким, а потому затея Рохлина являлась крайне опасной авантюрой.

Впрочем, сегодня остаётся только догадываться, чем могли закончиться далеко идущие планы Льва Рохлина. 3 июля 1998 г. 51-летний генерал был убит выстрелом в голову на собственной даче в с. Клоково (Наро-Фоминский район). Следствие предъявило обвинение жене генерала – Тамаре Рохлиной, которая якобы застрелила мужа во сне после семейной ссоры (по некоторым данным, Тамара Павловна имела проблемы с психикой и злоупотребляла алкоголем). Не вдаваясь в подробности этого «громкого убийства», отметим, что официальная версия не является безупречной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев резонансную, но при этом непродолжительную деятельность Л. Я. Рохлина как лидера «военной оппозиции», можно предположить, что его значение в политической истории России 1990-х гг. кажется несколько преувеличенным. И это неудивительно, т. к. биографы генерала, часть из которых работала вместе с Рохлиным, стремились связать его блестящую военную биографию с не менее успешной политической борьбой, цели которой не были достигнуты лишь в силу вероломного преступления.

Действительно, придя во власть, Л. Рохлин в полной мере проявил свой боевой характер, вступив в непримиримую схватку в «антинародным режимом». Однако при более детальном рассмотрении этой непродолжительной борьбы складывается впечатление, что Л. Рохлин при всей своей харизматичности и жёстком армейском подходе к решению политических задач находился под постоянным влиянием различных сил, которые умело использовали его для достижения собственных целей. Сначала это была правящая номенклатура, сумевшая привлечь героическое имя Рохлина для победы на выборах, затем, возможно, спецслужбы, которые, опять же возможно, «сливали» Рохлину компромат в целях дискредитации отдельных представителей высшего военно-политического руководства. Далее, когда генерал перешёл в оппозиционный лагерь, его взяли в оборот коммунисты, которые использовали его для давления на власть и получения очередных преференций. Наконец, определённое влияние могли также оказывать и некоторые «кремлёвские изгои», желавшие насолить Ельцину.

Наблюдая за Рохлиным, некоторые сравнивали его тактику с поведением Б. Ельцина в конце 1980-х гг., когда бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, низвергнутый с партийного Олимпа, возродился как независимый публичный политик и уничтожил своего главного противника – М. С. Горбачёва. Действительно, Рохлин не скрывал того, что во многом копирует тактику Ельцина. Однако современники указывали ему на ошибочность такого

подхода²⁷. Ибо феномен Ельцина зародился в условиях глубочайшего кризиса и распада советского строя, но сам Борис Николаевич, опираясь на массовое демократическое движение, исторически противостоящее отжившей коммунистической модели, возглавил процесс становления новой российской государственности.

«Эпифеномен Рохлина» стал следствием кризисной трансформации гигантского оборонного комплекса, большая часть которого была унаследована Россией от СССР и нуждалась в дальнейшей оптимизации. В этом отношении протест Рохлина носил более «отраслевой» характер, хотя генерал всячески пытался расширить базу своих сторонников. Однако социальная энергия масс, поднявшаяся в годы «перестройки», уже практически угасла, а проявление социального недовольства в виде Всероссийских акций протеста второй половины 1990-х гг. контролировалось в основном вчерашней партийной номенклатурой, не любившей рисковать понапрасну. Что касается среднего офицерства, то, будучи достаточно аполитичными, его представители, несмотря на тяжёлое материальное положение, не были готовы примкнуть к эфемерной «военной оппозиции», предпочитая иные формы протеста (неисполнение приказов, распродажу вооружения и армейского имущества, работу «на стороне» или же вовсе добровольный уход из жизни).

Таким образом, генерал Лев Рохлин оставался яркой, героической, харизматичной, но при этом достаточно обособленной, если не сказать – чуждой для политического истеблишмента 1990-х гг. фигурой. Его оппозиционная деятельность носила импульсивный, порывистый, а иногда и провокационный характер. По сути, генерал нарушал негласный договор, который был заключён между властью и «системной оппозицией» после октября 1993 г. По этому соглашению последняя, получив в своё распоряжение Думу, должна была использовать исключительно парламентские средства для достижения своих целей, а власть, в свою очередь, – не прибегать к открытому насилию и репрессиям.

Пренебрегая законодательством, Рохлин продвигал сомнительный с правовой точки зрения тезис о возможности низложения Президента с помощью массовых акций гражданского неповиновения, всякий раз настаивая на «конституционности» такого подхода (хотя в Конституции процедура импичмента выглядит совсем иначе). Но те методы, с помощью которых он хотел достичь своей цели (создание протестного анклава в центре столицы, перекрытие ключевых транспортных артерий, делегитимация государственной власти после возможного применения силы, противопоставление армии полицейским частям), чем-то напоминали «методички» Джина Шарпа. И

²⁷ Визит Л. Рохлина в Белгород [Электронный ресурс]. URL: http://www.partinform.ru/scripts/partar1.dll?ViewDocument?cvs=&id=1972299634&login=guest_edqw&psw=loi1_21uii (дата обращения: 29.12.2022); Акиев Я. Лебедю нужна великая Россия, Рохлину – великие потрясения // Независимая газета. 1997. 31 окт.

хотя Лев Рохлин едва ли был знаком с работами идеолога будущих «цветных революций», оба ратовали за «ненасильственные действия». Однако, как показывает история, «бархатные революции» в России имели не менее тяжёлые последствия, нежели «пролетарские».

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 20.01.2023

Статья размещена на сайте: 27.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов А. В. Лев Рохлин: Жизнь и смерть генерала. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 400 с.
2. Балашов А. И. Российская армия: смена модели // Мир России. 2014. № 4. С. 148–177.
3. Волков А. А. Лев Рохлин: сменить хозяина Кремля. М.: Алгоритм, 2013. 272 с.
4. Гольц А. М. Военная реформа и российский милитаризм. СПб.: Норма, 2019. 360 с.
5. Евдокимов А. М. Тайна генерала Льва Рохлина // Защита и безопасность. 2018. № 4. С. 33.
6. Серебрянников В. В. Армия и политика // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 64–73.
7. Серебрянников В. В. Социальный облик российской армии // Власть. 1998. № 5. С. 55–59.

REFERENCES

1. Antipov A. V. *Lev Rokhlin: Zhizn' i smert' generala* [Lev Rokhlin: The Life and Death of the General]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1998. 400 p.
2. Balashov A. I. [The Russian army: the Changing pattern]. In: *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2014, no. 4, pp. 148–177.
3. Volkov A. A. *Lev Rokhlin: smenit' khozyaina Kremlya* [Lev Rokhlin: to change the owner of the Kremlin]. Moscow, Algoritm Publ., 2013. 272 p.
4. Goltz A. M. *Voennaya reforma i rossiiskii militarism* [Military reform and Russian militarism]. St. Petersburg, Norma Publ., 2019. 360 p.
5. Evdokimov A. M. [The secret of General Lev Rokhlin]. In: *Zashchita i bezopasnost'* [Protection and security], 2018, no. 4, pp. 33.
6. Serebryannikov V. V. [Army and politics]. In: *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 1992, no. 2, pp. 64–73.
7. Serebryannikov V. V. [The social image of the Russian army]. In: *Vlast'* [The Authority], 1998, no. 5, pp. 55–59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волгин Евгений Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: plytony@yandex.ru

Evgeniy I. Volgin – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of the History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University; e-mail: plytony@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Волгин Е. И. Генерал Л. Рохлин и феномен «военной оппозиции» 1990-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Volgin E. I. General L. Rokhlin and the “military opposition” phenomenon of the 1990s. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 008+124.51

Денильханов А. Х.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ВОСТОК-ЗАПАД: СОЦИАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

АННОТАЦИЯ

Цель. Установить причины современного цивилизационного кризиса и определить стратегию его преодоления.

Процедура и методы. Для достижения указанной цели в работе применён широкий спектр общенаучных методов и политологических подходов: диалектический, аксиологический, структурно-функциональный, историзма, анализа и синтеза.

Результаты. Автор приходит к выводу, что в условиях обострения глобальных проблем современности, связанных с переоценкой ценностей общественного бытия и, как следствие, социокультурным эгоцентризмом Востока и Запада, необходимо выработать новую парадигму межкультурных отношений, основанных на незыблемых ценностях культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в комплексном подходе к межкультурной проблематике и формулировании предложений по преодолению современного планетарного кризиса через конструктивный диалог макрокультур, формирование глобальной цивилизации, основанной на истинных добродетелях и общечеловеческих ценностях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Восток-Запад, гендерная революция, глобализация, исламский фундаментализм, культура, цивилизация, этический релятивизм

СТРУКТУРА

Введение

Этический и моральный релятивизм

Гендерная революция

Заключение

A. Denilkhonov

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp. 27 korp. 4, Moscow 119991, Russian Federation

EAST-WEST: SOCIAL TURBULENCE

ABSTRACT

Aim. To identify the causes of the modern civilizational crisis between East and West, to determine a strategy for overcoming it.

Methodology. To achieve this goal, the work uses a wide range of general scientific methods and political science approaches: dialectical, axiological, structural-functional, historicism, analysis and synthesis.

Results. The author comes to the conclusion that in the conditions of aggravation of the global problems of modern world associated with the revaluation of the social existence values and, as a consequence, the socio-cultural egocentrism of East and West, it is necessary to develop a new paradigm of intercivilizational relations based on the unshakable cultural values.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the research lies in an integrated approach to the intercivilizational problems and the formulation of proposals to overcome the modern planetary crisis through a constructive dialogue of macrocultures, the formation of a global civilization based on true virtues and basic human values.

KEYWORDS

East-West, gender revolution, globalization, Islamic fundamentalism, culture, civilization, ethical relativism

ВВЕДЕНИЕ

После подписания 1 февраля 1992 г. Кэмп-Дэвидской декларации¹ было официально зафиксировано окончание холодной войны. Закончилось острое идеологическое противостояние двух систем (капиталистической и социалистической), что позволило американскому философу и политологу Ф. Фукуяме провозгласить «конец истории», указать на достижение предела эволюционного развития человечества в форме либеральной демократии [12].

Практически одновременно другой американский философ и социолог, профессор Гарвардского университета С. Хантингтон высказал предположение, что конфликтное развитие истории будет продолжаться, но идеологическое противостояние сменится этнокультурным. Эту идею он сформулировал в своей знаменитой книге «Столкновение цивилизаций». «В мире после “холодной войны”, – пишет он, – наиболее важные различия между людьми уже не идеологические, политические или экономические ... Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями – и на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [13, с. 17] – и приходит к выводу, что более уместно группировать страны, исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Вслед за А. Дж. Тойнби [11] С. Хантингтон дал свои характеристики большим устойчивым объединениям сообществ, связанным многовековым проживанием на определённой территории в рамках общего языкового ареала и религиозных традиций. Можно дискутировать, насколько точно им были определены границы этих цивилизационных образований. Важным здесь является его мысль о том, что именно в столкновении этих огромных бло-

¹ Кэмп-Дэвидская декларация Президента России Б. Н. Ельцина и Президента США Дж. Буша о новых отношениях // Внешняя политика России: сборник документов. 1990–1992. М.: Международные отношения, 1996. С. 225.

ков или систем и будут возникать конфликты в мировом сообществе, где, как предполагалось, преодолены идеологические противоречия. При этом, по прогнозу американского философа, конфликты будут «особенно часто возникать между мусульманами и немусульманами» [13, с. 324], идентифицируя «кровавые границы» между исламской и неисламской цивилизациями [13, с. 412]. По мнению современных отечественных исследователей А. Н. Чумакова и М. С. Стычинского, «цивилизационная составляющая таких систем ... – это культура отношений и поведения в обществе как индивидов, так и отдельных субъектов на всех уровнях, от локальных, местных, частных до международных и общечеловеческих» [14, с. 5].

Действительно, основой данного противостояния, как мы сегодня наблюдаем, являются социокультурные ценности, которые коллективный Запад, в отличие от мусульманского Востока и Восточной Азии, последовательно, посредством интерпретации, подвергает семантической деформации, абсолютизируя общечеловеческие ценности свободы и равенства, придавая им крайние формы: свобода вылилась в «свободу без берегов», а социальное равенство – в генерирование «среднего пола». Эти пастеризованные самобытные ценности Запада стали уже трендом социальной политики многих стран, а также триггером деструктивной идеологии и глобальной дестабилизации. При этом страны, придерживающиеся консервативных устоев и мироустройства, считаются нецивилизованными, культурно отсталыми, ущемляющими права и свободы человека.

Запад переживает доктринальный кризис неолиберализма, связанный с абсолютизацией ценности индивидуализма и индивидуальной свободы: значимость и место в обществе отдельно взятой личности стали определяться через её способность и искусность зарабатывать деньги, приобретать и приумножать материальные блага в условиях жёсткой конкуренции рыночной экономики. Случился парадокс: с одной стороны, личность получила максимальную возможность материально обогащаться; с другой – оказалась противопоставленной социуму, так как главным субъектом его взаимоотношений стало государство, перед которым у неё имеются определённые формальные обязательства (соблюдать законы, платить налоги, рассчитывать на преференции и т. п.). Такой мировоззренческий подход к индивиду, его свободе самовыражения дошёл до апогея: в социальном плане личность погрузилась в одиночество и бросила вызов обществу, начав переоценивать субстанциональные основы бытия – ценности культуры, этики, эстетики, вплоть до гендерных различий. Нарушилась структура западного мира, который открыл «ящик Пандоры», пересмотрев этические нормы и постулаты, на которых держались межличностные отношения и миропорядок. Как следствие, всё это привело к цивилизационному кризису между Востоком и Западом.

В исследовании ставится цель: установить причины кризиса межцивилизационных отношений, определить стратегию его преодоления. В контек-

сте общенаучных методов и политологических подходов (диалектического, аксиологического, историзма, структурно-функционального, анализа и синтеза) поставлены и решены следующие задачи: проанализирована постмодернистская модель развития общества, в результате которой подверглись переоценке базовые ценности социума и миропорядка; исследованы социально-культурные сдвиги, которые привели к гендерной революции, а также её последствия.

ЭТИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ

В настоящее время мы имеем дело с тотальным, агрессивным этическим и моральным релятивизмом Западного мира: принципиально и перманентно карнавализуются формы бытия человека, смещаются представления о должностовании. Для того чтобы приучить общественность к естественности такого положения, проводятся «гей-парады», карнавалы – яркие зрелищные шествия, – на которых демонстрируются персонажи, полуодетые или украшенные перьями, блёстками, идущие под разноцветными флагами. Шествие превращается в праздник, привлекательный для зевак и оказывающий влияние на сознание подростков. При этом все эти мероприятия проводятся под лозунгами защиты прав подрастающего поколения на гендерное самоопределение. В авангарде этих процессов – Швеция, где государство демонстрирует своё максимальное присутствие в воспитании детей, заменив при этом семью. Эта постмодернистская ситуация отмечена и отражена отечественными исследователями. В частности, по мысли Е. Б. Рашковского, «весь этот новый, в значительной мере основанный на глобальных, всепроникающих информационных технологиях жизненный процесс во многих отношениях знаменовал собой расшатывание и разлом устоявшихся базовых жизненных смыслов, ... новые сочетания элементов архаической традиционалистской и рационалистической памяти современного человека» [9, с. 98].

Процессы карнавализации жизни социума, а следовательно, смеховое, как бы игровое, разрушение базовых установок, на которых происходило последовательное развитие, активно разворачивается, по большей части, в католических странах, в культурном и территориальном пространстве которых утвердилось либеральное мировоззрение со всеми его великими достижениями и сложностями. Конечно, католические иерархии препятствовали распространению физиологических и социальных девиаций в обществе. Так, папа Бенедикт XVI (Йозеф Алоиз Ратцингер) проводил жёсткую консервативную политику в отношении разного рода отклонений, которых в период его понтификата было выявлено немало. Напротив, ныне действующий папа Франциск (Хорхе Марио Бергольо) стал первым понтификом, выступившим за легализацию однополых гражданских союзов. Процесс легитимации «карнавала» в обиходе сегодняшнего дня, широкое признание права личности

распоряжаться, как заблагорассудится, и собственным телом, и общественными структурами набирает ход чуть ли не в геометрической прогрессии. Появился и популяризировался термин «сексуальное меньшинство», сторонники которого периодически бросают вызов традиционным ценностям социума под надуманными лозунгами ущемления их прав и свобод. «Политические движения “сексуальных меньшинств”, – отмечает в связи с этим А. Буровский, – тысячекратно преувеличивают значение явления, чуть ли не сводят всю историю человечества к “борьбе ... за свои права”. Они “борются”, получая иностранные гранты, известность, властные полномочия» [2, с. 6].

Десекуляризация Западного мира, в большинстве исповедующего католическую или протестантскую версии христианства, вызывала тревогу многих мыслителей. В частности, М. Велькер, современный немецкий богослов, в книге «Христианство и плюрализм» пишет: «Мораль в наших плюралистических обществах увязла в кризисе ... Именно поэтому мораль нуждается в этносе, и этот этнос имеется в наличии в любом сообществе» [4, с. 184, 196].

О катастрофических последствиях для всего человечества при отказе от сдерживающих ложную свободу нравственных устоев предупреждал также П. Дж. Бьюкенен, американский политик и публицист, стоявший на ультраконсервативных позициях: «Америка, в которой выросли многие из нас, сгинула безвозвратно. Культурная революция овладела умами миллионов, уже не во власти политиков обратить её вспять, даже наберись они смелости попытаться. Нация оказалась расколотой пополам. Партия католиков, принадлежащая рабочему классу, почти на 100 процентов состоит из борцов за права геев. Партия морального большинства и христианского единения выбросила белый флаг, уступив заботу о подрастающем поколении Министерству образования. Молодые люди не задумываются о спасении душ – их гораздо больше волнует Nasdag (Индекс состояния высокотехнологичных отраслей американской промышленности. – *Прим. перев.*)» [3, с. 74]. П. Дж. Бьюкенен отметил и цивилизационное противоречие, которое стало в высшей степени актуальным в последнее время: «Какая ирония! Сегодня ослабевший, умирающий христианский Запад требует от третьего мира и “мусульманского пояса” принять контрацептивы и легализовать аборт и стерилизацию. Но для чего этим народам заключать с нами самоубийственный пакт, когда они и без того унаследуют от нас, безвременно сошедших со сцены, весь земной шар?» [3, с. 76].

В развитие данного тезиса следует отметить, что даже при всей многоаспектности внутренней дифференциации «мусульманского пояса» на первый план выдвигается наличие наиболее общего и принципиального противоречия Западного и Восточного миров, принципиальной основой которого является социокультурное и медиакультурное пространство. Согласно мнению другого американского профессора истории и эксперта по исламу Дж. О. Волла, «...исламский фундаментализм – это не что иное, как своео-

бразный ответ на огромные социальные и культурные перемены, ... воспринимаемые как угроза расшатывания и разрушения исламской идентичности или подавления этой идентичности путём соединения её с большим количеством других компонентов» [15, р. 347, 350], как противостояние контркультуре, деструктивной пропаганде в современном информационном пространстве. Аналогичной точки зрения придерживается и С. А. Семедов, который пишет: «Исламский мир воспринимает достижения западной цивилизации в той мере, в какой считает это целесообразным и выгодным, то есть до уровня, который не позволяет западному образу жизни вторгнуться в духовную жизнь мусульман» [10, с. 152].

И тогда возникает существенный вопрос: «А где же очерчены границы допустимого проникновения западной культуры в восточную?».

Понятно, что мир сегодня существует в условиях глобализации, т. е. всемерной интеграции стран и народов в экономической, политической, научной сферах. До последнего времени всё это считалось важным цивилизационным достижением. Были очевидны и движения в культурной сфере: влияние западного кинематографа распространилось на весь мир, как бы связывая все народы единством художественного переживания реальности. Остались под вопросом религиозная и этно-этическая сферы.

Относительно религиозного пространства всё более или менее теоретически понятно. Сошлёмся на мнение видного английского социолога Э. Гидденса, который в своей работе «Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь» констатирует: «Фундаментализм – дитя глобализации. Он одновременно является реакцией на неё...» [5, с. 66]. При этом трактует мир как «ускользающий», потому что в процессе глобализации он не только не стал более управляемым, но вообще вышел из-под контроля и «ускользает из рук», в мир привносится хаос, которому пытаются придать видимость управляемого. Э. Гидденс отчётливо формулирует проблему, которая оказалась наиболее актуальной в последнее десятилетие: «И всё же фундаментализм – не только антитеза глобалистской современности: он ставит перед ней ряд вопросов. Главный из них таков: способны ли мы жить в мире, где нет ничего святого?» [5, с. 66].

Стало уже очевидным, что традиционные общества, сохраняющие свои этические установки и во многом формы социального поведения, не согласились со значимостью трактовок проблемы гендерной идентичности, которыми озабочены элиты Запада. Мусульманский мир, влияния которого опасались некоторые западные мыслители, в большинстве сохраняет самоопределение в своих начальных базовых установках. Этому способствует строгость этических требований шариата². По мнению коллектива авторов

² Шариат – араб. «аш-шар'а» – «Закон», «ясно установленный путь»), комплекс верований ('а'ид) и религиозно-правовых норм (акм), которым должен следовать мусульманин. Нормы шариата охватывают две области: отношения человека с Богом и его отношения с другими людьми

учебного пособия, «к сильной стороне исламского мира можно отнести то обстоятельство, что он мало восприимчив к западным культурным, морально-этическим и политическим ценностям, а в ряде случаев открыто их отвергает. При этом навязывание западных моделей ведёт, как правило, к усилению влияния ислама на широкие массы населения»³. Строгая и конкретная регламентация всех сторон жизни мусульманина способствует сохранению традиционных установок и тем самым поддержанию нравственного и физического здоровья, а в сущности – возможности продолжения жизни последователей исламского наследия. По мнению Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева, «ислам является для очень многих жителей мусульманских стран (а возможно, и для большинства из них) очень важной частью их мировоззрения и повседневной жизни. Вот почему исламисты нередко выигрывают выборы. Неудивительно, что в мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исланизм не превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики. То, что в конце прошлого столетия представлялось частными эпизодами, оказалось одним из главных трендов мировой политики» [6, с. 7].

Разумеется, пространство исламской культуры, как и любое цивилизационное пространство, сохраняется ядром верных носителей традиций, вокруг которого располагаются те, кто причисляет себя к сторонникам этих норм. Несмотря на значительную дифференциацию приверженцев ислама на течения по различному пониманию отдельных сур Корана, все объединены обязательной строгостью в исполнении религиозных предписаний. Отчётливое требование к соблюдению определённых норм свидетельствует об их наличии, ограничивающих человека от вседозволенности, ведущей человечество к печальным, возможно, даже трагическим последствиям.

Стремление закрыться от насаждения того, что определяется как «ценности» в европейском цивилизационном поле, присутствует во всех традиционных обществах, особенно в восточноазиатских государствах. В данном исследовании за основу взяты проблемы цивилизационных столкновений западной и исламской традиций главным образом потому, что, как указывают многие отечественные и европейские мыслители, существует риск эскалации в этой сфере.

Вместе с тем следует уточнить, что в данном исследовании не затрагиваются перманентные многовековые дискуссии об особенностях понимания сакрального в мире, хотя следует заявить, что имеются определённые точки, в которых совпадают все религиозные конфессии в аксиологическом пони-

и общиной, регулируя практически все сферы повседневной жизни. См.: Академик [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/1264/ШАРИАТ (дата обращения: 20.12.2022).

³ Ислам в мировой политике в начале XXI века: учеб. пособие / под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 15.

мании бытия. Это ценность семьи, социальное распределение гендерных позиций, положение отца-матери, мужа-жены, отношение к пожилым людям и т. п. Казалось бы, наличествуют незыблемые постулаты, которые определяют общность цивилизационного пространства человечества. Но в последнее время в европейской части цивилизации отмечается ажиотажный интерес к гендерным проблемам, который обретает не только форму общетеоретических рассуждений о свободе и равенстве, но и агрессивные варианты принуждения к принятию определённых моделей существования. Судя по масштабу перемен в ценностной иерархии, которые происходят в евро-атлантическом сообществе, можно говорить даже о революции в социальном конструкте.

ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Эпоха гендерной революции⁴ постепенно формировалась в четырёх Всемирных конференциях по положению женщин, проводившихся в разных странах (1975–1995 гг.). На них ставились важные вопросы по определению юридических и гражданских прав женщин во всём мире.

Подспудно происходило формирование гендерной идеологии, что обошлось на Всемирной конференции ООН по положению женщин (Пекин, 1995 г.). Здесь, помимо обсуждения положения женщин в социальной, производственной и научной сферах, впервые использовался термин «гендер» для определения нового мировоззрения, рассматривающего различия между полами не как естественные, врождённые, а как воспитываемые обществом⁵.

Собственно, идеи социального равноправия женщин актуализировались в конце XIX в., а в начале XX в. уже обрели характер политического движения. При этом всё более отчетливо обсуждались вопросы психофизических особенностей мужчин и женщин, приводились рассуждения о необходимости принятия отсутствия различий, стирания граней, о том, что возможности женщины не сводятся к её роли в семье. Эти идеи получили авторитетное оформление в работах философа-экзистенциалиста С. Бовуар [1] и психолога П. Ломброзо [7].

Последним значимым документом в области гендерного регулирования является Стамбульская Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Стамбульская Конвенция, открытая для подписания в 2011 г., является первым юридически обязывающим документом, который «создаёт всеобъемлющую правовую

⁴ Судя по масштабу перемен в ценностной иерархии, скажем осторожно, евро-атлантического сообщества, можно говорить именно о революции.

⁵ См. Пекинская декларация (принята четвёртой Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 04–15.09.1995) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 20.12.2022).

базу и подход к борьбе с насилием в отношении женщин» и направлен на предотвращение бытового насилия, защиту жертв и судебное преследование виновных⁶. Вроде бы очевидно благие намерения не должны вызывать сомнений. Однако даже Турция, ратифицировавшая документ, уже в 2012 г. заявила о выходе из Конвенции. Россия не подписала Стамбульскую Конвенцию, поскольку, по мнению российских правозащитников, она даёт неприемлемые возможности государству для вмешательства в частную жизнь семьи, что является верным путём к разрушению института семьи. Это опасные тенденции, но ещё больше вопросов вызывает стремление утвердить в общественном сознании идеи не просто о равноправии двух полов, но и о легализации существования «социального пола», базирующегося на самоощущении человека; понятие «пол» отныне пытаются трактовать как набор социально-культурных стереотипов. Причём возраст человека, дающий право на самоопределение гендерной идентичности, всё больше понижается. Согласно данным, приведённым в сетевом издании «Новые Известия» со ссылкой на другие источники (медпортал Medikforum, датское издание Berlingske, британская газета Daily Mail и др.), «правительства, копируя друг друга, наперегонки всерьёз обсуждают легализацию смены пола в детском возрасте и принимают соответствующие законы. В Норвегии подобное право у юных жителей страны появляется с семи лет, а в Великобритании – с девяти. Пять лет назад свыше 800 маленьких англичан в возрасте от 10 лет и старше получали лекарства для смены пола ... В Дании менять пол можно с 12 лет, но при этом без внесения изменений в паспорт»⁷.

Мария Захарова, директор департамента информации и печати МИД России, в одном из своих выступлений, посвящённом данной проблематике, отмечает: «Согласно рекомендациям Правительства штата Новый Южный Уэльс, трёхлетним детям следует предоставить возможность выбрать то местоимение, которое они предпочтут для обращения к себе. Помимо традиционных “он” и “она” предлагается включить в перечень местоимение “они” для тех, кто видит себя вне бинарной системы полов»⁸. Это, по её утверждению, не безумная инициатива региональных властей, а уже мировая тенденция. В этой связи М. Захарова задаётся вопросом, на который сама же и отвечает: «Кто сказал: “Я считаю, что брак – это союз мужчины и женщины. Для меня это также и освящённый союз. К его созданию прикладывает руку Господь”? Какой-то христианский пастор? Исламский проповедник? ... Нет. Эти слова

⁶ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11.V.2011). [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 15.01.2023).

⁷ Новая ненормальность: в каких странах уже можно менять пол детям // Новые известия: [сайт]. [11.11.2021]. URL: <https://newizv.ru/news/2021-11-11/novaya-nenormalnost-v-kakih-stranah-uzhe-mozhno-menyat-pol-detyam-342374> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ Там же.

произнёс кандидат в президенты от Демократической партии США Барак Обама в 2008 году. То есть еще 12 лет назад услышать такое от главного демократа Америки было абсолютно нормально. Сейчас это заявление выглядело бы в рамках американской внутривнутриполитической повестки как ретроградное, ультраконсервативное, а демократ с такими ценностями был бы “обчирикан” в “Твиттере” и с позором изгнан из “Инстаграма”⁹ ... Прошло всего чуть больше 10 лет, а по всему свету узакониваются десятки, да что там – до сотни гендеров, принимаются точечные региональные законы, вторгающиеся в самую суть человеческого существа»¹⁰.

Определённой реакцией и одной из форм борьбы с такого рода «самоощущением» стали изменения, которые были внесены в 2020 г. в базовый нормативный акт Российской Федерации – Конституцию и которые касались наряду с другими правоотношениями института семьи и брака. В российской культуре и семейном праве брак традиционно рассматривался как добровольный союз мужчины и женщины, но нормативного закрепления гендерного аспекта этих отношений не было, что позволяло спекулировать на данную тему сторонникам однополых союзов. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» легализован этот аспект института брака (п. ж. 1 ст. 72 Конституции РФ). При этом Конституционный Суд РФ в своём Заключении от 16.03.2020 пояснил, что поправка в Конституцию РФ о браке как союзе мужчины и женщины не снимает с государства обязанности уважать различия в сфере частной жизни, в том числе в сексуальной ориентации: «Поскольку одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к вопросам демографического и социального характера в области семейных отношений в РФ лежит понимание брака как союза мужчины и женщины, что согласуется со статьями 7 и 38 Конституции РФ и не противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах (статья 23) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 12)»¹¹. Другим нормативным актом в этой сфере является Указ Президента Российской Федерации

⁹ Социальные сети «Твиттер» и «Инстаграм» признаны экстремистскими, заблокированы и запрещены на территории Российской Федерации.

¹⁰ Мария Захарова: кто и зачем проводит эксперименты на детях // Российская Газета: [сайт]. [12.09.2021]. URL: <https://rg.ru/2021/09/12/mariia-zaharova-kto-i-zachem-provodit-eksperimenty-na-detiah.html> (дата обращения: 20.12.2022).

¹¹ Заключение Конституционного Суда РФ о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16.03.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (дата обращения: 20.12.2022).

от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», выступающий документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации, согласно которому традиционные ценности составляют основу российского общества.

Нормативное закрепление непреходящих общественных ценностей является важной составляющей как внутренней политики государства, так и мировой, глобальной политики. Различные конвенции, посвящённые защите прав и свобод человека, довольно широко трактуют их. В этом имеется своя логика, так как нормы конвенций должны быть применимы к культуре, традициям и другим особенностям различных стран и народов. Но их следует трактовать как принципы, которые дают ориентир для внутреннего нормотворчества государств, подписавших и ратифицировавших их. Право конкретного государства как основной регулятор общественных отношений, устанавливая границы должного поведения субъектов, является разумным и нравственным «ограничителем», который противостоит вседозволенности и произволу человеческой сущности в мнимой борьбе за абсолютизацию прав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях обострения глобальных проблем необходимо выработать новые подходы к осмыслению межкультурных отношений с целью их гармонизации и прогнозирования будущего мирового порядка, основным объектом которого станет культура с её истинными добродетелями, а не гипертрофированными ценностями. «Для современного процесса глобализации, – пишут в совместной статье Т. М. Махаматов и Т. Т. Махаматов, – в целом характерна парадигма сосуществования, выживания и диалектического единения разных культурно-цивилизационных регионов мира в условиях нового обострения глобальных проблем», – и приходят к выводу о необходимости диалога макроцивилизаций и «формирования глобальной цивилизации» [8, с. 84, 91]. Для этого, как они заключают, следует преодолеть социокультурный эгоцентризм как Запада, так и Востока.

Следует пояснить, что «диалектическое единение разных культурно-цивилизационных регионов мира» вовсе не означает их унификацию, а скорее, «единство и борьбу противоположностей»: единство – как гармоничное сосуществование многообразия; борьбу противоположностей – взаимное обогащение с сохранением сущностных признаков общечеловеческих ценностей и противодействием их негативному толкованию, тлетворно влияющему на сознание и культуру.

К аналогичному выводу приходят и другие отечественные исследователи данной проблематики, которые отмечают, что «перед вызовами глобали-

зации в более выгодной ситуации оказываются те страны, где первостепенное внимание уделяют культуре, что, несомненно, сказывается и на уровне развития гражданского общества, и на том, насколько эффективно используются новые технологии общественного управления, именуемые “мягкой силой”. Иными словами, будущее закладывается уже сегодня, причём, в первую очередь, в духовной, гуманитарной сфере» [14, с. 13].

Безусловно, все этнокультурные процессы западного цивилизационного пространства выросли на основе тысячелетних традиций, которые сегодня потребовали вдумчивого и критического осмысления. Как показывает практика, внутри этого пространства к данным процессам социум тоже относится неоднозначно: наряду с приверженцами ультрасовременной трактовки субстанциональных основ культуры присутствуют традиционалисты, придерживающиеся консервативных взглядов и призывающие вернуться к её истокам. Этот конфликт в перспективе выйдет из этнокультурных границ в геополитическое, а затем и в экономическое пространство.

Диалог культур, а не их конвергенция станет точкой отсчёта гармонизации отношений Востока и Запада, поскольку именно культура является незыблемым субстратом любого этноса. Поэтому приверженность традиционным ценностям становится маркером на жизнеспособность социума и цивилизации.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.12.2022

Статья размещена на сайте: 04.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовуар С. Второй пол: в 2 т. / пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. С. Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
2. Буровский А. М. Гендерная революция. СПб.: Крылов, 2019. 320 с.
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003. 444 с.
4. Велькер М. Христианство и плюрализм / пер. с нем. Д. Бумажнова, А. Петровой. М.: Республика, 2001. 207 с.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
6. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. 144 с.
7. Ломброзо П. Женщина, ее физическая и духовная природа и культурная роль / пер. с ит. М. Н. Тимофеевой, С. П. Полтавского. СПб.: Издательство «Вестника знания», 1910. 64 с.

8. Махаматов Т. М., Махаматов Т. Т. Запад и Восток в аспекте формирования глобальной цивилизации // Век глобализации. 2020. № 1. С. 83–92.
9. Рашковский Е. Б. Религиозная динамика эпохи постмодерна // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 93–100.
10. Семедов С. А. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Россия и мусульманский мир. 2010. № 4. С. 149–158.
11. Тойнби А. Дж. Постижение истории: избранное / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
14. Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1. С. 3–14.
15. Voll J. O. Fundamentalism in the Sunni Arab World: Egypt and the Sudan // Marty M. E., Appleby R. S. Fundamentalisms Observed. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. P. 345–402.

REFERENCES

1. Beauvoir S. Le Deuxième Sexe (Rus. ed.: Aivazova S. G., ed. *Vtoroi pol.* Moscow, Progress Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 1997. 832 p.).
2. Burovsky A. M. *Gendernaya revoliutsiya* [Gender revolution]. St. Petersburg, Krylov Publ., 2019. 320 p.
3. Buchanan P. J. The Death of the West (Rus. ed.: Bashkirov A., transl. *Smert Zapada*. Moscow, AST Publ., 2003. 444 p.).
4. Welker M. Christentum und Strukturierter Pluralismus (Rus. ed.: Bumazhnov D., Petrova A., transl. *Khristianstvo i plyuralizm*. Moscow, Respublika Publ., 2001. 207 p.).
5. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives (Rus. ed.: Korobochkin M. L., transl. *Uskol'zayushchii mir. Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Moscow, Ves mir Publ., 2004. 120 p.).
6. Grinin L. E., Korotaev A. V. *Islamizm i ego rol' v sovremennom islamskom obshchestve* [Islamism and its role in modern Islamic society]. Moscow, Moskovskaya redaktsiya izdatel'stva «Uchitel'» Publ., 2019. 144 p.
7. Lombroso P. La donna, la sua natura fisica e spirituale e il suo ruolo culturale (Rus. ed.: Timofeeva M. N., Poltavskii S. P., transl. *Zhenshchina, ee fizicheskaya i dukhovnaya priroda i kul'turnaya rol'*. St. Petersburg, Izdatel'stvo «Vestnika znaniya» Publ., 1910. 64 p.).
8. Makhamatov T. M., Makhamatov T. T. [The West and The East in terms of formation of the global civilization]. In: *Vek globalizatsii* [Age of globalization], 2020, no. 1, pp. 83–92.
9. Rashkovskiy E. B. [Religious dynamics of the postmodern era]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2009, no. 2, pp. 93–100.

10. Semedov S. A. [Islamic radicalism in the modern world: the essence and causes of its occurrence]. In: *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Moslem world], 2010, no. 4, pp. 149–158.
11. Toynbee A. J. Comprehension of History (Rus. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizhenie istorii*. Moscow, Iris-Press Publ., 2008. 521 p.).
12. Fukuyama F. [The end of history?]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1990, no. 3, pp. 134–148.
13. Huntington S. Clash of Civilizations (Rus. ed.: Velimeev T., Novikov Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.).
14. Chumakov A. N., Stychinsky M. S. [The cultural-civilizational dialogue and the opportunities it provides in the global world]. In: *Vek globalizatsii* [The age of globalization], 2018, no. 1, pp. 3–14.
15. Voll J. O. Fundamentalism in the Sunni Arab World: Egypt and the Sudan. In: Marty M. E., Appleby R. S. *Fundamentalisms Observed*. Chicago, The University of Chicago Press, 1991, pp. 345–402.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денильханов Асланбек Хаважович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член коллегии Адвокатской палаты г. Москвы; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

Aslanbek K. Denilkhonov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Asst. Prof., Lomonosov MSU Business School; Member of the Board, Moscow Bar Association; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Денильханов А. Х. Восток-Запад: социальная турбулентность // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Denilkhonov A. Kh. East-West: social turbulence. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 343.575.4

Манойло А. В.

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
119333, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 3, Российская Федерация

ОПЕРАЦИЯ «RYANAIR»

АННОТАЦИЯ

Цель. Раскрыть сущность, содержание, цели, задачи и методы специальной операции американских спецслужб, связанной с экстренной посадкой самолета авиакомпании Ryanair в аэропорту г. Минска, в результате которой КГБ Республики Беларусь были задержаны оппозиционеры Р. Протасевич и С. Сапега.

Процедуры и методы. Исследование проведено с использованием методов анализа, синтеза, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Установлено, что по своей схеме и почерку исполнения «дело Ryanair» идентично операции «Допинговый скандал с WADA», проводимой спецслужбами США против РФ в 2015–2018 гг.; цель операции «Ryanair» – такая же, как в скандале с WADA: заставить признать обвинения по всем пунктам неоднократно пойманных на лжи; форма операции – оперативный эксперимент (провокация). Таким образом, операция «Ryanair» представляет собой комбинацию приёмов, методов и уловок, ранее уже отработанных разведкой США в целой серии операций против Российской Федерации.

Теоретическая значимость. Сведения о новейших формах и методах организации и проведения информационных операций, таких как операция «Ryanair» (проведённая спецслужбами США против Беларуси), могут быть использованы в работе государственных органов, отвечающих за организацию системного противодействия информационной агрессии иностранных государств, а также будет полезна политологам, политтехнологам и специалистам по противодействию деструктивным политическим технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

специальная военная операция, политика, информационная война, гибридная война, информационная операция, оперативная комбинация, Россия, Украина, США

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Реакция Запада](#)[Побег О. Галегова](#)[Обвинение в воздушном пиратстве](#)[Отчёт ICAO](#)[Сходство с «Допинговым скандалом с WADA»](#)[Заключение](#)

A. Manoilo

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
ul. Dmitriya Ulyanova 3, Moscow 119333, Russian Federation*

OPERATION “RYANAIR”

ABSTRACT

Aim. To reveal the essence, content, goals, objectives and methods of the special operation of the American special services related to the emergency landing of a Ryanair aircraft at the airport in Minsk, as a result of which the KGB of the Republic of Belarus detained oppositionists R. Protasevich and S. Sapega.

Methodology. The study was carried out using the methods of analysis, synthesis, generalization and interpretation of the results.

Results. It has been established that, in terms of its scheme and manner of execution, the “Ryanair case” is identical to the operation “Doping Scandal with WADA” carried out by the US intelligence agencies against the Russian Federation in 2015–2018. The goal of the Ryanair operation is the same as in the WADA scandal: make those who were repeatedly caught in a lie admit the allegations on all counts; the form of the operation is an operational experiment (provocation). Thus, the Ryanair operation is a combination of techniques, methods and tricks previously worked out by US intelligence in a whole series of operations against the Russian Federation.

Research implications. Information about the latest forms and methods of organizing and conducting information operations, such as Operation Ryanair (carried out by the US intelligence agencies against Belarus), can be used in the work of state bodies responsible for organizing a systemic counteraction to informational aggression by foreign states, and will also be of use to political scientists, political technologists and specialists in counteracting destructive political technologies.

KEYWORDS

special military operation, politics, information war, hybrid war, information operation, operational combination, Russia, Ukraine, USA

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир всё больше погружается в состояние глобальной нестабильности [1; 2], характерной чертой которой становятся неклассические методы борьбы, такие как информационные, гибридные и санкционные войны [4]. Всё чаще в фокусе информационной войны оказываются союзники Российской Федерации – например, Республика Беларусь. Настоящая статья посвящена разбору одной из провокационных операций, проведённой спецслужбами США против Беларуси в мае 2021 – январе 2022 гг., – «Делу «Ryanair»».

23 мая 2021 г. самолет авиакомпании Ryanair, следовавший по маршруту Афины – Вильнюс, совершил экстренную посадку в аэропорту г. Минска. Причиной незапланированной посадки стало сообщение о нахождении на борту взрывного устройства. Эту информацию по каналам связи передали командиру воздушного судна, который после обсуждения ситуации с авиадиспетчером аэропорта г. Минска (оказавшегося ближайшим на пути следования воздушного судна) принял решение совершить посадку. Для сопровождения

лайнера был поднят истребитель МиГ-29. После посадки борта в аэропорту г. Минска информация о минировании не подтвердилась. Позже стало известно, что на борту самолёта находился разыскиваемый белорусскими властями Роман Протасевич – один из основателей признанного в Республике Беларусь (РБ) и в Российской Федерации (РФ) экстремистским telegram-канала «Nexta». При выходе из самолёта (прямо у трапа), оказавшись на белорусской территории, он был задержан сотрудниками КГБ Беларуси вместе с сопровождавшей его гражданкой России Софией Сапегой¹.

РЕАКЦИЯ ЗАПАДА

Запад воспринял задержание Протасевича однозначно – как операцию белорусских спецслужб.

Так, немецкий журналист Михаэль Майер (Michael Maier) в своём комментарии для газеты Berliner Zeitung пишет, что «посадка в Минске самолёта компании Ryanair, к которой вынудили экипаж белорусские власти, выглядит крайне странно; угроза взрыва на борту самолёта бомбы – всего лишь предлог для задержания оппозиционного журналиста и блогера Романа Протасевича»; «уголовное преследование оппозиционных журналистов, активистов и критиков власти приобрело в Беларуси чудовищный масштаб»².

Журналист Taz Бернхард Класен (Bernhard Clasen) считает, что Беларусь не могла обойтись без помощи спецслужб РФ: «Похищение самолёта компании Ryanair – однозначный сигнал диктатора Лукашенко ... Не исключено, что истребитель-перехватчик, который был послан за самолетом Ryanair, мог осуществить свои угрозы и открыть огонь, если бы пилоты не согласились выполнить требование и посадить самолёт в аэропорту Минска»³. Б. Класен уверен, что «лишь немногие знали о том, что Роман Протасевич находится в Греции. Для подобной операции спецслужбам необходима соответствующая инфраструктура. Беларусь, у которой в Греции нет даже посла, вряд ли обладает ею. Поэтому можно исходить из того, что помощь ей оказал «старший брат» – ФСБ РФ»⁴.

В свою очередь, глава Ryanair Майкл О'Лири назвал инцидент с экстренной посадкой самолета его авиакомпании «преднамеренным угоном»⁵.

¹ NYT: посадивший рейс RyanAir диспетчер назвал заведомо ложными данные о бомбе на борту // ТАСС: [сайт]. [09.12.2021]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13151321?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 20.11.2022).

² Maier M. Belarus: Freiheit für Roman Protassewitsch! Deutschland sollte dem belarussischen Journalisten Protassewitsch politisches Asyl anbieten // Berliner Zeitung: [сайт]. [24.05.2021]. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/politik-gesellschaft/belarus-freiheit-fuer-roman-protassewitsch-li.160889> (дата обращения: 20.11.2022).

³ Clasen B. Gekaperter Ryanair-Flug in Belarus: Entführer im Präsidentenamt // Taz: [сайт]. [24.05.2021]. URL: <https://taz.de/Gekaperter-Ryanair-Flug-in-Belarus/!5769803> (дата обращения: 20.11.2022).

⁴ Там же.

⁵ Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down // New York Times: [сайт]. [08.12.2021]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html> (дата обращения: 20.11.2022).

А. Г. Лукашенко, напротив, 9 августа 2021 г. заявил, что он «не рад тому, что Протасевич задержан»: «Мне было бы проще, чтобы он был в Польше или Литве. Почему? Потому что они его «заказали»»; он также отметил, что ему «сейчас приходится защищать блогера, потому что если что-то случится с Протасевичем, то придётся отвечать властям Белоруссии, так как он находится на её территории»: «Убивал бы Лукашенко Протасевича, не убивал – он здесь, я несу за него ответственность. Я честно говорю, что уже не рад, что этот Протасевич здесь оказался»⁶. По мнению Президента РБ, спецслужбы Литвы и, возможно, ЦРУ специально подставили Протасевича под арест белорусскому КГБ, надеясь, что спецслужбы РБ расправятся с ним («при попытке к бегству»), и тогда из Протасевича можно будет сделать «сакральную жертву», пополнив им пантеон белорусских «борцов за свободу, павших в борьбе с диктатурой», – аналог украинской «небесной сотни». В этом плане операция ЦРУ по подставе Протасевича полностью идентична такой же операции по подставе А. Навального российским органам безопасности 17 января 2022 г.

25 мая 2021 г. премьер-министр Великобритании Б. Джонсон призвал власти Белоруссии отпустить оппозиционного журналиста Р. Протасевича и предупредил о последствиях, которые будет иметь инцидент с экстренной посадкой самолета компании Ryanair в столице республики. 2 июня 2021 г. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг и Б. Джонсон призвали власти Белоруссии отпустить «политических заключённых» и представить полное объяснение инцидента с самолётом Ryanair⁷.

Протасевич, попав в следственный изолятор КГБ РБ, уже 3 июня 2021 г. заявил, что признаёт свою вину в организации несанкционированных акций протеста после выборов президента в 2020 г. и сотрудничает со следствием: «Я сразу признал вину по 342 ст., организация массовых несанкционированных акций»; «призывы, которые опубликовал я в том числе, стали следствием того, что на улице начались, по сути, неконтролируемые беспорядки и три дня Минск жил в хаосе» (цит. из интервью Протасевича телеканалу ОНТ)⁸.

Протасевич также сообщил, что сотрудничает со следствием полностью и открыто, предоставляет много уникальных фактов: «Я и так сотрудничаю абсолютно полностью и открыто. Я предоставляю множество уникальных

⁶ Лукашенко заявил, что задержание Протасевича в Минске «заказал» Запад // ТАСС: [сайт]. [09.08.2021]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12088843?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 20.11.22).

⁷ Столтенберг и Джонсон призвали Минск объясниться за посадку рейса Ryanair // Известия: [сайт]. [02.07.2021]. URL: <https://iz.ru/1173010/2021-06-02/stoltenberg-i-dzhonson-prizvali-minsk-obiasnitsia-za-posadku-reisa-ryanair> (дата обращения: 20.11.22).

⁸ Протасевич признал вину в организации незаконных акций протеста в Белоруссии // Интерфакс: [сайт]. [03.06.2021]. URL: <https://www.interfax.ru/world/770453> (дата обращения: 20.11.2022).

фактов; ... и я никогда больше не хочу ни в политику лезть, ни в какие-то эти грязные игры, разборки»⁹. Тем самым он полностью поменял сторону.

ПОБЕГ О. ГАЛЕГОВА

26 июля 2021 г., спустя два месяца после посадки борта Ryanair в аэропорту г. Минска, СМИ сообщили, что белорусский авиадиспетчер Олег Галегов, предположительно, ведший переговоры с экипажем самолёта Ryanair Афины – Вильнюс и требовавший от него экстренно посадить самолёт в Минске, тайно покинул Республику Беларусь. РБК, со ссылкой на Nexta¹⁰, отмечает, что «Галегов уехал из Белоруссии вместе с семьёй предположительно в начале июля; его коллеги сообщили, что в начале июля он должен был выйти на смену после отпуска, но так и не появился на работе»; «рабочий шкафчик диспетчера, где обычно хранится сменная одежда, вскрыли, и он оказался пуст»¹¹. NYT сообщает, что «с целью осуществления побега он сначала связался с посольством США в Варшаве, но американцы направили его к польским властям» (возможно, потому, что самолёт принадлежал польскому отделению Ryanair)¹².

Таким образом, главный свидетель инцидента О. Галегов бежал из страны, и никто его не остановил. Или ему помогли бежать. Однако последствия этого побега оказались более чем серьезными: переместившись сначала в Грузию (где живут его родственники), а затем – в Польшу, Галегов выступил в роли главного свидетеля обвинения белорусского режима, подробно рассказав журналистам New York Times, как «его силой заставили посадить самолёт»¹³. Этот вброс и стал началом оперативной комбинации ЦРУ против А. Г. Лукашенко, которого Запад впоследствии косвенно обвинил в отдаче приказа на захват воздушного судна.

NYT пишет, что Галегов, «тайно пробравшись в Польшу, получил там тёплый, но секретный приём»¹⁴ – потому, что «он принёс разведке ценную инсайдерскую информацию об истинных причинах экстренной посадки борта

⁹ Там же.

¹⁰ Экстремистский телеграмм-канал, запрещённый в РФ.

¹¹ СМИ узнали об отъезде из Белоруссии посадившего Ryanair диспетчера // РБК: [сайт]. [26.07.2021]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/07/2021/60ff01739a79476001101756> (дата обращения: 20.11.2022).

¹² Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down // New York Times: [сайт]. [08.12.2021]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html> (дата обращения: 20.11.2022).

¹³ «A former air traffic controller has been telling Polish investigators what he knows about the diversion of the plane carrying a Belarus dissident in May». См.: Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down // New York Times: [сайт]. [08.12.2021]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁴ «One man who slipped furtively into Poland received a warm but top-secret welcome». См.: там же.

Ryanair»¹⁵. По словам сотрудников разведки, пожелавших остаться неназванными, Галегов, оказавшись на территории Польши, «предоставил подробные доказательства того, что рейс Ryanair был атакован из-за фальшивой угрозы взрыва бомбы в рамках операции по поимке г-на Протасевича, организованной разведывательной службой Беларуси»¹⁶. Так, директор Департамента национальной безопасности Польши С. Зарын сообщил NYT, что «польским официальным лицам, расследовавшим угон Ryanair», удалось получить «отчёт прямого свидетеля действий», записанный «на диспетчерской вышке в Минске» (предположительно, на телефон)¹⁷. Он также сообщил, что, «по словам свидетеля, сотрудник КГБ Беларуси в это время находился в диспетчерской» и «в ответственный момент взял на себя управление авиадиспетчером»; на протяжении всего инцидента белорусский офицер «поддерживал постоянную телефонную связь с кем-то, кому он докладывал о том, что в настоящее время происходит с самолётом»¹⁸.

В свою очередь, представители СК РБ, ознакомившись с записью, сделанной Галеговым и показанной по польскому государственному телевидению, заявили, что «в указанной записи имеются участки с признаками монтажа, характерными для объединения нескольких ранее записанных фонограмм, что указывает на признаки модификации и цифровой обработки звукозаписей» (из официального заявления замначальника управления Следственного комитета по Минску А. Мотолько, сделанного 11 января 2022 г.)¹⁹.

15 января 2022 г. глава департамента по авиации Министерства транспорта РБ А. Сикорский заявил, что «пилот самолёта авиакомпании Ryanair ... на-

¹⁵ «The man was offering a dramatic intelligence coup – inside information on the forced landing just a few weeks earlier in Minsk, the Belarusian capital, of a Ryanair flight from Athens to Vilnius». См.: там же.

¹⁶ «Since his defection, he has provided detailed evidence that the Ryanair flight was targeted for a fake bomb threat as part of an operation to grab Mr. Protasevich orchestrated by Belarus's intelligence service, the officials said». См.: Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down // New York Times: [сайт]. [08.12.2021]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁷ «Asked about the defection, Stanislaw Zaryn, director of Poland's Department of National Security, declined to comment on specifics but said that Polish officials investigating what he described as the Ryanair "hijacking" had managed "to obtain an account of a direct witness of the actions taken at the control tower in Minsk. ... He added that, according to the witness, an officer of Belarus's intelligence and security agency, the K.G.B., was in the control tower at the time and "at a crucial moment took control of the air traffic controller." Throughout the incident, the Belarusian officer "maintained ongoing telephone contact with someone to whom he reported on what was currently happening with the plane," Mr. Zaryn said». См.: Defector Helps Build Case Against Belarus Over Ryanair Flight It Forced Down // New York Times: [сайт]. [08.12.2021]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/08/world/europe/belarus-poland-ryanair-plane-dissident.html> (дата обращения: 20.11.2022).

¹⁸ Там же.

¹⁹ СК: распространённая Польшей запись переговоров по рейсу Ryanair смонтирована // Sputnik Беларусь: [сайт]. [11.01.2022]. URL: <https://sputnik.by/20220111/sk-belarusi-zapis-peregovorov-ot-polshi-po-reysu-ryanair-smontirovana-1059423969.html> (дата обращения: 20.11.2022).

рушил инструкции, совершив посадку в Минске, а не в Вильнюсе», так как до Вильнюса оставалось всего 70 км – ближе, чем до Минска²⁰. Получив команду «код красный», пилот обязан был направить самолёт на ближайший к нему аэродром, а ближайшим был Вильнюс. Т. е. окончательное решение принял именно командир воздушного судна, и никто ему этого решения не мог навязать (помимо его воли).

ОБВИНЕНИЕ В ВОЗДУШНОМ ПИРАТСТВЕ

21 января 2022 г. начинается оперативная реализация материалов, опубликованных NYT: «власти США предъявили обвинения в воздушном терроризме белорусским чиновникам, предположительно причастным к инциденту с вынужденной посадкой самолёта авиакомпании Ryanair»²¹; соответствующее заявление опубликовано на сайте Министерства юстиции США, выполняющего функции генеральной прокуратуры (рис. 1) [5].

Обвинение предъявлено генеральному директору «Белаэронавигация» Леониду Чуро, его заместителю Олегу Казючицу, а также двум сотрудникам госбезопасности Белоруссии, фамилии которых в документе не приводятся; им инкриминируется сговор с целью осуществления акта «воздушного пиратства» («... with conspiracy to commit aircraft piracy») ²². Министерство юстиции США также считает, что власти Белоруссии сфабриковали информацию о нахождении бомбы на борту самолёта, чтобы задержать находившегося в лайнере «политического активиста» («на борту бомбы не было. Белорусские власти сфабриковали угрозу, чтобы получить контроль над рейсом и вынудить его изменить курс с Вильнюса на Минск») ²³. Каждому из обвиняемых грозит от 20 лет лишения свободы до пожизненного заключения²⁴.

Выступая на заседании «Большого жюри» по делу Ryanair, прокурор США по Южному округу Нью-Йорка Д. Уильямс заявил, что, «благодаря экстраординарной следственной работе совместной группы следователей ФБР по борьбе с терроризмом и контрразведки обвинительное заключение даёт

²⁰ Минск обвинил пилота самолёта с Протасевичем в нарушении инструкций. Белоруссия заявила, что пилот должен был посадить самолёт с Протасевичем в Вильнюсе // РБК: [сайт]. [15.01.2022]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2021/61b959b99a7947ea13fde0ff> (дата обращения: 20.11.2022).

²¹ США выдвинули обвинения против белорусских чиновников из-за инцидента с самолётом Ryanair // ТАСС: [сайт]. [21.01.2022]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13485475?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 20.11.2022).

²² США выдвинули обвинения против белорусских чиновников из-за инцидента с самолётом Ryanair // ТАСС: [сайт]. [21.01.2022]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13485475?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 20.11.2022).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

быстрое и публичное объяснение того, что на самом деле произошло с рейсом»; «мы полны решимости привлечь к ответственности этих центральных участников шокирующего заговора с целью совершения авиапиратства, которое не только нарушило международные нормы и уголовное право США, но и потенциально поставило под угрозу жизнь четырёх граждан США и множества других невинных пассажиров на борту» [5].

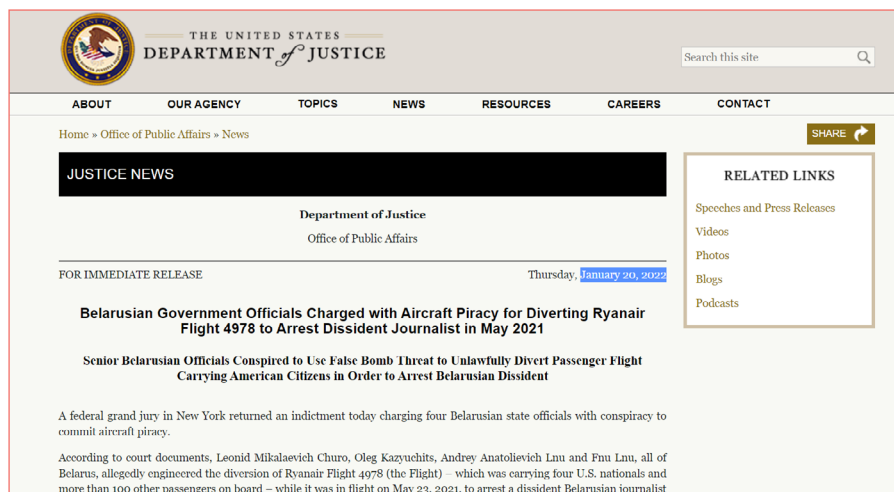

Рис. 1 / Fig. 1. Обвинения, выдвинутые Министерством юстиции США против четырёх государственных служащих Республики Беларусь (по делу Ryanair)²⁵ / Charges filed by the US Department of Justice against four government employees of the Republic of Belarus (in the case of Ryanair)

Источник: Belarusian Government Officials Charged with Aircraft Piracy for Diverting Ryanair Flight 4978 to Arrest Dissident Journalist in May 2021 | OPA | Department of Justice // US Department of Justice: [сайт]. [20.01.2022]. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/belarusian-government-officials-charged-aircraft-piracy-diverting-ryanair-flight-4978-arrest> (дата обращения: 20.11.2022).

В свою очередь, помощник директора нью-йоркского территориального отделения ФБР М. Дж. Дрисколл заявил, что «подсудимые разработали тщательно продуманную схему, чтобы сфальсифицировать сообщение о бомбе, в результате чего самолёт совершил аварийную посадку в их стране, чтобы они могли арестовать журналиста-диссидента»; «в ходе расследова-

²⁵ Расследование выполнено нью-йоркским территориальным отделением ФБР, оперативной группой отдела контрразведки по иностранному влиянию и нью-йоркской объединённой оперативной группой по борьбе с терроризмом, состоящей из специальных агентов ФБР и детективов полиции Нью-Йорка, отделом по борьбе с терроризмом отдела национальной безопасности Министерства юстиции и отделом по правам человека и особому преследованию отдела по уголовным делам, а также Управлением по международным делам США и др.

ния ФБР выявило детальную операцию, в ходе которой пассажиры из многих стран, в том числе из США, подверглись реальной террористической угрозе ... ФБР и наши иностранные партнёры будут продолжать привлекать виновных к ответственности за действия, которые напрямую угрожают жизни наших граждан США и ставят под угрозу стабильность нашей национальной безопасности» [5].

В обвинении, выдвинутом Минюстом США, также фигурирует «белорусское правительство» в качестве субъекта «заговора»: «цель заговора белорусского правительства по направлению рейса в Минск заключалась в том, чтобы белорусские службы безопасности могли арестовать белорусского журналиста и политического активиста [Протасевича]; ... заговор правительства Беларуси с целью изменения направления рейса был осуществлён, в том числе, сотрудниками белорусской службы государственной безопасности, работающими в координации с высшими должностными лицами белорусского государственного управления аэронавигации» [5]. Важно понимать, что в этой части обвинения речь уже идёт о «правительстве» (т. е. о руководстве РБ) и о «заговоре», что позволяет спроецировать это обвинение (в воздушном пиратстве / терроризме) на первое лицо страны и его ближайшее окружение.

После появления обвинения, выдвинутого Минюстом США, в развитии инцидента с Ryanair сразу стали просматриваться два варианта:

1) «подняться вверх по цепочке принимающих решения» – от неназванных офицеров КГБ до самого А. Г. Лукашенко – и обвинить руководство Беларуси в организации террористического акта на воздушном транспорте; затем вспомнить, что в том же самом обвиняли М. Каддафи, и по аналогии потребовать предать Президента Беларуси международному уголовному трибуналу (как С. Милошевича) или поступить как с Каддафи;

2) то же самое, только сначала попытаться поймать (возможно, выкрасть) любого из четырёх обвиняемых, доставить его в США и заставить дать признательные показания, вероятнее всего, заключив сделку со следствием (как М. Бутина).

Вероятно, по одному из этих путей обвинители и пошли бы. Но тут в феврале 2022 г. началась Специальная военная операция РФ на Украине. И всё поменялось.

ОТЧЁТ ICAO

19 июля 2022 г. Совет Международной организации гражданской авиации (ICAO) заявил, что «информация о бомбе на борту самолёта авиакомпании Ryanair, в котором 23 мая 2021 г. летели Р. Протасевич и С. Сапега, была заведомо ложной. Об этом сообщается в расследовании организации, которое опубликовано на её сайте [6]. «Совет ICAO признал, что угроза взрыва бомбы

в отношении рейса FR4978 авиакомпании Ryanair была заведомо ложной и угрожала его безопасности, а также то, что угроза была передана экипажу по указанию высокопоставленных правительственных чиновников Беларуси», – сказано в пресс-релизе; в отчёте сделан вывод, что «ни бомбы, ни доказательств её наличия не было обнаружено ни при предполётной проверке в Афинах, ни после обысков самолёта в Беларуси и Литве, поэтому угроза была заведомо ложной»; «предоставление заведомо ложной информации, угрожающей безопасности воздушного судна в полёте, является правонарушением в соответствии со ст. 1 (1) (е) Монреальской конвенции» [6].

Расследование ICAO также «не подтвердило предоставленную белорусскими властями информацию о передаче содержания электронного письма с угрозами по телефону, а белорусская сторона не представила сведений о разговорах по мобильным телефонам с физическими и юридическими лицами, поэтому версия Минска не подтверждается доказательствами»; напротив, «установлено, что в комнате с диспетчером О. Галеговым и его начальником находился неназванный человек, предположительно, связанный с КГБ, и подсказывал, что говорить экипажу самолёта (диспетчер записал разговоры на свой телефон)» [6]. Эти же данные подтверждает издание The Aviation Herald со ссылкой на отчёт ICAO²⁶.

Таким образом, отчёт ICAO дополняет доказательную базу (уже сформированную ФБР [5]) обвинений, выдвинутых Минюстом США как в отношении четырёх фигурантов дела (со стороны Беларуси), так и в отношении руководства республики («организация заговора»); выводы отчёта с основными пунктами обвинения Минюста не расходятся. Отмечается, что основные заключения будущего отчёта были готовы уже в январе 2022 г. и ожидали только своего формального утверждения (которое при необходимости, возможно, можно было ускорить, не дожидаясь июля).

СХОДСТВО С «ДОПИНГОВЫМ СКАНДАЛОМ С WADA»

По своей схеме и почерку исполнения «дело Ryanair» идентично операции «Допинговый скандал с WADA», проводимой спецслужбами США против РФ в 2015–2018 гг.:

– тот же «перебежчик», ставший главным свидетелем обвинения (в допинговом скандале – Родченков, здесь – Галегов), сначала участвовавший в «преступной деятельности» (соучастник совершаемого «преступления»), но потом бежавший на Запад и давший показания в обмен на обещание амнистии;

²⁶ Incident: Ryanair Sun B738 near Minsk on May 23rd 2021, Greece calls diversion states hijack // The Aviation Herald: [сайт]. [18.01.2022]. URL: <https://avherald.com/h?article=4e7d7208/0000&opt=0> (дата обращения: 20.11.22).

– та же структура обвинений государственной власти: в подлоге и обмане мирового сообщества (в РФ – «никакого допинга не было», в РБ – «самолёт был заминирован»); в создании организованного преступного сообщества (в РФ: «государственной программы поддержки допинговой деятельности – т. е. международного преступного сообщества – картеля, а в РБ – «заговор» высокопоставленных представителей государственной власти и спецслужб);

– подключение к расследованию международных организаций (в РФ – WADA, в РБ – ICAO), отчёты которых носят ярко выраженный обвинительный характер.

Цель операции «Ryanair» – такая же, как и в скандале с WADA: заставить признать обвинения по всем пунктам неоднократно пойманных на лжи. Форма операции – оперативный эксперимент (провокация). Ключевой вброс сделан через NYT, сообщившую, что «диспетчер рассказал, как офицер КГБ Беларуси контролировал посадку рейса Ryanair».

По методам и уловкам, использовавшимся в операции «Ryanair», также наблюдается совпадение с целым рядом информационных операций (оперативных комбинаций разведки), проводимых ранее США против РФ: так, основными методами в «деле Ryanair» стали «ловля на лжи» (как в «Допинговом скандале с WADA») в сочетании с «загонной охотой» (как в «Скрипалях-II»), пошаговое «удушение» противника – «Петля анаконды» (как в «Скрипалях-III»), обвинение в терроризме / «воздушном пиратстве» с перспективой международного трибунала (как в «Скрипалях-IV») [3]. Таким образом, операция «Ryanair» представляет собой комбинацию приёмов, методов и уловок, ранее уже отработанных разведкой США в целой серии операций против Российской Федерации, но при этом не менее опасна.

Более того, инцидент с Ryanair показал, что схемы информационных операций и оперативных игр двух-трёх-четырёхгодичной давности, уже отыгранные ЦРУ против РФ, начинают применяться американской разведкой в Беларуси – с теми же целями и задачами, без серьёзных структурных изменений. Т. е. в Беларуси США применяют те же схемы и шаблоны, которые уже были несколько лет назад отработаны ими в подрывной деятельности против РФ – по принципу «франшизы», прямого переноса практик подрыва безопасности государства из одной страны в другую (с некоторым запаздыванием по времени).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «дело Ryanair» стало для РБ первым серьёзным вызовом суверенитету в сфере информационного противоборства: они столкнулись с тщательно спланированной стратегической информационной операцией ранее неизвестного им типа, использовавшей «слабые места» (уязвимости) в организации посадки борта Ryanair для развёртывания серьёзной оперативной

игры на международном уровне. Однако, несмотря на бодрый темп, взятый государственными обвинителями США в январе 2022 г., и довольно отчётливо просматриваемые перспективы дальнейшей раскрутки данной оперативной комбинации, в феврале 2022 г. дело Ryanair неожиданно было поставлено на паузу: после 20 января власти США фактически больше никаких активных действий по данному делу не предпринимали. Это не означает, что оно сдано в архив: четверо обвиняемых белорусских граждан находятся в розыске, и, по заверению прокурора США по Южному округу Нью-Йорка Д. Уильямса, власти США «полны решимости привлечь к ответственности этих участников шокирующего заговора» и «будут предпринимать усилия» для их скорейшего задержания [5]. И ловить их будут, пока не поймают (без срока давности).

Почему при таких темпах и показателях операция поставлена на паузу – не совсем ясно; вероятно, это связано с начавшейся 24 февраля 2022 г. (спустя месяц после обвинения, выдвинутого властями США в отношении руководства Беларуси) Специальной военной операцией РФ на Украине, переключившей внимание спецслужб США на новый объект. Тем самым травлю руководства РБ, возможно, оставили на потом.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 21.11.2022

Статья размещена на сайте: 08.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров А. К. Циклы российско-американских отношений в постбиополярный период (1991–2021 гг.) // Вопросы политологии. 2022. № 1. С. 164–180.
2. Богатуров А. Д., Лебедева О. В., Бобров А. К. Новые поколения внешнеполитических доктрин России // Международная жизнь. 2022. № 6. С. 8–19.
3. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность: Ч. II // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 18.11.2022).
4. Манойло А. В. Современная практика информационных войн и психологических операций. Вирусные технологии и эпидемии каскадного типа на примере операции по разоблачению агента влияния ЦРУ бывшего вице-президента Венесуэлы Диосдадо Кабельо 17-21/08/2019 // Национална сигурност. 2019. № 3. С. 3–8.
5. Belarusian Government Officials Charged with Aircraft Piracy for Diverting Ryanair Flight 4978 to Arrest Dissident Journalist in May 2021 | OPA | Department of Justice [Электронный ресурс] // US Department of

Justice. [20.01.2022]. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/belarusian-government-officials-charged-aircraft-piracy-diverting-ryanair-flight-4978-arrest> (дата обращения: 18.11.2022).

6. Ryanair Flight FR4978 [Электронный ресурс] // ICAO, July 2022. Fact Finding Investigation Report. URL: <https://www.icao.int/Security/Pages/FFIT.aspx> (дата обращения: 18.11.2022).

REFERENCES

1. Bobrov A. K. [Cycles of the US-Russia Relations in the Post-Bipolar Period (1991–2021)]. In: *Voprosy politologii* [Political Science Issues], 2022, no. 1, pp. 164–180.
2. Bogaturov A. D., Lebedeva O. V., Bobrov A. K. [New generations of Russian foreign policy doctrines]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [The international affairs], 2022, no. 6, pp. 8–19.
3. Manoilo A. V. [Information Warfare and New Political Reality (II)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 18.11.2022).
4. Manoilo A. V. [Modern practice of information warfare and psychological operations. Virus technologies and cascading epidemics on the example of the operation to expose the CIA agent of influence, former Vice President of Venezuela Diosdado Cabello 17-21/08/2019]. In: *Natsionalna sigurnost* [National Security], 2019, no. 3, pp. 3–8.
5. Belarusian Government Officials Charged with Aircraft Piracy for Diverting Ryanair Flight 4978 to Arrest Dissident Journalist in May 2021 | OPA | Department of Justice. In: *US Department of Justice*, 20.01.2022. Available at: <https://www.justice.gov/opa/pr/belarusian-government-officials-charged-aircraft-piracy-diverting-ryanair-flight-4978-arrest> (accessed: 18.11.2022).
6. Ryanair Flight FR4978. In: *ICAO, July 2022. Fact Finding Investigation Report*. Available at: <https://www.icao.int/Security/Pages/FFIT.aspx> (accessed: 18.11.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН; e-mail: 9315891@gmail.com

Andrei V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Science), Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems Institute, Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e-mail: 9315891@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. Операция «Ryanair» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoilo A. V. Operation “Ryanair”. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327.3:620.9

Печищева Л. А.

Тюменский государственный университет
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, Российская Федерация

Шутова А. А.

Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПОЛНОПРАВНОМ ЧЛЕНСТВЕ БЕЛАРУСИ В ШОС: ЧТО ИЗМЕНИТСЯ В ОБЛАСТИ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ?

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение перспектив развития альтернативной и низкоуглеродной энергетики в Республике Беларусь в контексте вхождения страны в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве полноправного члена.

Процедура и методы. Ключевыми исследовательскими методами были выбраны историко-логический, сравнительный и типологический методы. Основной акцент делается на исследовании текстов международных договоров и соглашений, различных нормативно-правовых актов, постановлений, стратегий и планов развития сотрудничества, а также заявлений и выступлений официальных лиц. В работе был также использован метод сценарного прогнозирования для выявления перспективных направлений развития «зелёной» энергетики в Беларуси.

Результаты. Установлено, что с присоединением Республики Беларусь к ШОС в качестве полноправного члена возникает потенциальная возможность для увеличения иностранного инвестирования проектов по развитию альтернативной и низкоуглеродной энергетики, предполагается усиление энергетического диалога с Россией, в том числе и в области «зелёной» энергетики, констатируется усиление позиций РБ на мировой арене в связи с присоединением к крупной организации и созданием экономических и логистических совместных проектов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для изучения политики энергетического перехода стран-членов ШОС, в частности России и Беларуси, в контексте современной трансформации мирового энергетического рынка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

альтернативная энергетика, Беларусь, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), зелёная энергетика, энергетический переход

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках гранта Российского государственного гуманитарного университета № 01-268/осн «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ» в 2022 г. для реализации научно-исследовательского проекта «Политика стран-членов ШОС в условиях глобального энергетического перехода: возможности для России».

СТРУКТУРА

Введение

Законодательная база Республики Беларусь в области развития альтернативной энергетики

Специфика развития альтернативной энергетики в Республике Беларусь

Заключение

L. Pechishcheva*University of Tyumen ul. Volodarskogo 6, Tyumen 625003, Russian Federation***A. Shutova***Russian State University for the Humanities**Miuskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

ON THE ISSUE OF BELARUS' FULL MEMBERSHIP IN THE SCO: WHAT WILL CHANGE IN THE FIELD OF ALTERNATIVE ENERGY?

ABSTRACT

Aim. To study the prospects for the development of alternative and low-carbon energy in the Republic of Belarus in the context of joining the Shanghai Cooperation Organization as a full member.

Methodology. The key research methods were historical and logical analysis, comparative and typological analysis. The focus is on the study of international treaties and agreements essence, various normative legal acts, resolutions, strategies and plans for the development of cooperation, as well as statements and speeches of officials. The work also applied the scenario forecasting method to identify the promising areas for the development of "green" energy in Belarus.

Results. It is stated that with the accession of the Republic of Belarus to the SCO as a full member, a potential opportunity appears for increasing foreign investment in projects for the development of alternative and low-carbon energy; it is expected to strengthen the energy dialogue with Russia, including the field of "green" energy; the strengthening of the position of the Republic of Belarus on the world stage is stated in connection with joining a large organization and the creation of economic and logistics joint projects.

Research implications. The study results can be relevant for studying the transformation of the energy markets of the SCO member states in the context of the global energy transition.

KEYWORDS

alternative energy, Belarus, renewable energy, green energy, energy transition

ACKNOWLEDGMENTS

This research was supported by an RSUH grant No. 01-268/оч "Student project research teams of RSUH" in 2022 for the implementation of the research project "The policy of the SCO member states in the context of the global energy transition: possibilities for Russia".

ВВЕДЕНИЕ

Саммит государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), прошедший 15–16 сентября 2022 г. в Самарканде, ознаменовал новый виток в расширении состава и углублении многостороннего сотрудничества в рамках Организации. Стоит отметить, что на Саммите того года было сделано большое количество заявлений со стороны третьих стран, желающих получить статус партнёра по диалогу. С таким волеизъявлением выступили представители Королевства Бахрейн, Кувейта, Мальдивской Республики, Объединённых Арабских Эмиратов и Республики Союз Мьянма. Кроме того, были подписаны меморандумы о предоставлении статуса партнёров по диалогу с ШОС Арабской Республике Египет и Катару.

Однозначно, одним из самых знаковых событий, помимо подписания Ираном меморандума об обязательствах полноправного члена ШОС, стало объявление о запуске процедуры по предоставлению Беларуси статуса полноправного государства-члена ШОС. Беларусь ещё в 2010 г. получила статус партнёра по диалогу, а в 2015 г. стала государством-наблюдателем при ШОС.

В связи с вышеизложенным целью настоящего исследования выступает выявление возможных предпочтений, которые Республика Беларусь получит после вступления в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве полноправного члена. Одним из индикаторов возможных изменений экономической ситуации в Беларуси является развитие альтернативной и низкоуглеродной энергетики, на котором и будет сконцентрировано внимание в данной статье.

Среди ключевых задач исследования: выявление предпосылок для вступления Беларуси в ШОС в качестве полноправного члена; изучение законодательной базы Республики Беларусь в сфере развития альтернативной энергетики; определение специфики существующих и новых объектов «зелёной» энергетики в Беларуси; рассмотрение перспектив развития альтернативной энергетики в Беларуси и России в условиях западных санкций; определение новых возможностей для развития сектора «зелёной» энергетики в Беларуси в связи с полноправным членством в ШОС.

В качестве основного метода исследования был задействован сравнительный анализ, который помогает выявить сходства и различия белорусских проектов ВИЭ и программ по альтернативной энергетике стран-членов ШОС. Кроме того, в работе был использован метод сценарного прогнозирования, благодаря которому делается попытка спрогнозировать перспективные направления в «зелёной» энергетике в Беларуси и проанализировать основные проекты ВИЭ в условиях меняющейся глобальной геополитической и геоэкономической ситуации, а также рассмотреть перспективы развития альтернативной энергетики в контексте вступления Республики Беларусь в ШОС.

В процессе исследования авторы обратились к отечественным научным трудам, в которых были затронуты некоторые аспекты проблемного поля работы. В частности, в трудах М. М. Ковалёва [3] и А. С. Кузнецова [4] представлен обзор перспектив развития альтернативной энергетики Беларуси в условиях глобальных мировых трендов; Л. О. Жигальская [2] раскрывает региональные особенности Беларуси в развитии энергетического сектора, а такие исследователи, как А. В. Тебекин и П. А. Тебекин [7], комплексно проанализировали мировые тенденции развития «зелёной» энергетики.

В работе авторы также исследовали узконаправленный кейс перспектив развития альтернативной энергетики в контексте вступления Республики Беларусь в ШОС. Данная проблематика недостаточно раскрыта в новейшей отечественной историографии, что и определяет новизну работы.

Прежде чем перейти к основной теме, следует отметить, что изменение статуса Беларуси в ШОС вызвано трансформацией и дестабилизацией глобальной системы международных отношений, выраженных в обострившемся конфликте между странами Запада и Россией. Беларусь, являясь самым стабильным союзником России на постсоветском пространстве, полностью разделяет позицию Москвы относительно необходимости укрепления сотрудничества между дружественными странами и создания многополярного мироустройства. В свою очередь, ШОС выступает площадкой равноправного межгосударственного сотрудничества, одной из главных целей которого и является содействие созданию глобальной полицентричной системы международных отношений. Такая позиция была выражена Президентом Республики Беларусь Александром Лукашенко, который подчеркнул, что «...в условиях кардинальных изменений в глобальном мироустройстве и санкционных войн, развязанных Западом, в организации вырабатываются цивилизованные подходы к решению актуальных международных и региональных вопросов...»¹.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Если говорить о секторе альтернативной энергетики в Беларуси, ключевыми документами государственного планирования и регулирования этой области выступают: Закон Республики Беларусь «О возобновляемых источниках энергии» от 27 декабря 2010 г. № 204-З², Указ Президента Республи-

¹ Лукашенко видит в ШОС крепкую основу для новой архитектуры мира // Rg.ru: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/09/16/lukashenko-vidit-v-shos-krepkuiu-osnovu-dlia-novoj-arhitektury-mira.html> (дата обращения: 19.11.2022).

² Закон Республики Беларусь от 27.12.2010 № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=32614 (дата обращения: 19.11.2022).

ки Беларусь «Об использовании возобновляемых источников энергии» от 18 мая 2015 г. № 209³, «Концепция энергетической безопасности до 2035 г.» от 23 декабря 2015 г.⁴, Указ Президента Республики Беларусь «О возобновляемых источниках энергии» от 24 сентября 2019 г. №357⁵. С применением Закона⁶ главным образом изменилась сфера инвестирования проектов ВИЭ, где производителям зелёной энергетики, в том числе иностранным, были установлены налоговые льготы, предусмотрена возможность освобождения от уплаты таможенных пошлин с ввозимого в страну технологического оборудования и др. В частности, государственная компания Белэнерго обязалась закупать энергию ВИЭ по тарифу 41 цент за 1 кВт ч, когда себестоимость не превышала 10 центов. Это привело к значительному повышению оплаты «зелёной» энергетики со стороны Белэнерго, где большинством производителей были частные и иностранные компании. Для сокращения расходов Указом Президента⁷ и дальнейшим Постановлением Совета Министров «Об установлении и распределении квот на создание установок по использованию возобновляемых источников энергии» № 662 от 6 августа 2015 г.⁸ было введено государственное квотирование при покупке ВИЭ у частных производителей. Согласно Концепции⁹ производство электроэнергии с использованием ВИЭ должно составлять не менее 2,6 млрд кВт ч в год за счёт увеличения применения ветроэнергетики, ГЭС, солнечной энергии и биомассы, а доля объёма производства первичной энергии из ВИЭ к 2035 г. – 9% [3, с. 133]. Кроме того, важнейшим приоритетом Беларуси в диверсификации энергетического внутреннего рынка выступает снижение импортной зависимости на

³ Указ Президента Республики Беларусь от 18.05.2015 № 209 «Об использовании возобновляемых источников энергии» // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=75698 (дата обращения: 19.11.2022).

⁴ Концепция энергетической безопасности утверждена в Беларуси // Исполнительный комитет Электроэнергетического Совета СНГ: [сайт]. URL: http://energo-cis.ru/news/koncepciya_energeticheskoy/?year=2015 (дата обращения: 19.11.2022).

⁵ Указ Президента Республики Беларусь от 24.09.2019 № 357 «О возобновляемых источниках энергии» [Электронный ресурс]. URL: <https://energodoc.by/js/pdfs/web/viewer.html?file=/file/fulltext-view/7549.pdf> (дата обращения: 19.11.2022).

⁶ Закон Республики Беларусь от 27.12.2010 № 204-3 «О возобновляемых источниках энергии» // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=32614 (дата обращения: 19.11.2022).

⁷ Указ Президента Республики Беларусь от 18.05.2015 № 209 «Об использовании возобновляемых источников энергии» // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=75698 (дата обращения: 19.11.2022).

⁸ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 06.08.2015 № 662 «Об установлении, распределении, высвобождении и изъятии квот на создание установок по использованию возобновляемых источников энергии» // Национально-правовой интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21500662> (дата обращения: 19.11.2022).

⁹ Концепция энергетической безопасности утверждена в Беларуси // Исполнительный комитет Электроэнергетического Совета СНГ: [сайт]. URL: http://energo-cis.ru/news/koncepciya_energeticheskoy/?year=2015 (дата обращения: 19.11.2022).

энергоносители и электроэнергию из соседних стран (в первую очередь из России). Во всех вышеперечисленных документах отражена позиция Беларуси касательно приверженности развитию устойчивой и экологически чистой энергетики, снижению антропогенного влияния производств на экологию, постепенному сокращению использования традиционных источников энергии [4, с. 43–44].

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В целом Беларусь располагает благоприятным климатическим и географическим потенциалом для развития альтернативной энергетики. Что характерно для большинства стран, в Беларуси также в наибольшем количественном эквиваленте представлены ветровые электростанции. На 2022 г.¹⁰ в стране функционируют примерно 100 ветроэнергетических установок, крупнейшая из которых – ветропарк в Новогрудском районе Гродненской области мощностью 108,6 МВт [6, с. 207–208]. Такая тенденция объясняется гораздо меньшими затратами на введение в эксплуатацию и поддержание функционирования новых ВЭС по сравнению с ГЭС и другими объектами ВИЭ. Кроме того, это объясняется равнинным ландшафтом и медленным течением рек Беларуси, где нецелесообразно строительство крупных ГЭС. Сейчас ВИЭ занимают менее 7% в структуре потребляемых топливно-энергетических ресурсов Беларуси, где самым распространённым материалом являются древесина и другая биомасса [2, с. 52].

Можно упомянуть и Белорусскую АЭС, где генеральным подрядчиком выступила компания «Атомстройэкспорт» (входит в корпорацию «Росатом») [5, с. 11]. В начале ноября 2020 г. первый блок БелАЭС был включён в объединённую энергосистему страны, а в июне 2021 г. введён в промышленную эксплуатацию. Ввод второго энергоблока запланирован к концу 2022 г. По словам министра энергетики РБ Виктора Каранкевича, «...с запуском второго энергоблока БелАЭС будет обеспечено около 40% внутреннего спроса страны на электроэнергию...»¹¹. Примечательно, что процесс строительства БелАЭС довольно долгое время выступает предметом дискуссий между Белоруссией и Литвой. Правительство Литвы не единожды выносило на международный уровень обсуждение расположения АЭС в близости к литовской границе (вблизи г. Островец Гродненской области), её воздействия на экологию и соответствия требованиям МАГАТЭ. Тем не менее БелАЭС уже введена в эксплуатацию.

¹⁰ Актуально на момент подачи статьи в редакцию – *прим. ред.*

¹¹ Лукашенко назвал БелАЭС спасением для страны во время роста цен на энергоносители // Тасс: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16247501> (дата обращения: 23.11.2022).

Так, ситуация с альтернативной энергетикой в Беларуси в основном схожа с ситуацией в большинстве государств-членов ШОС, особенно в странах постсоветского пространства: превалирующее место у традиционных источников энергии, имеются экономические и технологические преграды по активному внедрению объектов ВИЭ, но в то же время принят ряд государственных документов по развитию «зелёной» энергетики, стимулированию её инвестиционной привлекательности, приверженности устойчивой и экологически чистой энергетике [1, с. 47].

Согласно Положению о приёме новых членов в ШОС от 11 июня 2010 г., государство-заявитель должно согласовать свои национальные документы с уставными документами ШОС. В вопросе согласования национальных приоритетов в области альтернативной энергетики в случае с Белоруссией не ожидается серьёзных осложнений. Позиция Белоруссии относительно альтернативной энергетики, выраженная в вышеупомянутых документах, коррелируется и с пунктами Самаркандской Декларации ШОС от 2022 г.¹², и с Хартией ШОС от 2002 г.¹³, а также совпадает по всем остальным ключевым вопросам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отвечая на главный вопрос работы, изменится ли что-то для Беларуси в области альтернативной энергетике с полноправным вхождением в ШОС, следует отметить несколько моментов. Во-первых, Беларусь станет частью крупнейшей международной площадки, что само по себе уже выступает фактором, усиливающим позиции страны во всех областях, в том числе и в альтернативной энергетике. Беларусь получит упрощённый доступ к иностранным инвестициям в энергетические проекты на своей территории по причине сокращения дистанции в диалоге с государствами-членами ШОС. Однако вопрос – насколько эта возможность будет реализована в условиях санкционного давления со стороны стран Запада, а также финансового кризиса – остаётся открытым. Как заявил Президент РБ А. Г. Лукашенко, «... РБ заинтересована в расширении сотрудничества в сфере мирного атома, а также в области применения различных экономически эффективных и экологически чистых технологий...»¹⁴.

¹² Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (дата обращения: 25.11.2022).

¹³ Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 25.11.2022).

¹⁴ Лукашенко видит в ШОС крепкую основу для новой архитектуры мира // Rg.ru: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/09/16/lukashenko-vidit-v-shos-krepkiu-osnovu-dlia-novoj-arhitektury-mira.html> (дата обращения: 19.11.2022).

Во-вторых, ожидаемой выступает тенденция усиления двусторонних отношений со странами-членами ШОС, прежде всего с Россией. Продолжение укрепления энергетического диалога с Россией может реализоваться в строительстве новых «зелёных» объектов энергетики, однако этот процесс продолжался бы и вне зависимости от вступления Беларуси в ШОС. Относительно других стран-членов Организации какие-либо однозначные прогнозы пока делать сложно.

В-третьих, открытым остаётся вопрос развития многостороннего сотрудничества между всеми государствами-членами ШОС по комплексу направлений, в том числе и с Белоруссией. Если опираться не только на заявления глав государств о его укреплении, но и на фактические меры, можно констатировать ряд противоречий в позициях государств по широкому кругу вопросов, что значительно замедляет темпы интеграции внутри организации. Однако в области альтернативной энергетики эта тенденция может измениться в связи с реализацией Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в энергетической сфере, подписанной в Душанбе 12 августа 2021 г., а также с принятием Программы сотрудничества государств-членов ШОС в области использования ВИЭ.

Особого внимания заслуживает вопрос о степени актуальности и востребованности развития альтернативной энергетики как в Беларуси, так и в России непосредственно в условиях новых западных санкций. Очевидными представляются усиление и модернизация сферы традиционной энергетики, которая составляет ключевой базис для национальных экономик стран. Особенно это применимо к России, где в условиях экспортоориентированной экономики основная часть экспорта нефти и газа транспортировалась в страны, присоединившиеся ныне к режиму антироссийских санкций.

Очевидно, что санкционное давление оказало крайне негативное влияние на «зелёный» энергетический сектор, который только в последние годы стал крайне востребован и актуален. Так, авторы работы склоняются к тому, что энергетический переход – это прежде всего вопрос долгосрочного характера в области защиты экологии, климата, устойчивого развития. Полностью исключить вопрос о политизированном аспекте «зелёной» энергетики также нельзя. Однако вышеназванные причины выступают не менее важным поводом для диверсификации энергетического рынка. В то же время заслуживает внимания и такая точка зрения, согласно которой санкционное давление на Россию объясняется стремлением со стороны Запада перераспределить углеводородный рынок [7]. Кроме того, российский сектор добычи и разработки запасов традиционного сырья, не говоря о продаже, сильно пострадал от западных санкций, поскольку необходимые для этого технологии были импортными, хотя наблюдается и позитивный тренд в отношении импортозамещения и создания отечественных аналогов. К тому же в условиях поворота на Восток Россия ищет новых импортёров традиционных источни-

ков энергии в странах Юго-Восточной Азии с целью компенсации ушедшего западного рынка. Однако новые потребители не смогут обеспечить в полном объёме масштабы покупаемого сырья в сравнении с европейским рынком. Кроме того, поставки в страны региона ЮВА будут экономически менее выгодны, что в дальнейшем негативно отразится на национальной экономике.

С одной стороны, в условиях санкционного давления упор на традиционную энергетику ожидаем, поскольку альтернативная энергетика менее конкурентоспособна на современном этапе. С другой стороны, исходя из крайне неоднозначных перспектив диверсификации рынка энергоэкспортеров, технологических сложностей и климатической повестки, развитие «зелёной» энергетики востребовано в долгосрочной перспективе с целью снижения экспортной зависимости национальной экономики, обеспечения энергобезопасности, достижения целей устойчивого развития.

В целом для Беларуси вступление в ШОС в качестве полноправного члена – однозначное усиление своих позиций. В современных геополитических условиях такой шаг выступает одним из немногих способов укрепления диалога, а равно и своего положения с блоком стран, выступающих за создание многополярного мироустройства и уменьшение влияния стран Запада на международные отношения. С вхождением в ШОС для Беларуси также открываются возможности интенсивного развития экономической кооперации, углубления гуманитарных связей, развития транспортной инфраструктуры, упрощения торговой политики.

Полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве дополнительных материалов для изучения политики энергетического перехода стран-членов ШОС, в частности России и Беларуси. Кроме того, в работе изучены аспекты, ранее не исследованные в полном объёме в отечественной литературе.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 09.12.2022

Статья размещена на сайте: 04.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Байнев В. Ф. Электроэнергетика Беларуси: становление, эволюция, перспективы развития в условиях новой индустриализации // Экономическая наука сегодня. 2021. № 14. С. 42–49.
2. Жигальская Л. О. Устойчивое развитие энергетического сектора Республики Беларусь: региональные особенности // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: мате-

риалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 14 мая 2021 г. / отв. ред. Д. В. Заяц. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2021. С. 49–56.

3. Ковалев М. М., Кузнецов А. С. Будущее белорусской энергетики на фоне глобальных трендов. Минск: Издательский центр БГУ, 2018. 223 с.
4. Кузнецов А. С. Энергетическая стратегия Беларуси в контексте мировых трендов // Наука и инновации. 2019. № 11. С. 45–49.
5. Лысенко М. Н. О практике заключения Россией межправительственных соглашений в области мирного использования атомной энергии // Правовой энергетический форум. 2016. № 3. С. 26–32.
6. Третьякова Е. А., Котова М. В., Серова М. В. Современное состояние мировой «зелёной» энергетики: её достижения и проблемы // Сборник статей V Международной научно-технической конференции «Минские научные чтения 2022», Минск, 07–09 декабря 2022 г.: в 3 т. Т. 3. Минск: БГТУ, 2022. С. 207–208.
7. Assessing the Prospects for the Development of Green Energy in the 21st century / A. Tebekin, P. Tebekin, A. Egorova, R. Egorov // Журнал естественнонаучных исследований. 2022. № 3. С. 1–17.

REFERENCES

1. Baynev V. F. [Electric power sector of Belarus: formation, evolution, prospects for development in the conditions of new industrialization]. In: *Ekonomicheskaya nauka segodnya* [Economics today], 2021, no. 14, pp. 42–49.
2. Zhigalskaya L. O. [Sustainable development of the energy sector of the Republic of Belarus: regional features]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: teoriya, metodologiya i praktika prepodavaniya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 14 maya 2021 g.* [Socio-economic geography: theory, methodology and practice of teaching: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, May 14, 2021]. Barnaul, IP Kolmogorov I. A. Publ., 2021, pp. 49–56.
3. Kovalev M. M., Kuznetsov A. S. *Budushchee belorusskoi energetiki na fone global'nykh trendov* [The future of the Belarusian energy sector against the backdrop of global trends]. Minsk, Izdatelskii tsentr BGU Publ., 2018. 223 p.
4. Kuznetsov A. S. [Energy strategy of Belarus in the context of global trends]. In: *Nauka i innovatsii* [The Science and Innovations], 2019, no. 11, pp. 45–49.
5. Lysenko M. N. [On the Practice of Conclusion by Russia of Intergovernmental Agreements in Nuclear Energy Use for Peaceful Purposes]. In: *Pravovoi energeticheskii forum* [Energy Law Forum], 2016, no. 3, pp. 26–32.
6. Tretyakova E. A., Kotova M. V., Serova M. V. [The current state of the world “green” energy: its achievements and problems]. In: *Sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii «Minskie nauchnye chteniya 2022», Minsk, 07–09 dekabrya 2022 g. T. 3* [Collection of articles In the International Scientific and Technical Conference “Minsk Scientific

Readings 2022", Minsk, December 07–09, 2022. Vol. 3]. Minsk, BG TU Publ., 2022, pp. 207–208.

7. Tebekin A., Tebekin P., Egorova A., Egorov R. Assessing the Prospects for the Development of Green Energy in the 21th century. In: *Zhurnal estestvennonauchnykh issledovaniy* [Journal of natural sciences research], 2022, no. 3, pp. 1–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Печищева Людмила Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета; e-mail: lusia-85@inbox.ru

Шутова Анастасия Алексеевна – студент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: anastasia.shutova@inbox.ru

Lyudmila A. Pechishcheva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History and Global Politics, University of Tyumen; e-mail: lusia-85@inbox.ru

Anastasia A. Shutova – Student, Faculty of International Relations, Russian State University for the Humanities, Moscow; e-mail: anastasia.shutova@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Печищева Л. А., Шутова А. А. К вопросу о полноправном членстве Беларуси в ШОС: что изменится в области альтернативной энергетики? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Pechishcheva L. A., Shutova A. A. On the issue of Belarus' full membership in the SCO: what will change in the field of alternative energy? In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 323.2; 32.019.52

Солоненко А. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РОССИИ: ИДЕАЛЬНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование образа М. В. Мишустина, сложившегося в сознании жителей Брянской области, и его соотнесение с идеальными представлениями граждан о чиновнике высшего уровня.

Процедура и методы. Были использованы методы «case-study», метод глубинных фокусированных интервью с применением стимульного материала в виде чёрно-белой фотографии М. В. Мишустина, анализ документов и других вторичных свидетельств. Исследование проводилось в 2021–2022 гг. в Брянской области. Всего было проведено 40 глубинных интервью.

Результаты. На основании сравнительного анализа образов реального и идеального министров был сделан вывод, что М. В. Мишустин в значительной степени соответствует идеальным представлениям жителей Брянской области.

Теоретическая и практическая значимость заключается в определении региональной специфики восприятия политических лидеров, соотношения реальных образов политиков и существующих в массовом сознании идеальных представлений. Выявленные различия между идеалом и реальностью позволяют скорректировать имидж политика, создают возможности для выстраивания доверительных отношений между властью и населением России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

исполнительная власть, массовое сознание, образ идеального политика, М. В. Мишустин, политическое восприятие, премьер-министр

СТРУКТУРА

Введение

Идеальный чиновник в представлении граждан

Образ Председателя Правительства М. В. Мишустина: сравнение с идеалом

Закключение

A. Solonenko

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

THE PRIME MINISTER OF RUSSIA: IDEAL AND REAL (POLITICAL PERCEPTIONS OF RESIDENTS OF THE BRYANSK REGION)

ABSTRACT

Aim. To explore the image of M. V. Mishustin, formed in the minds of residents of the Bryansk region, and its correlation with the ideal perceptions of citizens about high-level officials.

Methodology. The methods of “case-study”, the in-depth focused interviews using stimulus material in the form of a black-and-white photograph of M. V. Mishustin, analysis of documents and other secondary evidence were used. The study was conducted in 2021–2022 in the Bryansk region. A total of 40 in-depth interviews were conducted.

Results. Based on a comparative analysis of the images of real and ideal ministers, it was concluded that M.V. Mishustin more closely corresponds to the ideal perceptions of residents of the Bryansk region.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in the estimation of regional specifics of political leader perception as well as in correlation between real images of politicians and their ideal perceptions that exist in the mass consciousness. The differences between the real and ideal revealed in the course of the study provide means for correcting the political leader's image and building trust-based relationships between the authorities and Russian population.

KEYWORDS

executive power, mass consciousness, image of an ideal politician, M. V. Mishustin, political perception, the prime minister

ВВЕДЕНИЕ

Правительство Российской Федерации – это высший исполнительный орган власти в стране. В настоящее время его Председателем является М. В. Мишустин. Перед тем, как занять этот пост, он получил опыт работы на государственной службе, в бизнес-структурах и в научной сфере. Разносторонние знания, большой опыт работы, способность эффективно реализовывать поставленные цели позволили М. В. Мишустину получить названную должность. Теперь он, будучи Председателем Правительства, является первым среди министров и направляет их работу.

Важно подчеркнуть, что М. В. Мишустин возглавил правительство в сложный для страны период. Изначально оно было сформировано как правительство «национальных проектов» – ставилась задача их реализации, всеобъемлющей модернизации экономики и совершенствования в целом всех управленческих процессов. Однако пандемия COVID-19, а с февраля 2022 г. беспрецедентное санкционное давление на Россию со стороны Запа-

да внесли свои коррективы. М. В. Мишустин столкнулся с тем, что пришлось перестраивать всю деятельность правительства – она приобрела антикризисный характер. Антироссийские санкции впоследствии также усугубили экономическую ситуацию в стране.

Стоит отметить, что, несмотря на кризис, М. В. Мишустин как премьер-министр обладает высоким уровнем доверия и одобрения по сравнению со своим предшественником Д. А. Медведевым. Предположительно, это связано с тем, что первый больше соответствует представлениям граждан об идеальном чиновнике, чем второй. Данная гипотеза требует изучения восприятия образа премьер-министра россиянами.

Важным представляется исследование представлений о М. В. Мишустине не только в Москве, но и в регионах. В данной работе в качестве специального кейса выбрана Брянская область. Регион находится в сложных экономических условиях, нуждается в поддержке федерального центра (правительства), поэтому изучение мнения его жителей представляется особенно интересным.

Теоретическая база исследования включает два блока публикаций. Первый из них посвящён общей теории политического восприятия и механизмам восприятия политических лидеров, а второй – исполнительному лидерству и включает в себя лидерство Председателя Правительства.

Согласно общей теории политического восприятия [1; 3; 6-8; 10; 14; 23; 24] образ политического лидера представляет собой как отражение реальных характеристик политика, так и проекцию ожиданий граждан. Идеальный образ в процессе персонификации накладывается на образ объекта восприятия – именно с идеальными образцами сравнивают реальных политиков. Это необходимо учитывать, поскольку данный аспект восприятия гражданами политического лидера, в настоящем случае премьер-министра, влияет на уровень доверия населения к нему, а также на его удовлетворённость политическим курсом в стране. В рамках теории социальных представлений [2; 22] важно отметить, что реальные и идеальные представления [9; 15], являясь разновидностями политических представлений [12], имеют одинаковые механизмы формирования.

Премьер-министр – это политический лидер исполнительного типа. Специфику его восприятия во многом обуславливает сочетание политической и административной власти – черт политического лидера и чиновника-бюрократа в рамках его роли и исполняемых полномочий [5]. Необходимо подчеркнуть, что в литературе имеются лишь единичные работы, посвящённые изучению лидерства исполнительного типа [4; 13; 16–21]. Важно отметить вклад российского политического психолога И. И. Рогозарь-Колпаковой, исследовавшей исполнительное лидерство федеральных министров [11].

В данной статье был использован метод case-study: в работе рассматривается проблема восприятия гражданами премьер-министра в одном конкретном субъекте – Брянской области.

В рамках исследования использовался метод глубинных фокусированных интервью. При этом в рамках изучения образа М. В. Мишустина использовались метод фиксированных ассоциаций с животным, цветом и запахом, а также стимульный материал в виде чёрно-белой фотографии премьер-министра, предъявляемой респонденту. Исследование проводилось в 2021–2022 гг. в Брянской области и носило преимущественно качественный характер. Всего было проведено 40 глубинных фокусированных интервью. Выборка респондентов была сбалансирована по полу, возрасту, образованию. Исследовались такие аспекты, как личностные и профессиональные качества идеального премьер-министра, его внешность, пол, возраст и образование, а также ролевые особенности. Образ М. В. Мишустина анализировался по трём шкалам: привлекательности, силы и активности на рациональном и бессознательном уровнях.

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧИНОВНИК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГРАЖДАН

В ходе интервью респондентов просили ответить на вопросы о двух группах качеств идеального чиновника: необходимых и неприемлемых. Отдельно были проанализированы личностные и профессиональные характеристики главы исполнительной власти.

Начнём с *необходимых качеств* бюрократа. Если говорить о личностных качествах, на первом месте для граждан оказались морально-этические: честность, доброжелательность и бескорыстность. Респондентам важно, чтобы идеальный чиновник был правдив и делал всё во благо народа.

Среди наиболее часто упоминаемых профессиональных качеств можно выделить компетентность, коммуникабельность, образованность, ответственность, опытность и трудолюбие. Респонденты отмечали, что идеальный чиновник должен быть специалистом, обязательно иметь опыт работы, знать все проблемы изнутри.

Если говорить о *неприемлемых личностных качествах*, т. е. тех, которые не должны быть присущи идеальному представителю исполнительной власти, этот список получился гораздо длиннее, чем список желательных. Наиболее часто в качестве негативных характеристик назывались эгоизм, лживость, корысть, меркантильность, невоспитанность, равнодушие. Респонденты указывали на важность для политиков федерального уровня умения слышать народ, учитывать его проблемы и стремиться улучшать жизнь граждан, а не свою собственную.

Наиболее упоминаемыми негативными профессиональными качествами стали склонность к коррупции и безответственность. Учитывая тот факт,

что респонденты в целом мало знакомы с федеральными чиновниками, полагаем, что они переносят на них негативные черты, которые в целом могут быть присущи любому политику: «Вор и преступник, эгоист, жадный человек» (муж., 31 г.).

Обобщённый портрет идеального высокопоставленного чиновника выглядит так:

1. *Пол.* Большинство респондентов высказались в пользу того, что пол не имеет значения (55%). Этот результат был достаточно неожиданным, поскольку большинство государственных постов занимают мужчины, гражданам также привычнее видеть именно их. Подчёркивалось, что важен профессионализм, но не пол чиновника. Это свидетельствует о некоторых изменениях гендерных стереотипов: «Пол неважен, то есть нет никакой разницы... Главное – это его профессионализм» (жен., 18 лет).

2. *Возраст.* В целом гипотезы подтвердились – граждане предпочитают видеть на посту федерального чиновника спокойного и опытного, не очень молодого и не очень старого человека. «Возраст – так ... как президенту – 35–50 лет. Вот такой диапазон. Потому что он молодой, здоровый, энергичный, имеет опыт» (жен., 75 лет).

3. *Образование.* 100% опрошенных считает, что идеальные министр и глава правительства должны обязательно иметь высшее образование. «Это высшее образование в любом случае, это же человек, который представляет народ...» (жен., 40 лет). Некоторые уточняли профиль: «Это обязательно должна быть политология, то есть образование, связанное с политикой, социальными вопросами» (муж., 44 года).

4. *Внешность.* Для большинства граждан (80%) не является важной внешность идеального чиновника, поскольку они обращают внимание на более значимые для них качества, как личностные, так и профессиональные.

5. *Доступность и коммуникабельность.* Несмотря на то, что премьер-министр является главой исполнительной ветви власти, он сочетает в себе функции и бюрократа, и публичного политика. Для граждан (95%) важно, чтобы он был действительно публичным и часто появлялся в СМИ, а также регулярно встречался с людьми – тогда он будет знать обо всех проблемах населения.

6. *Стиль руководства.* Большинство респондентов (65%) считают, что идеальный глава правительства должен быть гибким руководителем, только в этом случае работа будет продуктивной.

7. *Цели.* Единого мнения у респондентов нет – одни считают, что стране нужна стабильность (45%), а другие видят необходимость в кардинальных переменах (40%). Большинство респондентов считает, что идеальному бюрократу нужна власть, чтобы сделать жизнь людей лучше.

8. *Политик-профессионал?* Большинство опрошенных считает, что идеальный чиновник должен быть профессиональным политиком, однако

35% респондентов затруднились ответить, поскольку считают, что это не имеет значения – важно, чтобы глава правительства разбирался в соответствующей сфере.

Таким образом, представления об идеальном высокопоставленном чиновнике в сознании российских граждан достаточно чёткие и сформированные. Существует запрос на моральные качества – это свидетельствует о том, что идеальный чиновник, по мнению граждан, не просто «слуга народа», а ещё и некий образец для подражания, человек, за которым должны идти, – лидер. В этом проявляется также двойственность роли главы правительства – с одной стороны, это администратор, а с другой, – публичный политик, причём для людей очень важной является именно последняя сторона его деятельности.

ОБРАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА М. В. МИШУСТИНА: СРАВНЕНИЕ С ИДЕАЛОМ

Сопоставим образ М. В. Мишустина с образом идеального чиновника, сложившимся в сознании граждан, для подтверждения гипотезы, что высокий уровень доверия и одобрения премьер-министра связан с соответствием его образа идеальным представлениям граждан. Основными критериями сравнения стали показатели привлекательности, силы и активности.

1. Привлекательность.

Важность телесных характеристик в образах реального и идеального министра одинаково низка – в случае с М. В. Мишустиним они и вовсе ни разу не упоминались. На фоне этого ярко выделяются морально-этические характеристики, которые имеют большее значение для граждан. По сути, это стержневые характеристики. В обоих случаях граждане подчёркивали значимость таких качеств, как справедливость, честность, доброжелательность и др. Это свидетельствует о том, что премьер-министр является не просто политиком, выполняющим определённый набор функций, но и образцом для подражания, эталоном в глазах населения. Представляется, что данный факт подчёркивает значимость лидерской составляющей в образах.

Не меньшее значение имеют психологические и профессиональные характеристики, среди которых – целеустремлённость, тактичность, опытность и др. Они присущи обоим образам. При этом идеальный премьер-министр гражданам видится более публичным и коммуникабельным, находящимся «среди людей». Этого не хватает реальному М. В. Мишустину. Его узнаваемость высока, однако среди молодых людей она меньше, чем среди старшего населения. Видится, что это связано с особенностями информационного потребления: люди младшего возраста реже смотрят новостные передачи по телевидению, где М. В. Мишустин появляется очень часто. Между тем в интернете его образ транслируется редко.

Имеются существенные различия в мотивационном портрете чиновника. Здесь на первом месте находится мотив «власти ради дела», что является хорошим знаком. Однако наряду с ним в мотивационном профиле бюрократа наличествует также мотив «власти ради власти», подчёркивающий его место в системе управления, а в профиле М. В. Мишустина к нему добавляются «власть ради денег» и «власть ради амбиций». Часть респондентов считает, что премьер-министр властью вовсе не обладает, поскольку его назначает Президент Российской Федерации; М. В. Мишустин лишь исполнитель: «Насколько мне известно, Председателя Правительства России назначает Президент, это не выборная должность, могу здесь ошибиться. Следовательно, ему не нужна агиткомпания, а в случае чего, на его должность в следующий раз просто могут назначить другого человека» (жен., 20 лет). Мотивационный портрет реального министра более сложный и неоднозначный, поскольку выделяется его личное стремление к обогащению, чего нет и не должно быть у идеального чиновника.

2. Сила.

Образы реального и идеального политика отличаются высоким показателем силы. Идеальный чиновник – это умелый оратор, которого отличает убедительная речь, а также грамотный специалист, способный прогнозировать свои шаги и настойчиво идти к нужной цели. Его также отличает устойчивость во взглядах.

Это свойственно и реальному премьер-министру. Согласно представлениям граждан, М. В. Мишустин последовательно проводит благоприятный для страны экономический курс, обеспечивающий постепенный выход страны из кризиса. Он уверенно держится на публике, в частности, во время своих выступлений, подтверждая компетентность в своей сфере деятельности. Высокий показатель силы проявляется также на бессознательном уровне восприятия М. В. Мишустина, поскольку он в большей мере ассоциируется с сильным, агрессивным, маскулинным животным, «хозяином леса». Ассоциации с цветом показывают, что с фигурой премьер-министра у граждан связаны светлые надежды на будущее, а также представления о безопасности и комфорте.

3. Активность.

Оба образа отличаются высоким показателем активности. По мнению респондентов, идеальный чиновник должен использовать «власть ради дела». Премьер-министр в представлениях граждан должен быть деятелен, трудолюбив и активен, поскольку занимается улучшением жизни населения, в частности, в регионах, посещая их с целью выявления значимых проблем. Отмечалось, что он находится на своём месте и справляется со своими полномочиями должным образом. «Я благодарю Председателя Правительства за нужные и важные для россиян преобразования», – так высказалась о М. В. Мишустине женщина 65 лет. О высоком уровне данного показателя

свидетельствуют ассоциации с активными, выносливыми и работающими животными-хозяйственниками – таким гражданам, соответственно, видится и сам премьер-министр. Это подчёркивает также преобладание маскулинных запахов, с которыми респонденты ассоциировали М. В. Мишустина.

Для конкретизации основных моментов представляется возможным выделение дополнительных критериев сравнения:

Возраст и внешность. Для граждан пол и внешность не так важны, как возраст. М. В. Мишустину на момент исследования было 55 лет, он достаточно активен и энергичен, но при этом опытен, чтобы решать насущные проблемы. Таким образом, он соответствует ожиданиям граждан по этому пункту.

Личностные качества. Большая часть респондентов называла исключительно положительные качества М. В. Мишустина: справедливость, честность, ум и эрудированность, спокойствие, целеустремлённость. Особое значение имеют моральные характеристики М. В. Мишустина, отвечающие запросу населения на их наличие у политика такого уровня, поскольку премьер-министр – это не просто исполнитель, а именно лидер, что более важно для граждан.

Профессиональные качества. Как и в случае с личностными качествами, М. В. Мишустин также обладает качествами, позитивно характеризующими его как профессионала в своей сфере: образованностью – наличием высшего образования, – опытом, трудолюбием, исполнительностью, тактичностью.

Доступность и коммуникабельность. Для граждан очень важно, чтобы премьер-министр знал об их проблемах и решал их. Это возможно благодаря проведению встреч с населением и другим формам коммуникации. Здесь ситуация противоречива: с одной стороны, М. В. Мишустин внимателен к проблемам регионов, совершает рабочие поездки, но, с другой стороны, он редко появляется в интернете, при этом часто его можно увидеть по телевидению. Это негативно влияет на его узнаваемость среди молодёжи.

Мотивы. В мотивационном профиле М. В. Мишустина преобладают мотивы власти ради дела, что соответствует ожиданиям граждан, желающих видеть свою страну процветающей и ожидающих улучшения, в частности, собственного уровня жизни. Корыстный мотив также ему присущ, что подчёркивает неоднозначность мотивационного портрета премьер-министра.

Цели. В современных сложных условиях, вызванных пандемией коронавируса и санкциями, М. В. Мишустин прикладывает все усилия для преодоления экономического кризиса и социальной поддержки населения, которое, в свою очередь, чувствует эффект от принятых мер, демонстрируя высокий уровень доверия премьер-министру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показали, что образ Председателя Правительства М. В. Мишустина достаточно чётко сформирован, несмотря на то что он пришёл на своё место не так давно. В связи со спецификой занимаемой должности восприятие гражданами М. В. Мишустина детерминировано их оценкой обстановки в обществе и государстве, в частности, эффективности антикризисного курса.

Образ премьер-министра обладает достаточно высокими показателями привлекательности, силы и активности как на рациональном, так и на бессознательном уровнях восприятия. При этом осознаваемые и неосознаваемые аспекты в значительной мере совпадают. Данный факт свидетельствует о конгруэнтности образа.

Учитывая высокую значимость моральных характеристик в структуре образа, можно сказать, что, оценивая М. В. Мишустина, граждане сравнивают его с идеальным прототипом. При этом стоит учитывать, что в условиях кризиса требования к политику особенно строги. Несмотря на это, М. В. Мишустин воспринимается гражданами как политический лидер, сильный, активный и маскулинный политик, который способен улучшить их жизнь, повысить благосостояние и принести благо государству.

С другой стороны, были рассмотрены идеальные представления граждан о федеральном чиновнике. Закономерно, что, будучи эталоном, идеальным образцом, данный образ характеризуется высокими показателями привлекательности, силы и активности.

На основании сравнительного анализа образов реального и идеального министров был сделан вывод, что М. В. Мишустин в большей степени соответствует идеальным представлениям граждан. Это особенно значимо в условиях общегосударственного кризиса в депрессивном регионе, поскольку требования к политику такого уровня только возрастают. Тем не менее полученные данные показывают, что М. В. Мишустин достойно справляется со своими должностными обязанностями, обращает внимание на проблемы регионов и стремится улучшить жизнь граждан, оправдывая в целом связанные с ним ожидания граждан.

Таким образом, подтвердилась основная гипотеза, что М. В. Мишустин в целом соответствует идеальным представлениям граждан, что находит своё выражение в высоком уровне доверия и в одобрении его деятельности. Однако несмотря на то, что образы идеального и реального премьер-министров оказались во многом схожи, были выявлены определённые различия. Их наличие свидетельствует о том, что существуют проблемные зоны, на которые следует обращать внимание и с которыми необходимо работать для поддержания высоких рейтингов – уровня одобрения населением премьер-министра и его работы. Это влияет на дальнейшее пребывание М. В. Мишустина на посту премьер-министра и на потенциальное наращивание его политической субъектности в будущем.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 11.07.2022

Статья размещена на сайте: 13.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018 гг.) / отв. ред. Е. Б. Шестопа. М.: Весь мир, 2019. 656 с.
2. Емельянова Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2016. 476 с.
3. Криворучко М. В. Особенности образов идеального и типичного политических лидеров в представлениях граждан с разной политической активностью // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2008. № 2. С. 51–59.
4. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика / пер. с англ. Т. Н. Самсоновой, Н. В. Коротковой. М.: Издательство РАГС, 2005. 352 с.
5. Макаров С. Н. Специфика организационного лидерства в исполнительных органах государственной власти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 6. С. 98–106.
6. Митина О. В., Петренко В. Ф. Опыт использования психосемантической методики «образ политического лидера» для сопоставительных исследований восприятия имиджей политических деятелей // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 256–259.
7. Особенности политического восприятия в современных российских условиях / А. Л. Зверев, И. С. Палитай, Н. В. Смутькина, А. И. Рогозарь // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 40–54.
8. Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47–52.
9. Рогач Н. Н. Депутат Государственной Думы в восприятии российских граждан: идеальные представления и существующие реалии // Полилог: [сайт]. 2021. Т. 5. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru> (дата обращения: 11.06.2022).
10. Рогач Н. Н. Образ идеального президента в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 4. С. 24–36.
11. Рогозарь И. И. Исполнительное лидерство федеральных министров: влияние личностных особенностей на исполнение роли министра: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 26 с.
12. Селезнева А. В. Политические представления российской молодежи как основания формирования национально-государственной идентичности // Ценности и смыслы. 2012. № 5. С. 149–166.

13. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопал, А. В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 448 с.
14. Чернецкая Н. И. Образы ведущих политиков России в сопоставлении с образом идеального национального лидера // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 15. С. 50–59.
15. Шестопал Е. Б., Рогач Н. Н. Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 166–181.
16. Bogardus E. S. Leaders and leadership. New York: D. Appleton-Century, 1934. 138 p.
17. Burns J. Mc. Leadership. New York: Harper & Row, 1978. 530 p.
18. Andeweg R. B. Ministers as double agents? The delegation process between cabinet and ministers // European Journal of Political Research. 2000. № 37. P. 377–395.
19. Hart P. T., Wille A. Ministers and top officials in the Dutch core executive: living together, growing apart? // Public administration. 2006. Vol. 84. № 1. P. 121–146.
20. Heffernan R. Exploring (and Explaining) the British Prime Minister // British Journal of Politics and International Relations. 2005. Vol. 7. № 4. P. 605–620.
21. Hermann M. G., Milburn Th. W. A psychological examination of political leaders. New York: Free Press, 1977. 516 p.
22. Moscovici S. Why a theory of social representations? // Representations of the social: bridging theoretical traditions / ed. K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
23. Osgood C. E. A behavioristic analysis of perception and language as cognitive phenomena // Bruner J. S. Contemporary approach to cognition. Cambridge: Harvard University Press, 1952. P. 75–118.
24. Zakrizevska M. The components of an ideal politician's image // The views of politicians: materials from the 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, Italy, Florence, 23–26 October, 2018. Sofia: STEF92 Technology Ltd, 2018. P. 193–202.

REFERENCES

1. Shestopal E. B., ed. *Vlast' i lidery v vospriyatii rossiiskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudenii (1993–2018 gg.)* [Power and leaders in the perception of Russian citizens. A quarter of a century of observations (1993–2018)]. Moscow, Ves' mir Publ., 2019. 656 p.
2. Emelyanova T. P. *Sotsial'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social Representations: History, Theory and Empirical Research]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2016. 476 p.
3. Krivoruchko M. V. [Features of images of ideal and typical political leaders in the perceptions of citizens with different political activity]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Herald of Omsk University. Series: Psychology], 2008, no. 2, pp. 51–59.

4. Lasswell H. D. Psychopathology and politics (Rus. ed.: Samsonova T. N., Korotkova N. V., transl. *Psikhopatologiya i politika*. Moscow, Izdatelstvo RAGS Publ., 2005. 352 p.).
5. Makarov S. N. [Specifics of organizational leadership in the executive bodies of state power]. In: *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social sciences], 2010, no. 6, pp. 98–106.
6. Mitina O. V., Petrenko V. F. [Using a psychosemantic method "Image of a political leader" for comparative research perception of political leaders' images]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2018, no. 5, pp. 256–259.
7. Zverev A. L., Palitay I. S., Smulkina N. V., Rogozar A. I. [Specifics of political perception in contemporary Russia]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 3, pp. 40–54.
8. Pishcheva T. N. [Political Images: Problems of Research and Interpretation]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2011, no. 2, pp. 47–52.
9. Rogach N. N. [The Deputy of the State Duma in perception of Russian citizens: ideal representations and reality]. In: *Polilog* [Polylogos], 2021, vol. 5, no. 3. Available at: <https://polylogos-journal.ru> (accessed: 11.06.2022).
10. Rogach N. N. [The Image of an Ideal President in Modern Russia: socio-demographic dimension]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences], 2020, no. 4, pp. 24–36.
11. Rogozar I. I. *Ispolnitel'noe liderstvo federal'nykh ministrov: vliyaniye lichnostnykh osobennostey na ispolneniye roli ministra: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Executive leadership of federal ministers: the impact of personal characteristics on the performance of the role of a minister: abstract of Cand. Sci. thesis in Political sciences]. Moscow, 2011. 26 p.
12. Selezneva A. V. [Political representations of Russian youth as the basis for the formation of national-state identity]. In: *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2012, no. 5, pp. 149–166.
13. Shestopal E. B., Selezneva A. V., eds. *Sovremennaya elita Rossii: politiko-psikhologicheskii analiz* [The Modern Elite of Russia: Politics-Psychological Analysis]. Moscow, ARGAMAK-MEDIA Publ., 2015. 448 p.
14. Chernetskaya N. I. [Images of Russian Leading Political Figures Compared to the Image of an Ideal National Leader]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Psychology"], 2016, vol. 15, pp. 50–59.
15. Shestopal E. B., Rogach N. N. [Representations of an "Ideal" as a factor of the perception of a political leader in reality]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2020, no. 4, pp. 166–181.
16. Bogardus E. S. *Leaders and leadership*. New York, D. Appleton-Century, 1934. 138 p.
17. Burns J. Mc. *Leadership*. New York, Harper & Row, 1978. 530 p.

18. Andeweg R. B. Ministers as double agents? The delegation process between cabinet and ministers. In: *European Journal of Political Research*, 2000, no. 37, pp. 377–395.
19. Hart P. T., Wille A. Ministers and top officials in the Dutch core executive: living together, growing apart. In: *Public administration*, 2006, vol. 84, no. 1, pp. 121–146.
20. Heffernan R. Exploring (and Explaining) the British Prime Minister. In: *British Journal of Politics and International Relations*, 2005, vol. 7, no. 4, pp. 605–620.
21. Hermann M. G., Milburn Th. W. A psychological examination of political leaders. New York, Free Press, 1977. 516 p.
22. Moscovici S. Why a theory of social representations? In: Deaux K., Philogène G., eds. *Representations of the social: bridging theoretical traditions*. Oxford, Blackwell Publishers, 2001, pp. 18–61.
23. Osgood C. E. A behavioristic analysis of perception and language as cognitive phenomena. In: Bruner J. S. *Contemporary approach to cognition*. Cambridge, Harvard University Press, 1952, pp. 75–118.
24. Zakrizevska M. The components of an ideal politician's image. The views of politicians: materials from the 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, Italy, Florence, 23–26 October, 2018. Sofia, STEF92 Technology Ltd, 2018, pp. 193–202.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Солоненко Александра Витальевна – студентка факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: solonenko@polit.msu.ru

A. Solonenko – student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: solonenko@polit.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Солоненко А. В. Премьер-министр России: идеальный и реальный (политические представления жителей Брянской области) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Solonenko A. V. The prime minister of Russia: ideal and real (political perceptions of residents of the Bryansk region). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 338:004

Чебан А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение политической субъектности транснациональных цифровых корпораций в современном мире.

Процедура и методы. В качестве предмета исследования выделены сетевые эффекты, возникающие в рамках функционирования современных цифровых платформ. В работе проведён анализ таких эффектов современного коммуникативного пространства, как «цифровые капсулы», деплатформинг, аватаризация и власть алгоритмов. Выделены особый статус и определение политической субъектности транснациональных цифровых корпораций.

Результаты. Сделаны выводы, что алгоритмы, выполняющие функции на платформах, оказывают значительное влияние на коммуникационное и информационное пространство и при этом не являются самодостаточным политическим субъектом.

Теоретическая и практическая значимость. Сформулировано авторское определение политической субъектности цифровых корпораций, приведены примеры влияния на платформы со стороны государственных институтов, рассмотрены сценарии развития политической субъектности у цифровых платформ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

алгоритмы, власть корпораций, политическая субъектность, сетевые эффекты, цифровые платформы

СТРУКТУРА

Введение

Политическая субъектность

Политическая субъектность транснациональных цифровых корпораций

Алгоритмы цифровых корпораций как особая часть политического субъекта

Заключение

A. Cheban

*Lomonosov Moscow State University
Leninsky gory 1, Moscow 119991, Moscow Region, Russian Federation*

POLITICAL SUBJECTIVITY OF TRANSNATIONAL DIGITAL CORPORATIONS

ABSTRACT

Aim. To define political subjectivity of transnational digital corporations in the modern world.

Methodology. Network effects arising within the framework of the modern digital platforms functioning are the subject of research. The paper analyzes such effects of the modern communicative space as “digital capsules”, deplatforming, avatarization and the power of algorithms. The special status and definition of the political subjectivity of transnational digital corporations are highlighted.

Results. It has been concluded that the algorithms that perform functions on platforms have a significant impact on the communication and information space, while they are not a self-sufficient political entity.

Research implications. The author’s definition of the political subjectivity of digital corporations is presented, examples of influence on platforms by state institutions are given, scenarios for the development of political subjectivity in digital platforms are considered.

KEYWORDS

algorithms, corporate power, political subjectivity, network effects, digital platforms

ВВЕДЕНИЕ

Исследователей политической науки не перестаёт интересовать вопрос политической субъектности как в рамках международных отношений, так и во внутренних делах государства. В современном мире этот вопрос становится крайне актуален в связи как с трансформацией политических режимов, так и с усложнением структуры общества. Параллельно со старыми политическими институтами появляются новые акторы, которые начинают размывать, а иногда и подменять привычные государственные функции. Вместе с этим государства во всём мире сталкиваются со сложностями в определении этих новых игроков на политической арене. Повышается внимание к таким акторам со стороны общества и государственных институтов. Эти игроки приобретают большое влияние на общество в целом благодаря данным пользователей и своей независимой внутренней политике в компании.

Государства не только пытаются влиять на новых акторов различным образом, но и стараются урегулировать каналы коммуникации, в том числе и политические. Методы и стратегии контроля отличаются от страны к стране. Некоторые выступают за политику максимальной открытости, вместе с этим с помощью судебной системы и законодательных актов ограничивают

возможности новых акторов. Другие, в свою очередь, используют политику протекционизма, которая стремится исключить влияние внешних субъектов. При этом есть государства, которые используют обе стратегии. К числу подобных государств можно отнести Россию. Однако в последнее время очевиден тренд на усиление позиций приверженцев протекционизма и так называемого суверенного интернета.

Коммуникация, в своём широком понимании, является неотъемлемой частью любого общества. В современном мире информация, являющаяся основой коммуникации, становится настолько важным элементом, что эксперты выделяют новый господствующий класс, который владеет в первую очередь не производственными возможностями, а информацией¹. В работе М. Варка «Манифест хакера» говорится про экономический класс. Однако контроль над информацией открывает «широкие возможности для государственных органов требовать доступ как к записанным сообщениям, так и к коммуникациям в режиме реального времени» [16, р. 12].

Необходимо понимать тонкую грань между контролем над цифровыми корпорациями и поддержкой подобных организаций на внутреннем рынке. Цифровые транснациональные корпорации являются не только угрозой для государственных институтов, но и возможностью для осуществления контроля коммуникации. При условии контроля над ними с помощью нормативно-правовых, идеологических, судебных, культурных и других инструментов государственные институты получают рычаг влияния в международной сфере, что не отменяет возможности влияния на коммуникативное пространство внутри государства.

Целью данного исследования является не только определение политической субъектности транснациональных цифровых корпораций, но и характеристика статуса этих акторов. Вместе с этим необходимо выявить векторы развития политической субъектности у различных цифровых платформ. Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи: определить категориальную рамку политической субъектности; выделить особое положение политической субъектности цифровых корпораций; с помощью сетевых эффектов определить статус алгоритмов в рамках политической субъектности; сформулировать возможные сценарии развития взаимоотношений политических субъектов в виде цифровых корпораций и государственных институтов.

Субъектность у транснациональных цифровых корпораций начинает проявляться благодаря базовой категориальной сущности понятия «субъект» – наличие воздействия на объект. Под понятие «объект» в этом контексте может попадать большое количество элементов современного общества, начиная с личного аватара конечного пользователя и заканчивая обще-

¹ Wark M. A Hacker Manifesto. Cambridge: Harvard University Press, 2004. P. 164.

ственным мнением всего социума. Основой влияния является возможность использования и извлечения особого типа сырья – данных [14, с. 29]. С помощью них новые акторы способны управлять коммуникацией, что может стать не только угрозой для политического режима, но и заманчивой возможностью для государства по усилению своих позиций.

Проблема субъектности актуальна не только для новых акторов политической сферы, но и для самого государства. Ряд экспертов выделяют некоторые особенности кризиса субъектности в наше время. Главной движущей силой этого тренда являются современные информационные технологии, поэтому для исследователей становится крайне важно переконфигурировать субъектность государства и определить новое понимание субъекта для транснациональных цифровых корпораций.

В статье использован структурно-функциональный подход. Благодаря ему мы определили совокупность отношений между государством и транснациональными цифровыми корпорациями, а также их роли относительно друг друга. С помощью метода сценариотехник автор предполагает возможные векторы развития взаимоотношений государства и площадок, продиктованных цифровыми реалиями.

Вопросы политической субъектности изучались в трудах Дж. Розенау и Э. Цемпиля [17], Д. Шварца [18], И. Н. Гомерова [8; 9], А. Л. Журавлёва [11], Ж. А. Джармоковой [10], Ф. Анкерсмит [1]. Про особенности политической субъектности транснациональных цифровых площадок и сетевые эффекты, связанные с ними, писали зарубежные авторы Ван Дейк [19], М. Олсен [16], Н. Срничек [14], Р. Барбрук [3]. Среди отечественных исследователей темы цифровых технологий в политическом процессе и власти алгоритмов стоит выделить С. В. Володенкова [6; 7; 13], А. С. Ахременко [2], Е. В. Бродовскую [5], В. В. Миронова [12], С. Н. Федорченко [15].

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ

Понятие «политический субъект» в наше время обретает новые измерения и расширяет свой смысл. Вместе с этим исследователи англо-саксонской группы чаще используют понятие «политический актор». Оно узнаваемо для большего круга лиц. В работе оба эти понятия будут использоваться как взаимозаменяемые. Стоит также отметить схожий по значению термин, введённый П. Бурдые, – «политический агент». Однако в своих работах он разделяет агента, который не может быть свободен от социальных структур, и «актора-творца», который априори свободен и рационален [18, р. 333].

В наше время с учётом парадигмы глобализации современный мир представляется как более монолитный и сильно переплетённый друг с другом политический и экономический комплекс. Вместе с этим государствен-

ная политика развивается в условиях увеличения влияния негосударственных акторов, которые обретают свою субъектность.

«По сути, уже нельзя говорить о том, что государства обладают суверенитетом, из-за сети формальных и неформальных структур, в которые они всё более вовлекаются, и эта тенденция к трансформации и кое-где к разрушению традиционных институтов будет возрастать» [17, р. 60].

Как можно увидеть из высказывания Розенау и Цемпиля, существует тренд на потерю автономности и суверенитета. В условиях глобального интернета власть всё больше теряет свои позиции в плане контроля политических субъектов из-за новых технологий. Согласно концепции «калифорнийской идеологии» усиление субъектности индивида в противостоянии государству исходит из информационных технологий [3, с. 128]. Они дают возможность политическим субъектам принимать участие в процессах воздействия на массовое сознание и выступать в качестве формирующего агента общественной повестки. Политикам становится всё сложнее влиять на решения, принимаемые за пределами государственной юрисдикции.

В связи с трансформацией современных политических режимов уже сложно чётко различать международную и внутреннюю политику. Внутренние вызовы могут быть купированы внешнеполитическими решениями, а последствия внешней политики могут быть нивелированы внутренними решениями. В этих условиях становится явным, что происходит усиление влияния на положение внутри страны с помощью новых субъектов, таких как транснациональные цифровые корпорации.

Существует некоторая оговорка, связанная с коллективными акторами политической активности. «В современном мире все человеческие индивиды и коллективы являются потенциальными субъектами политики, но не все из них являются её актуальными субъектами, не все реализуют, проявляют (актуализируют) имеющийся у них политический потенциал, потенциал политической субъектности» [9, с. 57]. Подобные акторы могут иметь потенциал, но не проявлять его либо проявлять его в тех формах, которые не попадают под классическое понимание политологии. Можно выделить некоторые важные характеристики коллективного субъекта согласно А. Л. Журавлёву: 1) устойчивые связи в группе между индивидами; 2) целостность коллектива при проявлении активности; 3) ощущение чувства единения, общие ценности и цели [11, с. 72–80].

Анализ политической субъектности транснациональных цифровых корпораций будет исходить из системно-функционального подхода. Вместе с этим признаём, что актор обладает как функциями и ролями в системе, так и автономностью при решении своих задач. Обуславливается это особым статусом субъекта, который формально не является частью системы и потенциально может обладать политической волей, идущей вразрез с системой.

Система, понимаемая в этой работе, представляется не только как государство со всем его многообразием институтов, но и как международная составляющая современного общества, сформировавшаяся благодаря глобальному пространству для коммуникации и торговли. Частями системы являются государства, государственные институты, альянсы, международные организации, международные суды, объединения корпораций, картели, банковский сектор и другие элементы, которые потенциально имеют влияние на актора в виде транснациональных цифровых корпораций. Как отмечено выше, некоторые страны используют политику протекционизма, которая касается цифровых корпораций, и по этой причине для них международные субъекты не столь значимы, как внутригосударственные. Вместе с этим подобные органы управления оказывают очевидное влияние на автономность принятия решений в организации.

Основа определения субъекта – это субъектно-объектные отношения. Они декомпозируются до потенциала воздействия субъекта на объект с помощью авторитета, силы, убеждения, манипуляции и других возможностей влияния. В этом плане в научном мире сейчас прослеживается начало кризиса субъектности. Он определяется необходимостью переконфигурации субъектности из-за размывания границ государства и гражданского общества и появлением анонимной власти [1, с. 331]. Сущность такой власти – в потере государством манёвренности в принятии решений и скрытой свободно циркулирующей силе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ

Если говорить о политических субъектах в России, существует классификация, основанная на источниках и носителях политической субъектности. Согласно подобному разделению различают 5 форм субъектности:

1. неинституализированные индивидуальные субъекты;
2. негосударственные институализированные индивидуальные субъекты;
3. негосударственные институализированные коллективные субъекты;
4. властно-государственные институализированные индивидуальные субъекты;
5. властно-государственные институализированные коллективные субъекты [8, с. 46].

Исходя из подобной классификации, не представляется возможным определение цифровых корпораций. Безусловно, эти акторы являются негосударственными и коллективными. Вместе с этим появляются сомнения относительно институционализированности. С одной стороны, они могут выступать в качестве лоббистской группы и в таком ключе подходят под третью группу. С другой стороны, подобное возможно в условиях институализации

лоббизма, что не соответствует правовым реалиям российской политической системы. В этих условиях появляются теневые субъекты политики.

В работе И. Н. Гомерова приведён список условий, которые определяют, реализует ли свой политический потенциал коллективный или индивидуальный субъект [9, с. 59]. По всем этим критериям транснациональные цифровые корпорации являются политическим субъектом, обладающим и реализующим политический потенциал. Вместе с тем стоит вопрос, как эти субъекты на практике реализуют свои политические возможности.

Очевидно, что политические акторы участвуют в отношениях, связанных с политической властью. Однако «...политические субъекты могут и не ставить своей целью приход к власти, но стремятся к максимизации собственного влияния на правящий политический режим и, в идеале, к монополизации влияния» [10, с. 62]. В подобной ситуации появляется дублирующая политическая система, в которой возникают теневые акторы политики. Применительно к нашему предмету исследования слово «теневой» не означает скрытности, нелегальности или «серого кардинала». Крупные акционеры и владельцы зачастую – публичные личности. Однако стоит отметить, что некоторые корпорации не пытаются скрыть активное взаимодействие с государственными институтами. Можно определить, что «...теневые субъекты политики уходят от диалога между различными политическими силами, между властью и оппозицией, защищают корпоративные интересы, преследуют финансовую выгоду и стремятся захватить политическую власть или влиять на неё в своих корыстных целях» [4, с. 86].

Появление политических акторов – вопрос обширный, требующий большого теоретического и онтологического осмысления, поэтому в статье мы сфокусируемся на достаточно сложном и глобальном объекте – транснациональных цифровых корпорациях.

Для осмысления транснациональных цифровых корпораций необходимо обратиться к концепции «капитализма платформ» Н. Срничека. Как сказано выше, главное сырьё XXI в. – данные. Платформа – и есть та организация, которая собирает и применяет эти данные. В общем виде платформы – это «новый тип фирмы; их особенность в том, что они обеспечивают инфраструктуру, выступающую посредником между различными группами пользователей, тяготеют к монопольным форматам за счёт сетевых эффектов, используют перекрёстное субсидирование ради вовлечения различных групп пользователей и опираются на некоторую базовую архитектуру, определяющую возможности взаимодействия» [14, с. 35].

На основании вышесказанного мы определяем транснациональные цифровые корпорации как политический субъект со своими особенностями, выраженными в негосударственности, неинституциональности, коллективности, обладающий признаками теневого субъекта политики и реальным потенциалом политического влияния, при этом создающий инфраструктуру

для коммуникации, тяготеющей к монопольным форматам за счёт сетевых эффектов и больших данных. Только владельцы корпораций определяют правила взаимодействия на своих площадках, обладая властью над цифровыми аватарами и интерфейсами.

АЛГОРИТМЫ ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ КАК ОСОБАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Цифровые корпорации оказывают значительное влияние на политическую коммуникацию. Кажется уже очевидным фактом то, что с каждым годом число пользователей интернетом в мире возрастает. Всё больше этих пользователей получают информацию из глобальной сети и участвуют в политической коммуникации благодаря современным технологиям. Цифровые корпорации не только контролируют доступность информации, но и формируют особую коммуникационную среду, способную влиять на всё общество и публичную политику.

Очевидно, что подобное влияние нельзя осуществить без особых технико-программных возможностей цифровых гигантов. Невозможно иметь такой большой штат сотрудников, чтобы, условно, вручную фильтровать, блокировать, преумножать контент и формировать особую информационную среду. На помощь приходят алгоритмы, нейронные сети и самообучающиеся системы, которые реализуют политику компании. Безусловно, подобные программы и части кода написаны людьми, однако такой функционал и объём прodelываемой работы невозможно сделать человеку. Программы обладают возможностью самостоятельного обучения на основе материалов, полученных в заданных рамках. Дальнейшая работа системы после запуска процесса самообучения является недоступной даже для программиста. Можно контролировать результат и входящие данные, и только благодаря этому работа настраивается. Подобные программы и алгоритмы создают подборку новостей из разных источников, формируют ленту в социальных сетях, предлагают контент на основании предпочтений пользователя, показывают рекламу исходя из огромного множества параметров цифрового аватара и т. д.

Основная цель цифровых корпораций, которые используют подобные технические возможности – это овладение вниманием пользователя. Чем больше он находится на необходимом ресурсе, тем больше владелец сможет показать рекламы, продать нужные товары, собрать информацию о пользователе или обеспечить внимание к партнёрскому контенту. Несмотря на преобладание экономического интереса, корпорации с помощью алгоритмов влияют на политическую коммуникацию. Делать это они могут исходя из двух основных мотивов: внешнего влияния и манипуляции со стороны государства или конкретных властных фигур; собственного целеполагания и политической субъектности.

Существуют два основных алгоритма, способных повлиять на политическую коммуникацию: создание локализованного индивидуального цифрового пространства и власть над цифровым аватаром.

В связи с большим потоком информации пользователи всё меньше используют критическое мышление и реже анализируют источники. У большинства пользователей в интернете отсутствует системное и критическое мышление, что приводит к лёгкому распространению ложной информации [2, с. 200–225]. Это формирует клиповое мышление и приводит к формированию «цифрового пузыря». В подобной коммуникационной среде, где контент подстраивается под пользователя, а субъекты зачастую симулированы, человек находится под влиянием технологического навязывания смыслов и представлений о социальной и политической реальности. Помимо формирующего сетевого эффекта, «информационные пузыри» способны ««тушить»» намечающийся тренд мобилизационной активности пользователей сети [13, с. 70]. Такая особенность является значительным преимуществом для режимов, базирующих свою власть на политическом абсентеизме. В такой индивидуальной коммуникационной среде информация при передаче между участниками с помощью горизонтальных информационно-коммуникационных связей может трансформировать смысл послания, что приводит к ещё большей дезинформации [5, с. 3–18].

Подобными особенностями современного потребления пользуются информационные порталы и блоки новостей. К примеру, многие могли заметить блоки новостей на сайтах «Яндекс» (современный «Дзен») и «Google». В них видны заголовки статей или их подборки, ведущие на сайты СМИ. Процесс создания таких подборок не является полной тайной «Яндекс.Новости» – «это результат работы алгоритмов. У нас нет редакторов и модераторов, мы не пишем собственных материалов, у нас нет «редакционной политики» и своей точки зрения»². В этой статье также написаны критерии, по которым определяют, вернее, дают вводные данные системе, которая, в свою очередь, выдвигает результат в виде выжимки новостей за день. Пользователи не могут быть посвящены в глубину алгоритмов и узнать, как происходят манипуляции информационной повесткой. Этот алгоритм также показывает новости относительно геолокации и других, не самых желательных, знаний о пользователях. «Яндекс» обладает данными о «цифровом следе» человека: какие сайты посещены, какие запросы сделаны, какие использовались устройство, провайдер и т. д. Подобная информация даёт возможность оказывать информационное влияние как на всё общество в целом, так и на таргетированные группы.

² Как устроены Яндекс.Новости // Яндекс: [сайт]. [20.02.2014]. URL: <https://yandex.ru/blog/companu/76641> (дата обращения: 01.10.2022).

К примеру, ещё в 2014 г. государственные служащие научились работать с алгоритмами «Яндекс.Новостей» и смогли вывести на первую страницу информацию о правительстве Москвы. Лента новостей состоит преимущественно из федеральных событий, но, начиная с этого периода, стали часто появляться новости по типу: «Собянин побывал на открытии частного детского сада». Подобное стало возможным благодаря использованию в своих целях алгоритмов по поиску актуальных новостей. Все районные газеты г. Москвы, которые публикуют примерно одни и те же новости, массово подключились к роботам по поиску новостей «Яндекса». Благодаря 135 сайтам и новостным лентам мэрия Москвы стала регулярно появляться в блоке главных новостей России³. Подобную уязвимость системы можно было бы активно использовать и другим акторам для поднятия трафика и упоминаемости в сети, однако в 2016 г. был принят закон, приравнивающий новостные агрегаторы к СМИ. Теперь сервисы обязаны «проверять достоверность распространяемых общественно значимых сведений до их распространения»⁴. Фактически новый закон не только усложняет работу агрегаторов, но принуждает использовать в качестве источников только официально зарегистрированные в России СМИ и запрещает ссылаться на источники, признанные экстремистскими. Что, в свою очередь, формирует условия для цензурирования СМИ.

Другая ситуация с «Google Новости», которых Роскомнадзор не внёс в реестр новостных агрегаторов⁵. Формально сервис не удовлетворял требованию относительно количества посетителей сайта в сутки, соответственно, санкций за нарушение закона не последовало. При этом исполнительный директор компании «Alphabet» признал, что собирается ограничивать выдачу российских новостных сайтов на страницы «Google News», в первую очередь речь шла о сайтах «RT» и «Sputnik»⁶. Владельцы этих СМИ внесены Минюстом США в список иностранных агентов. Основой таких действий он считает борьбу с «русской пропагандой», что, на наш взгляд, является посягательством на свободу слова. Другая ситуация с новостным агрегатором «Google» случилась во Франции. Антимонопольный регулятор оштрафовал корпорацию на 500 млн евро за нарушение закона, принятого в 2020 г., «о со-

³ Расследование РБК: как чиновники перехитрили «Яндекс» // РБК: [сайт]. [22.10.2014]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/10/2014/5447a659cbb20f1d5d33b94d (дата обращения: 14.10.2022).

⁴ Путин подписал закон, приравнивающий новостные агрегаторы к СМИ // ТАСС: [сайт]. [23.06.2016]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/3395954> (дата обращения: 14.10.2022).

⁵ Роскомнадзор не включит «Google Новости» в реестр новостных агрегаторов // РБК: [сайт]. [07.03.2017]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58beaea19a794706f8047c53> (дата обращения: 10.10.2022).

⁶ Eric Schmidt Says Google News Will 'Engineer' Russian Propaganda Out of the Feed // Vice: [сайт]. [20.11.2017]. URL: <https://www.vice.com/en/article/pa39vv/eric-schmidt-says-google-news-will-delist-rt-sputnik-russia-fake-news> (дата обращения: 10.10.2022).

блюдении авторского права» при использовании контента в интернете⁷. Власти с помощью этого закона не проявляют открытого желания заниматься цензурой и влиянием на повестку, однако это можно расценивать как рычаг давления на актора.

Неслучайно, что в 2022 г. «Яндекс» передал «Яндекс.Новости» и сервис «Дзен» компании «VK». Эта современная российская цифровая транснациональная корпорация имеет большое количество формальных и неформальных связей с государственными институтами Российской Федерации. С декабря 2021 г. генеральным директором холдинга является сын руководителя Администрации Президента России В. Кириенко⁸. В настоящей статье нет попытки доказать ангажированность тех или иных ресурсов. Автор лишь пытается обратить внимание на то, что потенциал влияния подобных ресурсов замечают руководство больших компаний и фигуры, приближённые к власти. Всё это указывает на то, что люди, близкие к государственному аппарату, осознают важность и потенциал таких агрегаторов новостей.

Другой важный алгоритм, формирующий мнение и имеющий потенциал к изменению политической коммуникации, – это локализованное индивидуальное коммуникативное пространство, иначе говоря, «цифровая капсула». Как отмечает в своей статье В. В. Миронов, человек «как бы локализует своё индивидуальное коммуникационное пространство и благодаря новейшим технологиям может его конструировать, самостоятельно решая, кого он хочет, а кого не хочет туда допускать» [12, с. 183–186]. Этому также способствуют алгоритмы социальных сетей, предлагающие контент, который может понравиться пользователю. Благодаря сетевым эффектам информация, циркулирующая в этой закрытой среде, самоподдерживается и усиливается из-за повторения, что оказывает ещё большее влияние на пользователя [7, с. 188–196].

Немаловажен феномен авторизации, который создаёт риски для изменения политической субъектности [15, с. 34–57]. Из него вытекают не только угроза ложных цифровых аватаров, но и право площадки на управление страничками пользователей вплоть до полного удаления и запрета пользования этой социальной сетью. Подобный эффект называется деплатформизация или деплатформинг [19, р. 60–66]. Самый яркий пример такого эффекта – блокировка практически на всех площадках профилей Д. Трампа. Из социальных сетей также удалили профили рэп-исполнителя и продюсера К. Уэста за «антисемитские высказывания». Подобные действия определяют цифровые корпорации как политические субъекты, формирующие вместо

⁷ Google Told to Pay for News with Ultimatum and \$593 Million Fine // Bloomberg: [сайт]. [13.07.2021]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-13/google-said-to-be-fined-593-million-by-french-antitrust-agency> (дата обращения: 10.10.2022).

⁸ Владимир Кириенко возглавит VK // РБК: [сайт]. [03.12.2021]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/12/2021/61a9f0ee9a7947c3e8f31ef6 (дата обращения: 01.10.2022).

государства социотехническую реальность и идентичность разного рода [6, с. 93].

Алгоритмы социальных сетей на основании множества параметров формируют условно комфортную для пользователя среду, в которой он получает то, что является приемлемым для его догматического мышления. Лента новостей в социальных сетях ранжирует публикации на основании своих алгоритмов. Ранжирование по времени публикации перестало быть актуальным в связи с большим потоком новостей и публикаций в социальных сетях, появлением дубликатов. Вместе с этим администрации социальных сетей занимаются борьбой с фейками и дезинформацией на своих платформах. Площадка оставляет за собой право блокировать, удалять, ограничивать и передавать информацию о нарушениях в правоохранительные органы, если они нарушают законы государства⁹, что является явным слиянием государственных институтов с площадками.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что транснациональные цифровые корпорации являются коллективным политическим субъектом. При этом технологические возможности, такие как искусственный интеллект, алгоритмы и самообучающиеся машины, которые выполняют задачи корпорации, также являются частью этого коллективного политического субъекта. Машинные алгоритмы, по нашему мнению, пока не являются самостоятельным субъектом политической деятельности ввиду подчинения решениям корпорации. Безусловно, подобное умозаключение, скорее, соотносится с постмодернистской концепцией, нежели с классической немецкой философией. Эти программы, с одной стороны, не обладают индивидуальностью, но при этом способны принимать самостоятельные решения на основании своих собственных нейронных связей, как это может делать субъект в виде человека, однако только в рамках своей задачи. Решения, такие как деплатформинг, всё равно принимают люди на основании своей субъектности. Алгоритмы не являются самодостаточными, но при этом могут значительно влиять на политическую коммуникационную сферу благодаря сетевым эффектам, контролю над цифровыми аватарами, информационной повестке, доступу к информации и благодаря самой возможности коммуникации в рамках информационной среды.

Такой процесс ведёт к нескольким сценариям развития отношений между государствами и цифровыми корпорациями на почве политической субъектности: первый сценарий подразумевает усиление власти платформ и увеличение их самостоятельности, с которой государственные институты не будут способны справиться. Второй подразумевает открытую борьбу за власть, что приводит к неочевидным последствиям, учитывая возможности

⁹ Правила пользования сайтом «ВКонтакте» // ВКонтакте: [сайт]. URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 01.10.2022).

обеих сторон. Третий, более вероятный, сценарий состоит в заключении открытых (в виде законов и прецедентов) или скрытых соглашений между ними, что даёт возможность цифровым корпорациям распространять свою субъектность до тех пределов, которые им будут позволены, при этом проявлять лояльность и выполнять необходимые государственным институтам действия по контролю информации и коммуникации. Подобное решение уже реализовано во многих корпорациях, что видно на примерах, указанных выше. Стоит также отметить, что такое разграничение субъектности не является перманентным. Рано или поздно та или иная сторона будет стремиться к перераспределению политической власти и субъектности, что приведёт к новым конфликтам и новым соглашениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, мы можем сделать вывод, что в современном мире происходят изменения в представлениях о политической субъектности и расширение числа потенциальных и реальных субъектов актуальной политической практики. В политическую сферу активно проникают новые коллективные акторы, которые имеют потенциал к изменению политической коммуникации и информационной повестки.

Данные обстоятельства позволяют нам заключить, что социальные сети и новостные агрегаторы за счёт своих алгоритмов влияют на политическую коммуникацию и информационную повестку. Вместе с этим цифровые алгоритмы и искусственный интеллект, применяемые на цифровых платформах, не являются самостоятельным политическим субъектом, но обладают потенциалом формирования особой среды политической коммуникации. Их мягкая власть реализуется благодаря сетевым эффектам, «цифровым капсулам», управлению информационными каналами, новостной повесткой и власти над цифровыми аватарами вплоть до полного цифрового уничтожения неуютного объекта.

Однозначно нельзя сказать, что администрации цифровых корпораций стремятся к расширению потенциала своей политической субъектности. Связано это в первую очередь с тем, что государство стремится не только ограничить их, но использовать в своих интересах. Вместе с тем остаётся теньевая часть деятельности таких компаний, которая может скрытыми и точечными методами влиять на политическую сферу с помощью своих информационных и коммуникационных ресурсов.

Цифровые транснациональные корпорации являются негосударственным, неинституциональным, коллективным политическим актором, обладающим особенностями теневого субъекта и способным иметь реализующий потенциал политического влияния. Не все транснациональные цифровые корпорации обладают реальным потенциалом влияния, однако возможно-

сти тех, которые обладают, нельзя недооценивать. Алгоритмы и самообучающиеся системы являются частью политической субъектности цифровых корпораций в качестве неиндивидуального, но потенциально властного элемента. Субъектность цифровых платформ определяется из категориальной сущности субъекта – наличия воздействия на объект. Объектом в данном случае выступают гражданское общество и государственные структуры, а основным способом влияния является манипуляция. Главным ресурсом выступают данные, полученные от пользователей. Цифровые платформы обладают не только функциями и ролями в общественно-политических отношениях, но и автономностью в принятии решений. На основании проведённого исследования мы определили наличие политической субъектности у транснациональных цифровых платформ и выделили механизмы их влияния на общественно-политическую сферу.

Самый вероятный сценарий развития отношений между транснациональными цифровыми корпорациями и государственными институтами представляется в формировании открытых и скрытых видов договора, в рамках которых будет осуществляться перераспределение власти, суверенитета и ресурсов в виде данных. Подобные формы могут быть реализованы в виде законов или с помощью действий лоббистов и других форм влияния. Такие условия почти индивидуальны для каждого нового субъекта и могут быть изменены в любой момент.

Исследования темы политической субъектности транснациональных цифровых корпораций будут появляться на протяжении всего существования интернета. Остаётся незатронутой в этой работе тема международного влияния площадок. Представляется также возможным изучить отдельно сетевые эффекты связанных с цифровым взаимодействием пользователей. Вместе с этим не полностью раскрыта тема потенциала государственных институтов в противостоянии субъектности цифровых корпораций.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 20.12.2022

Статья размещена на сайте: 20.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: ИД ВШЭ, 2014. 331 с.
2. Ахременко А. С. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг обществен-

- ного мнения: экономические и социальные перемены (электронный научный журнал). 2019. № 5. URL: www.monitoringjournal.ru (дата обращения: 15.12.2022).
3. Барбрук Р. Интернет-революция: от капитализма доткомов к кибернетическому коммунизму / пер. с англ. Е. Мариничевой, Л. Левочкича-Маслюка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 128 с.
 4. Боташева А. К. Основные проблемы глобализации мировой экономики как детерминирующие факторы современного терроризма // Право и политика. 2009. № 1. С. 84–89.
 5. Бродовская Е. В. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены (электронный научный журнал). 2019. № 5. URL: www.monitoringjournal.ru (дата обращения: 16.12.2022).
 6. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 84–103. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_84
 7. Володенков С. В., Артамонова Ю. Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196. DOI: 10.17223/1998863X/53/20
 8. Гомеров И. Н. Политическая субъектность России // Развитие территорий. 2016. № 2. С. 46–58.
 9. Гомеров И. Н. Субъект как смысловое ядро политической субъектности // Развитие территорий. 2015. № 3. С. 57–59.
 10. Джармокова Ж. А. Влияние теневых субъектов политики на политическую власть // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 1. С. 61–64.
 11. Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
 12. Миронов В. В. Цифровая пещера как возможный вектор развития культуры // XIX Международные Лихачевские научные чтения «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости»: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 22–24 мая 2019 г. / под ред. А. С. Запесоцкого. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 183–186.
 13. Новые субъекты и технологии государственной политики: актуальная практика и перспективы / С. В. Володенков, А. В. Сидоров, А. И. Щербинин, А. В. Манойло, С. Н. Федорченко, А. Л. Зверев, В. В. Митева, М. В. Подрезов, В. И. Федоров // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1. С. 65–91. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-65-91
 14. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой. М.: ИД ВШЭ, 2019. 128 с.

15. Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 34–57.
16. Olsen M., Schneier B., Zittrain J. Don't Panic: Making Progress on the 'Going Dark' Debate. Cambridge: Berkman Center Research Publication, 2016. 38 p.
17. Rosenau J. N., Czempiel E. O., Smith S. Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 60 p.
18. Swartz D. Culture & Power: The Sociology of Pierre Bourdieu. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 333 p.
19. Van Dijck J., de Winkel T., Schäfer M. Deplatformization and the governance of the platform ecosystem // New Media & Society. 2021. P. 60–66. DOI: 10.1177/14614448211045662

REFERENCES

1. Ankersmit F. Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value (Rus. ed.: Kralechkin D., transl. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti*. Moscow, PH HSE Publ., 2014. 331 p.).
2. Akhremenko A. S., Philippov I.B. [Impact of the violent suppression of protest on its discussion in social networks]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2019, no. 5. Available at: www.monitoringjournal.ru (accessed: 15.12.2022).
3. Barbrook R. The Internet Revolution: From Dot-com Capitalism to Cybernetic Communism (Rus. ed.: Marinicheva E., Levkovich-Maslyuk L., transl. *Internet-revolutsiya: ot kapitalizma dotkomov k kiberneticheskomu kommunizmu*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 128 p.).
4. Botasheva A. K. [The main problems of the globalization of the world economy as the determining factors of modern terrorism]. In: *Pravo i politika* [Law and Politics], 2009, no. 1, pp. 84–89.
5. Brodovskaya E. V., Huang T. [Digital generation: civil mobilization and political protest among Russian youth]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2019, no. 5. Available at: www.monitoringjournal.ru (accessed: 16.12.2022).
6. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. [Traditional political institutions in the context of digitalization: risks and prospects of transformation]. In: *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2022, vol. 19, no. 1, pp. 84–103. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_84
7. Volodenkov S. V., Artamonova Yu. D. [Information capsules as a structural component of contemporary political Internet communication]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2020, no. 53, pp. 188–196. DOI: 10.17223/1998863X/53/20

8. Gomerov I. N. [Political subjectivity of Russia]. In: *Razvitie territorii* [Territory Development], 2016, no. 2, pp. 46–58.
9. Gomerov I. N. [Subject as a semantic core of political subjectivity]. In: *Razvitie territorii* [Territory Development], 2015, no. 3, pp. 57–59.
10. Dzharkomova Zh. A. [Influence of shadow subjects of politics on political power]. In: *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh* [Research and development of young scientists], 2014, no. 1, pp. 61–64.
11. Zhuravlev A. L. [Collective subject: main features, levels and psychological types]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2009, vol. 30, no. 5, pp. 72–80.
12. Mironov V. V. [Digital cave as a possible vector for the development of culture]. In: *XIX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya «Mirovoe razvitie: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti»: materialy nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 22–24 maya 2019 g.* [XIX International Likhachev scientific readings “World development: problems of predictability and manageability”: materials of a scientific conference, St. Petersburg, May 22–24, 2019]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2019, pp. 183–186.
13. Volodenkov S. V., Sidorovich A. V., Shcherbinin A. I., et al. [New subjects and technologies of state policy: actual practice and prospects]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, vol. 5, no. 1, pp. 65–91. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-65-91
14. Srnicek N. Platform capitalism (Rus. ed.: Dobryakova M., transl. *Kapitalizm Platform*. Moscow, PH HSE Publ., 2019. 128 p.).
15. Fedorchenko S. N. [Artificial Intelligence Phenomenon: Citizen Between Digital Avatar and Political Interface]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2020, vol. 4, no. 2, pp. 34–57.
16. Olsen M., Schneider B., Zittrain J. Don't Panic: Making Progress on the 'Going Dark' Debate. Cambridge, Berkman Center Research Publication, 2016. 38 p.
17. Rosenau J. N., Czempel E. O., Smith S. Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 60 p.
18. Swartz D. Culture & Power: The Sociology of Pierre Bourdieu. Chicago, University of Chicago Press, 1998. 333 p.
19. Van Dijck J., de Winkel T., Schäfer M. Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. In: *New Media & Society*, 2021, pp. 60–66. DOI: 10.1177/14614448211045662

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чебан Андрей Анатольевич – аспирант кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: chebanpolitica@gmail.com

Andrey A. Cheban – Postgraduate student, Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University; e-mail: chebanpolitica@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Чебан А. А. Политическая субъектность транснациональных цифровых корпораций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Cheban A. A. Political subjectivity of transnational digital corporations. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.07

Крамаренко Н. С.,

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Рябова Н. Г.

Московский международный университет

125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17, Российская Федерация

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПОДДЕРЖКА ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ УТРАТУ СУПРУГА

АННОТАЦИЯ

Цель. Обсуждение результатов исследования эффективности оказания психологической помощи женщинам, переживающим утрату супруга, в формате групп поддержки с использованием социальных сетей.

Процедура и методы. В исследовании использовался метод сравнения результатов психодиагностики двух групп женщин, проходивших и не проходивших программу психологической помощи в формате групп поддержки в социальной сети «ВКонтакте». Использовались также батарея психодиагностических методик, направленных на изучение психологических особенностей женщин. Для обработки полученных данных были применены методы качественного и количественного анализа, методы математической обработки данных.

Результаты. Доказана эффективность предложенной психологической программы помощи женщинам, переживающим утрату супруга, реализующейся с использованием сообщества в социальной сети. Определено, что у женщин, прошедших программу, наблюдаются тенденции снижения влияния психотравматического события на общее психологическое состояние, снижения уровня психологического стресса и проявлений депрессивных симптомов. Формирующиеся модели совладающего поведения и стратегий преодоления стресса имеют тенденцию к оптимизации в плане выхода из социальной «изоляции», вступления в социальный контакт и поиска социальной поддержки.

Практическая значимость полученных результатов и представленных в данной статье материалов, а также предложенные организационные и методические рекомендации по проведению программы расширяют возможности оказания психологической помощи людям, столкнувшимся с утратой, и позволяют использовать материал психологам-практикам, работающим с вышеобозначенной проблемой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

психология переживания, переживание горя, группа поддержки, психологическое сопровождение утраты, социальные сети, женщины

СТРУКТУРА

Введение

Теоретические основы разработки программы психологической поддержки

Описание исследования

Описание тренинга

Обсуждение результатов исследования

Дополнительные результаты исследования

Заключение

N. Kramarenko

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

N. Ryabova

Moscow International University

Leningradskii pr-t 17, Moscow 125040, Russian Federation

SOCIAL NETWORKS AND SUPPORT FOR WOMEN SURVIVING THE LOSS OF A SPOUSE

ABSTRACT

Aim. To discuss the results of the study on the effectiveness of psychological assistance to women experiencing the loss of a spouse in the form of social networks support groups.

Methodology. The study used the comparison method of the results of psychodiagnostics of two groups of women who participated and did not participate in a psychological assistance program in the VK (social network) support groups. The research also relies on a number of psychodiagnostic techniques aimed at studying psychological characteristics of women. To process the data obtained, methods of qualitative and quantitative analysis, methods of mathematical data processing were used.

Results. The study proves the effectiveness of the proposed psychological program of assistance to women experiencing the loss of a spouse, implemented through a social network community. It was determined that women who have completed the program tend to experience reduced impact of a psychotraumatic event on their general psychological state, as well as a decrease in the level of psychological stress and depressive symptoms manifestations. Emerging models of coping behavior and strategies for coping with stress tend to be optimized in terms of getting out of social "isolation", making social contact and seeking social support.

Research implication. The results obtained and the materials presented in this article, as well as the proposed organizational and methodological recommendations for the program, expand the possibilities of providing psychological assistance to people facing the loss, and allow the material to be used by practicing psychologists working with the above-mentioned problem.

KEYWORDS

psychology of experience, grief experience, support group, psychological support of loss, social networks, women

ВВЕДЕНИЕ

Двадцатые годы XXI в. принесли с собой небывалые вызовы и трагедии, которые потрясли мир. COVID-19 повлёк массовые заболевания населения всего мира и продолжает приносить вред здоровью, уносить жизни людей. Ставший драматическим годом в мировой истории 2022 г. оборачивается личными трагедиями, горем и утратами. Испытания, которые легли на плечи тех, кто потерял близких, их переживания относятся к разряду одних из самых тяжёлых психотравматических переживаний. Безусловно, эти люди нуж-

даются в профессиональной помощи психолога, в особых психологических формах и методах поддержки.

Обозначенные выше события показали, что в ряде случаев психолог не может оказать необходимую помощь лично, осуществляя очное взаимодействие. Так, со сложностями получения необходимой помощи сталкиваются жители отдалённых регионов, небольших населённых пунктов, где есть проблемы не только с форматом оказания помощи, но и с дефицитом специалистов. Не всегда есть возможность получить профессиональную помощь очно и в силу состояния здоровья, повышенного уровня тревожности, других причин, спровоцированных горем. В этой связи в качестве одного из возможных форматов стал активно применяться дистанционный формат психологической поддержки, в том числе, с использованием социальных сетей и организованных в них групп [18].

Работа в группах является мощным поддерживающим ресурсом для человека, находящегося в ситуации глубоких психотравматических переживаний. Это могут быть как переживания, напрямую не связанные с утратой (например, очень тяжёлые болезни, серьёзные эмоциональные потрясения, стрессы), так и собственно переживания утраты. Данный факт подтверждается исследованиями и отечественных, и зарубежных психологов [19; 17; 27]. Отмечается, что ценность группы и встреча с теми, кто испытывает аналогичные переживания, позволяет участникам восстановить «чувство нормальности», даёт возможность раскрыться, рассказать о своих чувствах без «страха санкций и удивления», позволяет им обмениваться мыслями о горе, а также даёт надежду на то, что после потери можно жить дальше [9 с. 54; 11].

Работа в группах поддержки становится особенно важной и в силу того, что тема смерти в обществе остаётся одной из самых табуированных. Чаще всего люди из социального окружения не знают, что и как говорить тем, кто переживает утрату. Проявляя эмпатию и сочувствие, их либо утешают, дают советы и наставления, которые не всегда имеют нужный эффект, либо стараются избегать обсуждения случившегося, ограждая от интенсивных эмоций. В результате людям, переживающим утрату, часто приходится скрывать или подавлять эмоции, оставаясь наедине со своими переживаниями. Вследствие этого нарушаются социальные связи, растёт изоляция, формируются хроническое горе, посттравматические стрессовые расстройства, депрессия, неврозы, тревожные расстройства.

Учитывая современные реалии жизни человека цифровой эпохи, его социальные связи складываются не только в «реальном мире», но и в мире цифровом. Множество социальных связей формируется и поддерживается посредством различных социальных сетей, которые активно используются людьми разного возраста для взаимодействия. В социальных сетях формируются группы по интересам, профессиональные сообщества, а также сообщества взаимопомощи [23; 26]. Использование таких сообществ в качестве

групп поддержки само по себе не является сегодня чем-то инновационным. Однако вопросы апробации и научного обоснования использования возможностей указанных групп для проведения психологических консультаций и решения психологических задач по оказанию помощи людям с глубокими психотравматическими переживаниями являются малоизученными – и, безусловно, требуют дальнейшего изучения.

Несмотря на актуальность и большую востребованность психологической практикой решения проблемы оказания психологической помощи лицам, переживающим утрату близкого, не только в формате очных консультаций, но и дистанционно, имеющиеся исследования, описывающие возможности применения групп поддержки в дистанционном формате с использованием социальных сетей, являются немногочисленными [1]. В данной статье приводятся результаты исследования, направленного на разрешение данного противоречия.

Проведённое исследование имело целью научно обосновать эффективность оказания психологической помощи лицам, переживающим утрату близкого, в формате групп поддержки с использованием социальных сетей. Научная новизна исследования состоит в апробации и научном обосновании с использованием психодиагностических методов и методов математической обработки полученных данных эффективности предложенной психологической программы помощи женщинам, переживающим утрату супруга.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

Теоретической основой для разработки программы стали результаты исследований, позволившие выделить основные подходы к пониманию проблемы переживания утраты близкого человека. Среди них:

- переживание утраты как процесс трансформации, когда привычные отношения перестают существовать, перестраиваются, в результате чего создаётся новая реальность, прежняя связь разрушается и формируется новая в виде памяти о близком человеке [12; 14; 21];
- переживание утраты как процесс, имеющий стадийную структуру и характеризующийся набором специфических симптомов, когда реакции горя систематизируются и предстают в виде стадий с соответствующими когнитивными и соматическими проявлениями [24]. В рамках этого подхода широко обсуждаются и описываются различные формы горя (нормальные и патологические, хронические и отсроченные, неожиданные и ожидаемые, конфликтные, избегаемые, замаскированные и т. д.) [22], а также состояния, которые влияют на индивидуальный характер переживания потери: характер ситуации потери, восприятие ситуации потери, социокультурное пространство, индивидуально-психологические особенности утратившего и др. [2; 6; 8];

- переживание утраты как процесс смысловой реконструкции и решения экзистенциальных проблем, когда раскрываются глубокие экзистенциальные вопросы, лежащие в основе переживания потери, обосновывается концепция утраты как духовного испытания, рассматривается поиск «нового смысла» существования без близкого человека [15; 3; 7; 16];
- переживание утраты как последовательное решение психологических задач, которые обозначены как выбор поведенческих стратегий на каждом этапе опыта [11; 5; 4].

Анализ работ также позволил выделить стили переживания утраты (горевания): интуитивный, инструментальный и смешанный, – которые различаются степенью закрытости человека от внешнего мира и длительностью проявления эмоций после психотравмирующего события [25].

Главная профессиональная задача психолога в процессе работы с переживанием горя заключается в том, чтобы помочь человеку, столкнувшемуся со смертью близкого, по-настоящему пережить утрату, выполнить работу горя [9, с. 33; 13]. Для этого практиками используются различные техники и подходы (гештальт-терапия, когнитивно-поведенческая терапия, арт-терапия и др.), а также формы работы (индивидуальные или групповые). Индивидуальная и групповая психологическая помощь могут быть объединены. Основное содержание работы должно быть направлено на то, чтобы помочь участникам вернуться к нормальной жизни, обрести надежду и новые перспективы [13; 19].

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что психологическая работа в формате групп поддержки в социальной сети позволит достичь положительных результатов в коррекции эмоциональных состояний у женщин, переживающих утрату супруга.

Выборка исследования была представлена 22 вдовами от 29 до 64 лет с различным сроком утраты (от 2,5 мес. до 3 лет). Все женщины являлись участницами сообщества «Группа поддержки вдов» в социальной сети «ВКонтакте»¹, численностью более 1100 человек. Все участницы группы, включая администраторов, консультантов и редакторов – вдовы. В указанной группе публикуются и обсуждаются материалы, касающиеся переживания утраты: статьи, фильмы, книги. Есть возможность общения, знакомства с другими участницами сообщества, возможность осуществления взаимной поддержки, обмена личным опытом, связанным с переживанием, возможность записаться на групповую программу оказания психологической по-

¹ Группа поддержки вдов // ВКонтакте: [сайт]. URL: <https://vk.com/podderzkavdov64> (дата обращения: 29.01.2023).

мощи в форме группы поддержки (онлайн-тренинг) или на индивидуальную консультацию психолога.

Анализ причин обращения за психологической консультацией показал, что в качестве основных проблем, которые формулировали женщины, обращающиеся за психологической помощью, чаще всего выступали жалобы на социальную деформацию, состояние агрессии, апатии, потери смысла жизни, соматические симптомы, эмоциональную нестабильность.

Суть проведённого нами эмпирического исследования заключалась в том, чтобы сравнить психологические показатели женщин – членов указанной группы в социальной сети, прошедших тренинг (психокоррекционную программу) в форме групп психологической поддержки и не проходивших его. Взаимодействие осуществлялось посредством группового видеозвонка на платформе социальной сети «ВКонтакте».

В исследовании анализировались следующие психологические показатели: уровень психологического стресса; когнитивно-аффективные и соматические показатели; степень влияния травматического события; выбор просоциальных и активных моделей поведения в стрессовых ситуациях; изменение субъективной оценки эмоционального состояния.

Для проведения исследования выборка была разделена на две группы по 11 человек. В состав первой группы вошли женщины, которые прошли тренинговую программу по оказанию психологической помощи, в состав второй группы – не проходившие её. После прохождения тренинга женщинам обеих групп было предложено пройти психодиагностическое исследование с помощью предложенных психодиагностических методик. Тренинг проводился в формате группы поддержки в рамках благотворительного проекта «Жить дальше»². Данный проект направлен на оказание бесплатной психологической, информационной и социально-правовой помощи вдовам из разных регионов России. Участвуя в проекте, женщины могут также пройти специальное обучение и стать равными консультантами, самостоятельно создавать поддерживающее сообщество в своём регионе.

Исследование состояло из трёх основных этапов. На первом этапе исследовались признаки и уровень выраженности посттравматического стрессового расстройства, давалась общая оценка влиянию травматического события, определялись когнитивно-аффективные показатели проявления депрессивных симптомов. На втором этапе исследовались доминирующие стратегии преодоления стресса. На завершающем этапе изучалась субъективная оценка эмоционального состояния до и по окончании проведённого тренинга. Показатели обеих групп (прошедших тренинг и не прошедших

² Проект «Жить дальше» [Электронный ресурс]. URL: <https://zhitdalshe.ru> (дата обращения: 29.01.2023).

тренинг) сравнивались между собой. Результаты были проанализированы и обобщены, сделаны выводы.

В исследовании использовался комплекс психодиагностических методик, имеющих онлайн-версии в интернете: Шкала психологического стресса PSM-25³; Шкала оценки воздействия травматического события (ШОВТС)⁴; Шкала депрессии А. Бека⁵; Стратегии преодоления стрессовых ситуаций, SPSS / SACS⁶; Проективная методика оценки эмоционального состояния с использованием метафоры «Страна горевания». Полученные результаты двух групп сравнивались и были проанализированы с использованием методов математической статистики.

ОПИСАНИЕ ТРЕНИНГА

Тренинг состоял из трёх онлайн-сессий, по одной в неделю, длительностью 120 минут. Программа тренинга представляла собой комплекс последовательных, взаимосвязанных встреч, объединённых между собой домашними занятиями, разбор которых был включён в структуру занятий.

Целью первого занятия было осведомление о симптомах, течении и задачах горя, снятие ощущения уникальности травматического опыта, понимание нормальности испытываемых переживаний. На этом этапе ставилась задача создать безопасную поддерживающую атмосферу, познакомить участниц друг с другом, объяснить правила группы, рассказать о процессе горевания.

Целью второго занятия был обмен опытом, большее сближение участниц, получение ими сочувствия, поддержки друг от друга, снятие психического напряжения благодаря проговариванию собственной истории утраты. Участницам давалась возможность поделиться своей актуальной проблемой, получить обратную связь от других участниц и ведущего, оказать поддержку другим и рассказать историю своей потери, способствуя тем самым осознанию, признанию факта утраты.

Третье занятие проводилось с целью помочь участницам ощутить собственные силы, уверенность в том, что они справятся. Для этого в программу были включены ресурсные арт-терапевтические упражнения, подробная рефлексия эмоциональных состояний, после чего подводились итоги.

³ Шкала психологического стресса, PSM-25 // Психологические тесты онлайн: [сайт]. URL: <https://psytests.org/stress/psm25r.html> (дата обращения: 29.01.2023).

⁴ Шкала оценки влияния травматического события, ШОВТС/IES-R // Психологические тесты онлайн: [сайт]. URL: <https://psytests.org/diag/iesr.html> (дата обращения: 29.01.2023).

⁵ Шкала депрессии Бека // Психологические тесты онлайн: [сайт]. URL: <https://psytests.org/depr/bdi-run.html> (дата обращения: 29.01.2023).

⁶ Стратегии преодоления стрессовых ситуаций, СПСС/SACS // Психологические тесты онлайн: [сайт]. URL: <https://psytests.org/coping/sacs-run.html> (дата обращения: 29.01.2023).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для изучения выраженности признаков посттравматического стрессового расстройства и общей оценки влияния травматического события использовались шкалы оценки влияния травматического события (ШОВТС), а также методика «Шкала психологического стресса PSM 25». Несмотря на то, что использование Т-критерия Стьюдента для независимых выборок не показало значимых различий между группами по обеим методикам, качественный анализ (сравнение показателей в процентном соотношении) показал различия в группе с низким и средним уровнями выраженности стресса (рис. 1, 2).

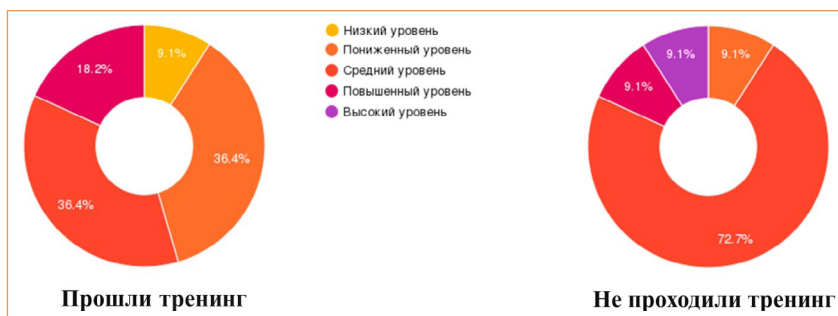

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты опроса по шкале оценки влияния травматического события, % / The results of the survey on the scale of assessing the impact of a traumatic event, %

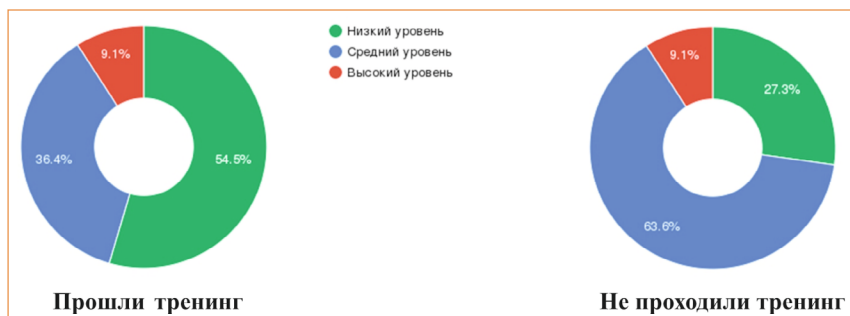

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты тестирования по шкале психологического стресса (PSM 25), % / The results of testing on the scale of psychological stress (RSM 25), %

Это позволяет сделать вывод об имеющихся тенденциях снижения показателей влияния травматического события в группе женщин, проходивших тренинг. Данный вывод подтверждается результатами, полученными при исследовании когнитивно-аффективных показателей по методике «Шкала

депрессии А. Бека», направленной на выявление депрессивных симптомов (рис. 3).

Рис. 3 / Fig. 3. Результаты опроса «Шкала депрессии А. Бека», % / Results of the Beck Depression Inventory survey, %

В результате расчёта Т-критерия Стьюдента по шкале «Соматические проявления» ($t=2.833$, $p<0,01$) были выявлены значимые различия между исследуемыми группами. Среднее значение в группе «не проходили тренинг» ($x=8.818$) – больше среднего значения группы «прошли тренинг» ($x=4.818$). Были выявлены также значимые различия между результатами обеих групп по общему тестовому показателю Шкалы депрессии Бека ($t=2.174$, $p<0,05$). В группе «не проходили тренинг» среднее значение (ср. знач.=27.545) – больше среднего значения группы «прошли тренинг» (ср. знач.=15).

На следующем этапе исследования изучались стратегии совладания как важный медиатор того, как люди решают задачи горевания. Учитывая тот факт, что модели поведения могут способствовать или препятствовать успешности преодоления стресса в зависимости от степени конструктивности стратегии, а также оказывать влияние на здоровье, а действия по преодолению часто требуют взаимодействия с другими людьми, данный параметр был интересен и особенно важен для изучения, т. к. все участники исследования являлись членами группы в социальной сети. Наибольший интерес представляла оценка степени выраженности у опрошенных таких преодолевающих моделей, как ассертивная, вступление в социальный контакт и поиск социальной поддержки.

Для диагностики стратегий преодоления стресса использовалась методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)». Расчёт результатов производился по каждой шкале, которая отражает степень предпочтения той или иной модели поведения в стрессогенной ситуации. Было выявлено, что у тех, кто прошёл тренинг, значительно преобладает выбор таких моделей поведения, как вступление в социальный контакт ($P=0,026$) и поиск

социальной поддержки в стрессовых ситуациях ($P=0,002$). По шкале «Ассертивные действия» с помощью расчета Т-критерия Стьюдента значимых различий выявлено не было ($P=0,221$). Это может быть связано с тем, что для появления ассертивных действий необходимо большее количество времени, более длительная сопровождающая работа. Однако важный вывод, который можно сделать по результатам анализа полученных данных, состоит в том, что выработка моделей поведения и стратегий преодоления стресса у тех, кто прошёл тренинг, имеет тенденцию к оптимизации в плане выхода из социальной «изоляции», вступления в социальный контакт и поиска социальной поддержки.

На завершающем этапе исследования с целью выявления изменения в субъективной оценке эмоционального состояния по окончании тренинга была применена проективная методика оценки эмоционального состояния с использованием метафоры «Страна горевания». На первой и на последней встречах женщинам было предложено представить себя в своей «стране горевания» и оценить эмоциональное состояние по шкале от 0 до 10, где 0 – «чувствую себя максимально некомфортно (страшно, больно, холодно)», 5 – «нейтрально (апатия, безразличие)», 10 – «достаточно комфортно (есть ощущение опоры, сил; виден “горизонт”, “цель”, “путь к цели”)». Результаты полученных данных анализировались с использованием Т-критерия Стьюдента⁷. Были выявлены значимые различия между оценками эмоционального состояния на первом занятии и оценками эмоционального состояния на последнем занятии ($p=0,001$) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Эмпирические значения критерия Т-Стьюдента для зависимых выборок. Сравнение оценок эмоционального состояния участниц до и после прохождения тренинга / Empirical values of Student's dependent samples T-test. Comparison of assessments of the participants' emotional state before and after the training

Оценка эмоционального состояния на первом занятии	Оценка эмоционального состояния на последнем занятии	Эмпирическое значение критерия	Уровень значимости
3.091±2.3	8.091±1.973	-4.599	0.001***

⁷ Stanly: сервис для автоматизированного расчета и описания статистики в социальных науках [Электронный ресурс]. URL: https://stanly.statpsy.ru/all/compare_two/steps/1 (дата обращения: 29.01.2023).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе организации и проведения программы были сделаны важные дополнительные выводы.

1. Определено, что оптимальное количество участников для тренинга в формате онлайн должно составлять не более 5–6 человек. Это продиктовано особенностями дистанционного формата и ограничениями экрана компьютера или смартфона. Большое значение имеет качество связи. Необходимо, чтобы устройства всех участников имели устойчивый интернет, работающие камеру и микрофон.

2. Обозначены особенности групповой динамики, связанные с различиями участников группы по возрасту и сроку утраты близкого. Для организации групповой работы необходимо формировать группы с учётом этих обстоятельств. Лучше, чтобы в группе находились участники с разным сроком потери, желательно разного возраста. Либо группа может быть однородной, примерно одного срока утраты или одного возраста (за исключением раннего периода утраты). Оптимальное соотношение – по два участника примерно одного срока: ранний (1–3 мес.), средний (6–9 мес.), длительный (после года). Или два молодых участника, два среднего и два старшего возраста. Для людей, находящихся в остром периоде переживания утраты, важно наличие в группе участников с более продолжительным сроком потери. Это служит своеобразным ориентиром изменений в будущем. Поэтому собирать группы из людей с одинаково небольшим сроком утраты (до 3–6 мес.) нежелательно.

3. Определена необходимость проведения предварительного собеседования с планируемыми участниками тренинга и разъяснения им сути работы, а также предупреждения о возможных эмоционально-психологических рисках (индивидуальных реакциях на формат работы и обсуждаемые темы, риске ретравматизации, особенно у лиц на большом сроке, преимущественно у демонстрирующих инструментальный стиль горевания или избегающие стратегии). Во время предварительной беседы целесообразно узнать возраст, срок утраты, ожидания от группы. Рекомендуется также предварительно провести диагностику психологического состояния (на предмет «осложнённого горя» или травматических реакций), при выявлении таких случаев или на ранних сроках может быть предложена индивидуальная работа [9, с. 55].

4. Обоснована целесообразность посещения участниками групп всего комплекса занятий с соблюдением рекомендаций и выполнением домашних заданий. Серьёзная внутренняя работа происходит после занятий и в промежутках между ними. Задания являются своеобразным мостиком между занятиями. Они дополняют и наполняют их.

5. В целом грамотная организация групп психологической помощи в ситуации утраты помогает избежать возможных рисков и негативных по-

следствий участия в них: несоответствия ожиданиям или потребностям, ретравматизации в ходе погружения в истории о потерях других людей, обесценивания некоторых потерь в пользу других («соревнование за худшую потерю»), игнорирования потребностей участников, культивирования горя и т. д. [20].

Следует также отметить, что, несмотря на дефицит психодиагностических методик, направленных на исследование психологических проблем переживания утраты, в комплексе применённые нами методики дали достаточно объёмный материал для изучения, анализ которого позволил сделать важные выводы.

Ограничения данного исследования связаны с однородностью выборки по типу потери, полу участников, а также с небольшим количеством испытуемых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы.

Использование программы сопровождения в формате групп поддержки с использованием социальных сетей позволяет оказывать эффективную помощь женщинам, переживающим утрату супруга. По итогам исследования было определено, что у женщин, прошедших программу, наблюдается улучшение общего эмоционального состояния, которое выражается в тенденциях снижения влияния психотравматического события на их общее психологическое состояние, в снижении уровня психологического стресса и проявления депрессивных симптомов. Исследование показало, что в результате проведённой работы у женщин формируются важные модели совладающего поведения, способствующие выходу из «социальной изоляции», часто являющейся следствием переживания утраты – они в большей степени расположены к вступлению в социальный контакт и к поиску социальной поддержки. Было выявлено, что женщины, получившие психологическую помощь, отметили позитивные изменения своего эмоционального состояния, произошедшие после проведённой с ними работы.

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу, что психологическая работа в формате групп поддержки с использованием социальных сетей позволяет достичь положительных результатов в коррекции эмоциональных состояний у женщин, переживающих утрату близкого, а также способствует укреплению их социальных связей, появлению доверия к социуму, обретению дополнительной опоры и внутреннего ресурса.

Практическая значимость полученных результатов и представленных в данной статье материалов, а также предложенные организационные и методические рекомендации по проведению программы расширяют возмож-

ности оказания психологической помощи людям, столкнувшимся с утратой, и позволяют использовать материал психологам-практикам, работающим с вышеобозначенной проблемой.

В качестве перспектив дальнейшего исследования данной темы следует назвать: разработку методов оценки эффективности индивидуального и группового форматов с применением дистанционных технологий в психологическом сопровождении лиц, переживающих утрату; исследование возможностей социальных сетей в исцелении горя; создание программы длительного сопровождения лиц, переживающих утрату, в дистанционном формате; изучение эффективности арт-терапевтических методов, применяемых дистанционно, в работе с утратой; изучение влияния личного опыта утраты на профессиональную деятельность психолога.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.01.2023

Статья размещена на сайте: 29.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Баканова А. А. Психотерапия горя: история становления и текущая практика в зарубежных исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2017. № 4. С. 23–41.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Гардарики, 2004. 136 с.
3. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 4. URL: www.psyjournal.ru (дата обращения: 29.01.2023).
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 200 с.
5. Ворден В. Консультирование и терапия горя: пособие для специалистов в области психического здоровья / пер. с англ. Т. Литвиновой. М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2020. 330 с.
6. Ковалевская А. А. Психологические особенности переживания горя и утраты // Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 130–135.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 317 с.
8. Линдемэнн Э. Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Виллюнаса. СПб.: Питер, 2008. С. 397–406.
9. Малкина-Пых И. Г. Психология горя и утраты: учеб. пособие. М.: КНО-РУС, 2021. 282 с.

10. Пономарева И. М. Работа психолога в кризисных службах. СПб.: СПбГИПСР, 2016. 197 с.
11. Сидорова Б. Ю. Четыре задачи горя [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 1-2. URL: www.psyjournal.ru (дата обращения: 29.01.2023).
12. Тэхкэ В. Психика и ее лечение. Психоаналитический подход / пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2012. 464 с.
13. Фопель К. Психологические группы. Рабочие материалы для ведущего / пер. с нем. Е. Патяевой. М.: Генезис, 2017. 288 с.
14. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. Тексты / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 203–211.
15. Фромм Э. Душа человека / пер. с нем. В. А. Закс, Э. М. Телятникова. М.: Республика, 1992. 490 с.
16. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.
17. Aoun S. M., Breen L. J., White I., et al. What sources of bereavement support are perceived helpful by bereaved people and why? Empirical evidence for the compassionate communities approach // *Palliat Med.* 2018. Vol. 32. P. 1378–1388.
18. Bhattacharya A., Nagar R., Jenness J., et al. Designing Asynchronous Remote Support for Behavioral Activation in Teenagers with Depression: Formative Study. In: *JMIR Form Res*, 2021, no. 5. P. 1–20.
19. Dyregrov K., Dyregrov A., Johnsen I. Participant's recommendations for the ideal grief group: a qualitative study // *OMEGA. Journal of Death and Dying.* 2013. № 67. pp. 363–377.
20. Ellis T. E., Ratliff K. Cognitive characteristics of suicidal and nonsuicidal psychiatric inpatients // *Cognitive Therapy and Research.* 1986. № 10. P. 625–634.
21. Freud S. Mourning and melancholia. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIV (1914-1916): On the History of the PsychoAnalytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works, 1917. P. 237–258.
22. James J. W., Friedman R. The Grief Recovery Handbook: 20th anniversary expanded edition. New York: Harper Paperbacks, 2009. 240 p.
23. Kathleen L. C. Perinatal grief online // *MCN. The American journal of maternal child nursing.* 2004. № 29. P. 305–314.
24. Kubler-Ross E. On death and Dying. New York: Scribner, 1969. 288 p.
25. Martin T., Duka K. Men Don't Cry, Women Do: Transcending gender Stereotypes of Grief. Philadelphia, PA; Brunner; Mazel, 2000. 202 p.
26. Morrigan B., Keesing S., Breen L. J. Exploring the Social Networks of Bereaved Spouses: Phenomenological Case Studies // *Omega (Westport).* 2022. № 85. pp. 268–284.
27. Wawrzynski S. E., Alderfer M. A., Kvistad W., et al. The Social Networks and Social Support of Siblings of Children with Cancer // *Children (Basel).* 2022. № 9. P. 1–14.

REFERENCES

1. Bakanova A. A. [Grief therapy: the history of formation and current practice in the foreign studies]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2017, no. 4, pp. 23–41.
2. Bowlby J. The Making and Breaking of Affectional Bonds (Rus. ed.: Starovoitov V. V., transl. *Sozdanie i razrushenie emotsional'nykh svyazei*. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 136 p.).
3. Vasilyuk F. E. [Lifeworld and Crisis: A Typological Analysis of Critical Situations]. In: *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 2001, no. 4. Available at: www.psyjournal.ru (accessed: 29.01.2023).
4. Vasilyuk F. E. *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of experience]. Moscow, Moscow State University Press Publ., 1984. 200 p.
5. Worden W. Grief Counseling and Grief Therapy: a handbook for the mental health practitioner (Rus. ed.: Litvinova T., transl. *Konsul'tirovanie i terapiya gorya: posobie dlya spetsialistov v oblasti psikhicheskogo zdorov'ya*. Moscow, Tsentr psikhologicheskogo konsul'tirovaniya i psikhoterapii Publ., 2020. 330 p.).
6. Kovalevskaya A. A. [Psychological features of experiencing grief and loss]. In: *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian sciences], 2020, no. 1, pp. 130–135.
7. Leontyev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 1999. 317 p.
8. Lindemann E. [Clinic of acute grief]. In: Vilunas V. K., ed. *Psikhologiya emotsii. Teksty* [Psychology of emotions. Texts]. St. Petersburg, 2008, pp. 397–406.
9. Malkina-Pykh I. G. *Psikhologiya gorya i utraty* [Psychology of grief and loss]. Moscow, KNORUS Publ., 2021. 282 p.
10. Ponomareva I. M. *Rabota psikhologa v krizisnykh sluzhbach* [The work of a psychologist in crisis services]. St. Petersburg, SPbGIPSR Publ., 2016. 282 p.
11. Sidorova B. Yu. [The Four Tasks of Grief]. In: *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 2001, no. 1-2. Available at: www.psyjournal.ru (accessed: 29.01.2023).
12. Tahka V. Mind and its treatment: a psychoanalytic approach (Rus. ed.: Starovoitov V. V., transl. *Psikhika i ee lechenie. Psikhoanaliticheskii podkhod*. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2012. 464 p.).
13. Vopel K. Materialien für Gruppenleiter (Rus. ed.: Patyaeva E., transl. *Psikhologicheskie gruppy. Rabochie materialy dlya vedushchego*. Moscow, Genesis Publ., 2017. 288 p.).
14. Freud Z. [Mourning and melancholia]. In: Vilyunas V. K., Gippenreiter Yu. B., eds. *Psikhologiya emotsii. Teksty* [Psychology of emotions. Texts]. Moscow, Moscow State University Press Publ., 1984, pp. 203–211.
15. Fromm E. Die Seele des Menschen (Rus. ed.: Zaks V. A., Telyatnikov E. M., transl. *Dusha cheloveka*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 490 p.).
16. Yalom I. Existential psychotherapy (Rus. ed.: Drabkina T. S., transl. *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya*. Moscow, Nezavisimaya firma «Klass» Publ., 1999. 576 p.).

17. Aoun S. M., Breen L. J., White I., et al. What sources of bereavement support are perceived helpful by bereaved people and why? Empirical evidence for the compassionate communities approach. In: *Palliat Med*, 2018, vol. 32, pp. 1378–1388.
18. Bhattacharya A., Nagar R., Jenness J., et al. Designing Asynchronous Remote Support for Behavioral Activation in Teenagers with Depression: Formative Study. In: *JMIR Form Res*, 2021, no. 5, pp. 1–20.
19. Dyregrov K., Dyregrov A., Johnsen I. Participant's recommendations for the ideal grief group: a qualitative study. In: *OMEGA. Journal of Death and Dying*, 2013, no. 67, pp. 363–377.
20. Ellis T. E., Ratliff K. Cognitive characteristics of suicidal and nonsuicidal psychiatric inpatients. In: *Cognitive Therapy and Research*, 1986, no. 10, pp. 625–634.
21. Freud S. Mourning and melancholia. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIV (1914-1916): On the History of the PsychoAnalytic Movement, Papers on Metapsychology and Other Works, 1917, pp. 237–258.
22. James J. W., Friedman R. The Grief Recovery Handbook: 20th anniversary expanded edition. New York, Harper Paperbacks, 2009. 240 p.
23. Kathleen L. C. Perinatal grief online. In: *MCN. The American journal of maternal child nursing*, 2004, no. 29, pp. 305–314.
24. Kubler-Ross E. On death and dying. New York, Scribner, 1969. 288 p.
25. Martin T., Duka K. Men Don't Cry, Women Do: Transcending gender Stereotypes of Grief. Philadelphia, PA, Brunner, Mazel, 2000. 202 p.
26. Morrigan B., Keesing S., Breen L. J. Exploring the Social Networks of Bereaved Spouses: Phenomenological Case Studies. In: *Omega (Westport)*, 2022, no. 85, pp. 268–284.
27. Wawrzynski S. E., Alderfer M. A., Kvistad W., et al. The Social Networks and Social Support of Siblings of Children with Cancer. In: *Children (Basel)*, 2022, no. 9, pp. 1–14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Крамаренко Наталья Станиславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Государственного университета просвещения; e-mail: contactsnsk@gmail.com

Рябова Нина Геннадиевна – студентка факультета психологии Московского международного университета, ведущая групп психологической поддержки благотворительного фонда «Словом и Делом»; e-mail: riabovanina@yandex.ru

Nataliya S. Kramarenko – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof, Department of General and Educational Psychology, State University of Education; e-mail: contactsnsk@gmail.com

Nina G. Ryabova – Student, Faculty of Psychology, Moscow International University; the leader of the psychological support groups of the charitable foundation "Word and Deed"; e-mail: riabovanina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Крамаренко Н. С., Рябова Н. Г. Социальные сети и поддержка женщин, переживающих утрату супруга // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kramarenko N. S., Ryabova N. G. Social networks and support for women surviving the loss of a spouse. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.075

Ложкина Н. В.

Академия управления Министерства внутренних дел России
125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, Российская Федерация

«Я-ОБРАЗ» СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ: ПОНЯТИЕ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучить социально-психологические механизмы формирования «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции.

Процедура и методы. При проведении исследования использованы современные количественные и качественные методы: историко-психологический анализ, обобщение и систематизация знаний, абстрагирование и конкретизация процесса познания, изучение психологического опыта, моделирование ситуаций служебной деятельности, психологический эксперимент и наблюдение, анкетирование и тестирование, беседа и опрос, экспертная оценка, методы обработки и статистического анализа экспериментальных данных (методы компьютерной обработки данных, графическая и табличная интерпретации результатов, методы математической статистики, корреляционный и факторный анализ), – подтвердившие положительную динамику формирования и развития «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции.

Результаты. В статье анализируется процесс формирования «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции, существенно влияющий на качество профессиональной подготовки и служебное поведение. В контексте обозначенного процесса рассматриваются проблема негативного влияния общественного мнения и пути её нейтрализации с помощью формирования положительного «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции.

Теоретическая и практическая значимость. В статье описываются полученные эмпирические данные, раскрывающие социально-психологические механизмы влияния общественного мнения на формирование «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции, а также существенные признаки и особенности такого формирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Я-образ», общественное мнение как фактор формирования «Я-образа», сотрудник Госавтоинспекции, сущностные признаки и особенности

СТРУКТУРА

Введение

Профессиональный «Я-образ»

Психодиагностические методики и результаты исследования

Заключение

N. Lozhkina

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Zoyi and Alexandra Kosmodemyanskikh 8, Moscow 125993, Russian Federation*

“SELF-IMAGE” OF TRAFFIC POLICE OFFICERS: THE CONCEPT AND SOME ASPECTS OF ITS FORMATION

ABSTRACT

Aim. To study the socio-psychological mechanisms of the “Self-image” formation of traffic police officers.

Methodology. The research uses modern quantitative and qualitative research methods: historical and psychological analysis, generalization and systematization of knowledge, abstraction and concretization of the cognition process, study of psychological experience, modeling of official activity situations, psychological experiment and observation, questionnaire and testing, interview and survey, expert evaluation, methods of processing and statistical analysis of experimental data (methods of computer data processing, graphical and tabular interpretation of results, methods of mathematical statistics, correlation and factor analysis), which confirmed the positive dynamics of the formation and development of the “Self-image” of a traffic police officers.

Results. The article analyzes the process of forming the “Self-image” of traffic police officers, which significantly affects the quality of professional training and official behavior. In the context of this process, the problem of the negative influence of public opinion and ways to neutralize it through the formation of a positive “Self-image” of traffic police officers is being considered.

Research implications. The article describes the empirical data obtained, revealing the socio-psychological mechanisms of the influence of public opinion on the formation of the “Self-image” of traffic police officers, and the essential signs and features of its formation.

KEYWORDS

“Self-image”, public opinion as a factor in the formation of “Self-image”, an employee of the State Traffic Inspectorate, essential signs and features

ВВЕДЕНИЕ

«Я-образ» – это абсолютно устоявшееся понятие в социальной психологии. В нашем исследовании мы берём за основу классическое понимание «Я-образа», которое, безусловно, рассматривалось другими авторами, исследователями.

При определении ключевых понятий мы придерживались мнений авторитетных учёных и ориентировались на описание глубинных психологических структур и процессов личности через призму нескольких понятий «самосознание», «самооценка», «Я-концепция», «представление о себе» и др.

У. Джеймс в отношении «образа Я», считал, что глобальное личностное «Я» необходимо рассматривать как двойственное образование, в котором соединяются Я-сознающее (I) и Я-как-объект (Me) [1]. В психосоциальной концепции Э. Эриксона, в школах межличностных отношений Г. Салливан, К. Хор-

ни, в теории «собственного Я» Х. Кохута, «Образ Я» рассматривался в рамках анализа взаимодействия человека как биологического существа и социума в различных плоскостях [6; 12; 14; 15]. Р. Бернс изучал влияние «образа Я» на различные характеристики когнитивных процессов [2]. В отечественной психологии «Я-образ» изучался в русле самосознания.

В. В. Столин отмечает, что анализ итоговых продуктов самосознания, которые выражаются в строении представлений о самом себе, «образе Я» или «Я-концепции», осуществляется либо как поиск видов и классификаций «образов Я», либо как поиск «измерений», т. е. содержательных параметров этого образа [13].

И. С. Кон подчёркивает, что «образ Я» – это не просто психическое отражение в форме представлений или понятий, но и социальная установка, разрешаемая через отношение личности к себе самой [5].

В культурно-исторической концепции психического развития Л. С. Выготского, в теории деятельности А. Н. Леонтьева и работах С. Л. Рубинштейна отражено положение о том, что основным принципом для понимания природы самосознания (сознания) личности является принцип его социальной детерминированности [4; 7; 11].

Таким образом, исследователи определяют «Я-образ» как систему представлений личности о самой себе, состоящую из «Я-реального» и «Я-идеального», которые между собой коррелируются. «Я-образ» способствует формированию и развитию мировосприятия личности, оказывая при этом огромное воздействие на формирование его поведенческого типа.

«Я-образ» как один из важнейших психологических феноменов является постоянным статичным процессом, данным человеку раз и навсегда. При формировании «Я-образа» происходят перманентные изменения внутри личности. «Я-образ» в течение жизни поддаётся изменению, совершенствованию в зависимости от ряда социально-психологических факторов (семьи, образовательной организации, профессии, общественного мнения и др.).

Но в то же время «Я-образ» формируется не мгновенно и не единожды. Его формирование обусловлено постоянным развитием, преодолением определённых жизненных ситуаций, получением ежедневного практического опыта и т. д. Т. е. «Я-образ» формируется и развивается на протяжении всей человеческой жизни.

«Я-образ» является «сплавом» отдельных социально-психологических процессов, определяющих эмоциональное отношение человека к самому себе через процесс идентификации.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ «Я-ОБРАЗ»

То же происходит и по отношению к выбранной профессии. В проведённом исследовании изучались «Я-образ» через призму профессиональной де-

тельности сотрудника Госавтоинспекции и процессы формирования общественного мнения.

В контексте исследования «Я-образ» изучался как динамический процесс, формирующийся при помощи сочетания внутриличностных процессов (самоидентификации, социальной идентификации, социальной рефлексии, профессиональной самоидентификации) с учётом профессиональной служебной деятельности и специфического проявления общественного сознания, отражающегося в оценках злободневных проблем, определяющего отношение большинства населения, которое выражается в одобрении или неодобрении [3, с. 182].

Специфика «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции в проекции профессиональной служебной деятельности сопряжена с «опасностью», «ответственностью», «сложностью». И, конечно же, особенностью службы подразделений Госавтоинспекции является непосредственное ежедневное взаимодействие с участниками дорожного движения – в большинстве случаев это благополучный слой населения, имеющий соответствующий уровень образования, уровень достатка и т. д., который накладывает соответствующие требования к профессиональной подготовке сотрудников Госавтоинспекции.

Образующийся правоохранный опыт предполагает наличие и развитие соответствующих умений и навыков, что, в свою очередь, влияет на особенности формирования профессионального «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции.

Деятельность таких сотрудников и её специфика участвуют в формировании профессионального «Я-образа», развивая при этом профессиональные качества личности и обеспечивая возможность профессиональной самореализации. Проанализировав основные подходы в исследовании данной проблематики, мы предлагаем следующее авторское понятие «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции.

Формирование «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции обусловлено синхронизацией внутриличностных процессов (самоидентификации, социальной идентификации, социальной рефлексии, профессиональной самоидентификации) с основополагающими социально-психологическими факторами профессионального становления. «Я-образ» сотрудника Госавтоинспекции определяется как совокупность вышеназванных внутриличностных процессов, способствующих регуляции служебного поведения и нейтрализации негативного влияния общественного мнения. «Я-образ» сотрудника Госавтоинспекции состоит из трёх компонентов:

- когнитивного (представление сотрудника Госавтоинспекции о самом себе как о субъекте профессиональной деятельности);
- эмоционального (оценивание сотрудником Госавтоинспекции самого себя, своих действий, поступков с позиции профессиональной деятельности);

– поведенческого (осознаваемые профессиональные действия сотрудника Госавтоинспекции, сформированные под влиянием своих представлений о профессиональной деятельности) [9, с. 313].

Таким образом, «Я-образ» сотрудника Госавтоинспекции отражается в сформированности его компонентов (когнитивного, эмоционального и поведенческого), сущностных признаков и особенностей.

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании уровень сформированности «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции оценивался по пяти психодиагностическим методикам: методике «Шкала базисных убеждений» (изучение имплицитных, глобальных, устойчивых представлений индивида о мире и о себе (версия в редакции К. Сугоняева)); методике измерения самооценки (вариант методики Дембо-Рубинштейн, оценка дифференцированности ряда профессионально-личностных качеств (нестандартизированное самописание с открытой формой)); опроснику для оценки самоотношения (изучения интегральной самооценки и самоуважения (самоценность, самоэффективность, нейротизм, локус контроля) (версия в редакции К. Сугоняева)); авторскому варианту методики «Кто Я как сотрудник Госавтоинспекции?» (вариант методики, разработанной М. Куном, Т. Макпартлендом в модификации Т. В. Румянцевой, исследование самописания личности с позиции различных социальных ролей, что позволяет всесторонне изучить представления человека о самом себе); проективной методике «Незаконченные предложения» (вариант методики, разработанной Дж. Саксом и К. Сиднеем, изучение потребности самоактуализации и личностного совершенствования, а также потребности самоуважения) [8, с. 105].

Весь блок используемых нами психодиагностических методик соответствует предъявляемым к ним требованиям: методики являются стандартизированными, обладают валидностью и надёжностью.

Основная идея исследования заключается в теоретическом обосновании и экспериментальном подтверждении эффективных средств и методов целенаправленного специально организованного психологического воздействия на формирование положительного «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции посредством эффективной психотехнологии в форме тренинговой работы, основанной на проблемно-ситуационном моделировании актуальных профессиональных задач, способствующих нейтрализации отрицательного воздействия общественного мнения на «Я-образ» сотрудника Госавтоинспекции, а также повышению качества служебной деятельности.

Выборку исследования составили 508 сотрудников Госавтоинспекции из различных субъектов Российской Федерации, замещающих должности в органах внутренних дел. Исследование проводилось в три этапа: аналити-

ческий, экспериментальный и заключительный. Экспериментальный этап состоял из трёх подэтапов: констатирующего, формирующего и контрольного, в рамках чего осуществлялось сопоставление с результатами проведённой диагностики по выбранным психодиагностическим методикам.

Экспериментальная программа исследования представляет собой блок из трёх частей:

- диагностической части (антенный опрос, психодиагностические методики, опросники и др.);
- основной части по блокам (комплекс тренинговых занятий, направленных на формирование позитивного «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции и на исследование уровня сформированности «Я-образа»);
- заключительной части (интервью экспертов, повторное психодиагностическое исследование).

Проверка распределения на нормальность осуществлялась по значениям асимметрии и эксцесса с применением критериев Н. А. Плохинского (сравнение с ошибкой репрезентативности) и Е. И. Пустыльника (сравнение с рассчитанными по специальной формуле критическими значениями для асимметрии и эксцесса).

Формирование «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции осуществлялось с помощью внедрения на формирующем подэтапе исследования разработанной тренинговой программы, основанной на поэтапном формировании, совершенствовании «Я-образа». Разработанная программа имеет соответствующую логику построения, которая синхронизирована с выделенными нами внутренними социально-психологическими механизмами формирования положительного «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции: первый этап – самоидентификация «Кто Я» (познание, актуализация, оценивание самого себя), социальная идентификация «Какой Я?» (определение самого себя с позиции социального окружения, детерминация собственных возможностей и способностей), социальная рефлексия «Я – глазами других» (оценивание самого себя в системе социального взаимодействия, межличностное взаимоотношение), профессиональная самоидентификация «Это Я» (осознание самого себя с позиции профессиональной деятельности, оценивание своих профессиональных действий и поступков).

Для проверки выдвинутой гипотезы исследования выполнялось сравнение ряда психодиагностических показателей, полученных благодаря выбранным психодиагностическим методикам. Так, в рамках экспериментальной части проведённого исследования результаты корреляционного анализа показали, что формирование положительного «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции обусловлено основными сущностными признаками и особенностями. Прямая корреляционная зависимость обнаружена между «положительным образом сотрудника Госавтоинспекции» и «степенью профессиональной самореализации личности именно в данной профессии»

($r=0,341$). «Возможность профессиональной самореализации» ($p=0,040$) как один из существенных признаков формирования «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции при корреляционном анализе двух показателей сравниваемых экспериментальных групп («служить до получения права на пенсию» и «планирую увольнение») показал значительные отличия от других признаков. Это свидетельствует о том, что сотрудники Госавтоинспекции, которые не планируют увольнение, также наиболее лояльны к выбранной профессии и более привязаны к своей профессиональной деятельности.

Кроме того, корреляционный анализ показал прямую зависимость между профессионально личностными характеристиками и «положительным образом сотрудника Госавтоинспекции»: «уверенностью» ($r=0,4909$), «воспитанностью» ($r=0,4909$), «доброжелательностью» ($r=0,4909$), «принципиальностью» ($r=0,4901$), «толерантностью» ($r=0,403$) [10, с. 21].

Обнаружена также взаимосвязь между стажем службы в Госавтоинспекции, профессиональными качествами личности и мотивационными факторами выбора профессиональной деятельности. Так, например, сотрудники Госавтоинспекции, стаж службы которых по указанной должности составляет до 5 лет, являются ответственными ($r=0,370$), доброжелательными ($r=0,376$), коммуникабельными ($r=0,376$) и т. д. Но в то же время эти сотрудники не обладают профессиональными компетенциями, присущими более опытным коллегам, что, в свою очередь, влияет на качество служебной деятельности и уровень дисциплинированности ($r=-0,376$).

Внешним значимым социально-психологическим фактором в нашем исследовании, обуславливающим содержание служебной деятельности и качество профессионального общения сотрудников Госавтоинспекции, являлось общественное мнение о них.

В ходе проводимого корреляционного анализа установлено, что одной из важнейших причин увольнения сотрудников Госавтоинспекции и поиска новой работы является отрицательное общественное мнение о деятельности подразделений Госавтоинспекции.

Одновременно большинство населения, негативно относящееся к деятельности сотрудников Госавтоинспекции, наделяет их отрицательными личностными качествами: хамством ($p=0,002$), мстительностью ($p=0,003$), ленью ($p=0,014$), равнодушием ($p=0,027$) и агрессивностью ($p=0,027$).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты исследования обладают научной новизной и представляют ценность для психологической теории и практики благодаря разработанной методологически обоснованной структурно-функциональной основе социально-психологических механизмов формирования

«Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции через призму влияния общественного мнения.

Поэтапное целенаправленное психологическое воздействие при формировании «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции обусловлено тем, что главный признак при отборе социально-психологических механизмов заключался в существующих закономерностях влияния внешних факторов на внутреннее представление личности о самой себе.

Выделенные нами социально-психологические механизмы основываются на социально-психологических механизмах идентификации, в частности на концепции профессиональной идентификации, которая помогает личности отождествлять себя с социальным окружением, с аспектами профессиональной деятельности.

Предложенная логическая последовательность выделенных нами социально-психологических механизмов базируется на теоретическом обосновании и экспериментальном подтверждении эффективных средств и методов целенаправленного специально организованного психологического воздействия на формирование положительного «Я-образа» сотрудников Госавтоинспекции посредством эффективной психотехнологии в форме тренинговой работы, основанной на проблемно-ситуационном моделировании актуальных профессиональных задач, способствующих нейтрализации отрицательного воздействия общественного мнения на «Я-образ» сотрудника Госавтоинспекции и повышению качества служебной деятельности.

В проведенном исследовании раскрыты этапы формирования «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции с использованием социально-психологических механизмов (самоидентификации, социальной идентификации, социальной рефлексии, профессиональной самоидентификации), способствующих регуляции служебного поведения и нейтрализации негативного влияния общественного мнения.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 07.09.2022

Статья размещена на сайте: 13.01.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р. «Образ я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 6. С. 4–16.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / под общ. ред. В. Я. Пилиповского. М.: Прогресс, 1986. 422 с.

3. Бондаренко Т. А. Влияние СМИ на политические установки избирателей в конце 90-х гг. XX – начале XXI века: политико-психологический анализ // Современное общество и власть. 2016. № 1. С. 39–44.
4. Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии, 1996. 510 с.
5. Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
6. Кохут Х. Восстановление самости / пер. с англ. А. Боковой. М.: Когито-Центр, 2017. 316 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 352 с.
8. Ложкина Н. В. Изучение особенностей влияния негативного воздействия общественного мнения на формирование «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции // Человеческий капитал. 2021. № 4. С. 104–111.
9. Ложкина Н. В. К вопросу о социально-психологических факторах, влияющих на формирование профессионального «Я-образа» сотрудника Госавтоинспекции // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 февраля 2020 г. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 312–316.
10. Ложкина Н. В. К вопросу о влиянии общественного мнения на формирование личности сотрудника Госавтоинспекции // Юридическая психология. 2020. № 2. С. 21–24.
11. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Питер, 2012. 224 с.
12. Салливан Г. С., Роттер Дж., Мишел У. Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности / пер. с англ. М.: Прайм-Еврознак, 2007. 128 с.
13. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского университета, 1983. 284 с.
14. Хорни К. Самоанализ / пер. с англ. А. Боковой. СПб.: Питер, 2019. 224 с.
15. Эриксон Э. Трагедия личности / пер. с англ. Е. Длугача, М. Хорькова, Л. Бессоновой. М.: Родина, 2019. 256 с.

REFERENCES

1. Abdullin A. G., Tumbasova E. R. [The study of “Self-image” in foreign and domestic psychology]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2012, no. 6, pp. 4–16.
2. Burns R. Self-concept development and education (Rus. ed.: Pilipovskii V. Ya., ed. *Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie*. Moscow, Progress Publ., 1986. 422 p.).
3. Bondarenko T. A. [The influence of the media on the political attitudes of the voters in the late 90s. XX - early XXI century: political and psychological analysis]. In: *Sovremennoe obshchestvo i vlast'* [Modern society and power], 2016, no. 2, pp. 39–44.

4. Vygotsky L. S. *Psikhologiya razvitiya kak fenomen kul'tury: izbrannye psikhologicheskie Trudy* [Development Psychology as a culture phenomenon: the selected works on psychology]. Moscow, Institut prakticheskoi psikhologii Publ., 1996. 510 p.
5. Kon I. S. *Otkrytie «Ya»* [Opening of "Self"]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 376 p.
6. Kohut H. The Restoration of the Self (Rus. ed.: Bokovikov A., transl. *Vosstanovlenie samosti*. Moscow, Kogito-Centr, 2017. 316 p.).
7. Leontyev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 352 p.
8. Lozhkina N. V. [Study of the impact of the negative impact of public opinion on the formation of the "I-image" of the state traffic police officer]. In: *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 2021, no. 4, pp. 104–111.
9. Lozhkina N. V. [On the issue of socio-psychological factors influencing the formation of a professional "I-image" of an employee of the State traffic inspectorate]. In: *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statei XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 15 fevralya 2020 g.* [Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the XXXI International Scientific and Practical Conference, Penza, February 15, 2020]. Penza, Nauka I Prosveshcheniye Publ., 2020, pp. 312–316.
10. Lozhkina N. V. [On the influence of a public opinion on the formation of the personality of an employee of the State road safety inspectorate]. In: [Legal psychology], 2020, no. 2, pp. 21–24.
11. Rubinshtein S. L. *Chelovek I mir* [Human and the world]. Moscow, Piter Publ., 2012. 224 p.
12. Sullivan G. S., Rotter J., Mischel W. Interpersonal Relationship Theory and Cognitive Theories of Personality (Rus. ed.: *Teoriya mezhlichnostnykh otnoshenii i kognitivnye teorii lichnosti*. Moscow, Praim-Evroznak Publ., 2007/ 128 p.).
13. Stolin V. V. *Samoznanie lichnosti* [Self-awareness of the individual]. Moscow, Moscow State University Press Publ., 1983. 284 p.
14. Horney K. Self-analysis (Rus. ed.: Bokovikov A., transl. *Samoanaliz*. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 224 p.).
15. Erikson E. The tragedy of personality (Rus. ed.: Dlugach E., Horkova M., Bessonova L., transl. *Tragediya lichnosti*. Moscow, Rodina Publ., 2019. 256 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ложкина Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России; e-mail: lozhkina.2015@mail.ru

Natalia V. Lozhkina – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Department for the Study of Problems of Psychological support of Operational and Service Activities of the Department for the Study of Problems of Branch Management of the Research Center of the Academy of Management, Ministry of Internal Affairs; e-mail: lozhkina.2015@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ложкина Н. В. «Я-образ» сотрудников Госавтоинспекции: понятие и некоторые аспекты его формирования // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Lozhkina N. V. "Self-image" of traffic police officers: the concept and some aspects of its formation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811.11-112

Аверина А. В.

Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ПОЗИЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Представить концепцию уровневой организации системы частей речи и предложить их интерпретацию с позиции внутренней перспективы говорящего.

Процедура и методы. Использовались общенаучные методы анализа и синтеза, а также лингвистические методы контекстуального и трансформационного анализа.

Результаты. В работе изложена концепция уровневого построения системы частей речи. Раскрыты факторы, влияющие на переходы слов из одной части речи в другую. Показано, что внутренняя перспектива находит реализацию в частях речи в форме представления явлений и объектов окружающей действительности, в системе грамматических категорий и в дейктичности.

Теоретическая и практическая значимость. Публикация вносит определённый вклад в развитие концепции частеречной дифференциации слов и критериев их разграничения. Полученные результаты могут быть использованы в процессе изучения курсов «Общее языкознание» и «Сравнительная типология немецкого и русского языков».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

части речи, дейктичность, грамматикализация, прагматикализация, уровень предложения, уровень текста

СТРУКТУРА

Введение

Принципы организации слов в системе частей речи. Существующие подходы к дифференциации частей речи. Части речи как отражение внутренней перспективы

Первый уровень системы: знаменательные части речи

Второй уровень системы: части речи в структуре предложения

Третий уровень системы: части речи в структуре текста

Заключение

A. Averina

Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF PARTS OF SPEECH AND THEIR INTERPRETATION FROM AN INTERNAL PERSPECTIVE (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN)

ABSTRACT

Aim. To introduce the concept of the level organization of the parts of speech system and to offer their interpretation from the speaker's internal perspective.

Methodology. General scientific methods of analysis and synthesis, as well as linguistic methods of contextual and transformational analysis were used in this work.

Results. The paper presents the concept of a level-based construction of the parts of speech system. The factors influencing the transitions of words from one part of speech to another are revealed. It is shown that the internal perspective finds its realization in parts of speech in the form of representation of phenomena and objects of the surrounding reality, as well as in the system of grammatical categories and in deicticity.

Research implications. The study makes a certain contribution to the development of the concept of partial differentiation of words and criteria for their differentiation. The results obtained can be used in such academic courses as "General linguistics" and "Comparative typology of German and Russian languages".

KEYWORDS

parts of speech, deicticity, grammaticalization, pragmatization, sentence level, text level

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания данной публикации – уровневая организация частей речи и варианты реализации в этой системе внутренней перспективы говорящего. Как известно, такие вопросы, как состав частей речи и принципы их выделения в языках различного строя, относятся к сложным и дискуссионным: традиционные критерии (семантический, морфологический и синтаксический) не всегда могут дать объяснение перехода слов из одной части речи в другую, сложности возникают при формулировке обобщённого значения каждого класса, а дифференциация служебных слов зачастую затруднена. Следует учесть и исследования последних лет, посвящённые анализу коннекторов, маркеров хеджирования и дискурсивных слов. В роли коннекторов и дискурсивных слов могут выступать и союзы, и частицы, и модальные слова. В этой связи возникает вопрос о соотношении таких феноменов, как *коннектор*, *частица*, *союз*, *модальное слово*, *дискурсивное слово*, *модальная частица*, *дискурсивная частица*. Необходимость решения обозначенных проблем объясняет актуальность данной публикации.

В качестве теоретической базы послужили работы В. В. Виноградова [2], В. Г. Адмони [1; 11], О. И. Москальской [22], А. Ф. Лосева [5] и других исследователей. Исходным постулатом явилось наблюдение В. В. Виноградова [2], что целесообразно выделять в системе категорий слов собственно части речи и части речи в структуре предложения. Эта концепция послужила отправной точкой построения уровневой системы частей речи. Ряд существенных вопросов объясняет исследование Э. Лайсс [21], в котором показано соотношение между одноплановыми и многоплановыми дейктиками и грамматикализацией модальных маркеров. Схожие наблюдения имеют место в работе В. Абрахама [9]: в ней модальные частицы немецкого языка представлены как трёхплановые дейктики. В данной статье учитываются наблюдения отечественного философа и лингвиста А. Ф. Лосева, что части речи отражают интерпретацию говорящим явлений окружающей действительности [5]. Автор публикации исходит из того, что дифференциация частей речи должна осуществляться не только с логической, но и с коммуникативной точек зрения. Значимы исследования о грамматикализации [13] и прагматикализации [23] элементов языковой системы, о соотношении грамматикализации и дейктичности [17].

Цель публикации – представить концепцию уровневой организации системы частей речи и предложить их интерпретацию с позиции внутренней перспективы говорящего. Задачи исследования состоят в следующем: (1) сделать обзор существующих концепций распределения слов по частям речи; (2) представить и обосновать целесообразность уровневого представления системы частей речи; (3) проанализировать вопрос, каким образом в системе частей речи находит свою реализацию перспектива говорящего; (4) затронуть вопрос о критериях дифференциации слов по частям речи на каждом уровне.

Теоретическая значимость публикации определяется тем, что она вносит определённый вклад в развитие концепции частеречной дифференциации слов и критериев их разграничения. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе изучения курсов «Общее языкознание» и «Сравнительная типология немецкого и русского языков». Для демонстрации были использованы примеры из Национального корпуса русского языка и из немецкого корпуса DWDS. Проведение исследования стало возможным благодаря использованию общенаучных методов анализа и синтеза, методов контекстуального и трансформационного анализа.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.
СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОДХОДЫ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.
ЧАСТИ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

В. В. Виноградов осуществляет дифференциацию слов по частям речи с учётом следующих параметров: 1) различий тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различий морфологического строя слов и форм слов; 3) различий вещественных (лексических) значений слов; 4) различий в способе отражения действительности; 5) различий в природе тех соотносительных и соподчинённых грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи [2, с. 41, 42]. Особенность концепции В. В. Виноградова заключается в том, что он пишет о «категориях слов», включающих в себя 1) части речи, 2) модальные слова, 3) междометия и 4) систему частей речи в структуре предложения. К частям речи относятся: I. Имена: существительное, прилагательное и числительное; II. Местоимения; III. Глагол; IV. Наречие; V. Категория состояния. К системе частей речи в структуре предложения В. В. Виноградов относит: 1) Частицы в собственном смысле; 2) Частицы-связки; 3) Предлоги; 4) Союзы [2].

Предложенная В. В. Виноградовым дифференциация слов учитывает и лексическое значение слова, и его функциональное назначение в предложении, и различия в морфологии. Ценно его замечание, что *«в живом языке ... нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими при-мыкая к разным категориям»* [2, с. 44, 45]. Действительно, в системе частей речи можно наблюдать явления переходности. Переходность может иметь место не только среди знаменательных частей речи: хорошо известны случаи использования междометий в функции существительного, возможна и субстантивация предлогов:

(1) Особенно мучили меня **аху** и **охи**: «Вы знали **Н!**»¹;

(2) Рыбачка, вы как никто меня поняли, именно перечислив все эти **НО**².

Несомненным достоинством концепции В. В. Виноградова можно считать выявление системы частей речи в структуре предложения. Служебные части речи функционируют на уровне предложения и текста, выполняя связующую функцию и участвуя в выражении субъективной оценки ситуации говорящим. Критерии частей речи, предложенные В. В. Виноградовым, учитываются и авторами Русской грамматики. Отличия прослеживаются лишь в наборе частей речи: В. В. Виноградов выделяет в отдельную часть речи мо-

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

² Там же.

дальные слова и слова категории состояния, в то время как в Русской грамматике выделяют имя существительное, местоимение, имя прилагательное, имя числительное, наречие, глагол, предлог, союз, частицу, междометие [7, с. 445].

В немецких грамматиках дифференциация частей речи осуществляется по схожим критериям, хотя их набор различен у разных авторов. В грамматике Г. Хельбига и Й. Буша базовый принцип дифференциации слов по частям речи – синтаксический, поскольку, по мнению авторов, именно по дистрибутивному окружению можно однозначно судить о принадлежности слова к какой-либо части речи. Так, в высказывании (a) *Der ... arbeitet fleißig* в роли пропуска однозначно должно выступать имя существительное, а в предложении (b) *Der Schüler ... fleißig* – глагол. Дистрибуция позволяет судить о принадлежности слова к той или иной части речи в немецком языке, поскольку порядок слов в нём фиксирован [14, р. 19, 20].

В отечественной германистике на дифференциацию слов по частям речи оказали влияние взгляды русистов. О. И. Москальская рассматривает вслед за В. В. Виноградовым три критерия разделения слов по частям речи: (a) обобщённое значение класса слов; (б) синтаксическую функцию слова; (в) морфологические особенности (изменяемость / неизменяемость). Она выделяет:

I. Самостоятельные части речи:

1. номинативные (существительное, прилагательное, глагол, наречие);
2. указывающие (местоимение);
3. служащие для подсчётов (числительное);

II. Служебные части речи:

1. с синтаксической функцией (предлог, союз, связка, частица);
2. с морфологической функцией (артиклъ и вспомогательный глагол);

III. Модальные слова;

IV. Междометия [22].

Как видно из приведённой классификации, О. И. Москальская, как и В. В. Виноградов, не относит модальные слова и междометия ни к знаменательным, ни к служебным частям речи, а местоимения и числительные обладают особым статусом.

Аналогичные критерии разграничения предлагает и В. Г. Адмони. В его грамматике выделено 13 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, отрицание, глагол, наречие, модальное слово, артиклъ, предлог, союз, частица и междометие. Некоторые классы слов (например, предлог, союз) являются служебными, другие относятся к знаменательным частям речи [1, с. 72, 73]. Особого внимания заслуживает идея В. Г. Адмони [11] о полевой организации частей речи. Суть её в том, что

специфика слов или словоформ не может быть исчерпана каким-то одним признаком – она должна базироваться на совокупности признаков, распределение которых не может осуществляться равномерно по всем классам слов или словоформ. Именно поэтому полевую структуру целесообразно рассматривать в качестве организующего звена передаваемых словами грамматических признаков. В любом языке наличествуют типы слов, имеющие определённый набор грамматических признаков, наряду с теми словами, у которых эти признаки выражены в меньшей степени. Таким образом, лексико-грамматические классы слов с характерным для них набором признаков образуют центр поля – их и рассматривают в грамматике как части речи. Некоторые словоформы могут принадлежать сразу к двум и более классам слов (например, краткая форма прилагательного в немецком языке или числительные) [11, р. 311, 312].

Полевой подход может объяснить способность числительных выступать в ролях различных частей речи (*первый, миллион, пятёрка, два*), однако сложности остаются при попытке сформулировать общую семантическую базу для таких разнородных слов, как *миллион, сон, белизна, пение, стол* и т. д. Речь идёт, например, о количестве (*миллион*), процессе (*сон*), свойстве (*белизна*), действии (*пение*) и предмете (*стол*), хотя все перечисленные слова обладают категориями рода, падежа и числа и выполняют схожую синтаксическую функцию. Переходы слов из одной части речи в другую и полевою структуру частей речи можно объяснить тем, что в коммуникативной ситуации находит реализацию перспектива говорящего. Именно с данных позиций трактуют части речи А. Ф. Лосев [5] и Э. Лайсс [20; 21].

А. Ф. Лосев отмечает, что грамматические категории должны быть понимаемы с коммуникативной точки зрения. Акт общения должен отличаться от логических актов: *«Переходным звеном от абстрактного логического акта к акту коммуникативному является выбор из логической структуры тех её элементов, которые предназначаются для сообщения одним сознанием другому сознанию»* [5, с. 311].

Коммуникативная сфера использования языка резко отличается от абстрактно-логической мыслимости предметов. Чтобы сообщить нечто из воспринимаемого предмета другому сознанию, надо *«взять предмет с той стороны, которая нужна для сообщения»* [там же]. Акт понимания отличается от акта мышления: если мышление стремится дать мыслительную формулу предмета, акт понимания имеет своей целью *«понять этот предмет и ... сообщить его другому сознанию»*. Соответственно, акт понимания – это интерпретация предмета. Данная трактовка может объяснить, например, способность временных форм настоящего времени указывать на прошедшее и наоборот (3). *Иду я вчера по улице и вижу – народ будто стоит, скопив-*

шись подле ворот. (М. М. Зощенко)³; (4) *Господи, боже мой! пропал я, пропал совсем.* (Н. В. Гоголь)⁴). А. Ф. Лосев делает вывод, что «любая грамматическая форма, вообще говоря, в предметном смысле может иметь любое значение» [5, с. 315]. Соответственно, когда мы говорим о частях речи, то должны иметь в виду, что любая часть речи может выражать «любые категории и любые предметы и их субстанции, и качества, и количества, и действия, и страдания, и состояния, и отношения» [там же, с. 316]. Так, «хождение» и «ходить» отличаются между собой не предметно и не логически, а как «акты понимания одного и того же явления». Количество можно понимать как субстанцию («единица», «двойка»), как качество («первый», «третий») и как образ действия («вдвойне», «втройне»). Таким образом, любая часть речи представлена «двумя нераздельными актами, из которых один есть акт предметной направленности, а другой есть акт выбора из этого фиксируемого предмета тех его элементов, которые направляются одним сознанием для сообщения другому сознанию» [там же, с. 317].

Э. Лайсс выстраивает свою концепцию на постулатах схоластов Средневековья – модистов. Функция грамматики может быть определена через модусы (способы) обозначения. Так, например, местоимения служат не для отражения действительности, а для представления действительности через позицию говорящего [21, р. 70]. Перспектива говорящего находит свою реализацию в системе грамматических категорий знаменательных слов – таких как, например, имя существительное или глагол.

Таким образом, части речи целесообразно рассматривать и как отражение логических категорий, и как интерпретацию ситуации говорящим. Знаменательные части речи, способные выполнять номинативную функцию, отражают видение говорящим явлений окружающего мира и интерпретируют их с его позиции. Они образуют первый базовый уровень системы. Второй уровень системы частей речи – части речи в структуре предложения, генетически восходящие к знаменательным частям речи. Специфика этих классов слов состоит в неизменяемости и наличии обобщённого грамматического значения. Функциональное назначение слов данного уровня – интерпретация говорящим смысловых связей между событиями / явлениями / фактами и оценка ситуации с позиции реальности / ирреальности, возможности и т. д. Аналогичные функции выполняют части речи в структуре текста. Общая для всех уровней закономерность заключается в следующем: принадлежность слова к конкретной части речи определяют коммуникативная ситуация и перспектива говорящего. Так, немецкое слово *laufen* может быть глаголом, а может переходить в разряд существительных (*das Laufen*); *denn* может быть

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

и союзом, и модальной частицей, и дискурсивным словом. Остановимся на более подробном описании соотношения логического и интерпретативного компонентов в системе частей речи для каждого отдельного уровня, а также на формах проявления внутренней перспективы говорящего.

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ СИСТЕМЫ: ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

К знаменательным частям речи относятся имена существительные, прилагательные, глаголы, местоимения и наречия. В русской грамматике имя существительное получает определение как «часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода» [7, с. 458]. В немецких грамматиках имени существительному приписывается основное вещественное значение [1, с. 92]; оно рассматривается как предмет общения [15, р. 133] и ему свойственно наличие одного из параметров: конкретности или абстрактности, одушевлённости или неодушевлённости, принадлежности к именам собственным или нарицательным. Глагол авторы русской грамматики интерпретируют как часть речи, обозначающую процесс и выражающую это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица [7, с. 580]. Е. Хенчель и Х. Вайдт [15, р. 32] трактуют глагол как часть речи, обозначающую действия и время («Zeitwörter», «Tätigkeitswörter»). В трактовке имени прилагательного авторы русской грамматики выдвигают на первый план непроцессуальный признак предмета, который находит выражение в морфологических категориях рода, числа и падежа [7, с. 538]. В немецких грамматиках указывается на способность прилагательного передавать качества / свойства предмета [15, р. 178], а само по себе прилагательное служит прежде всего для более точного определения имени существительного [1, с. 143]. Перечисленные трактовки характеризуют глагол, существительное и прилагательное с логической точки зрения как обозначения предметов, действий и признаков и раскрывают свойственные им грамматические категории. Представим эти части речи и их категории с позиции внутренней перспективы.

Согласно концепции А. Ф. Лосева [5] имя существительное – это не предмет и не лицо, а представление явлений действительности (действий, предметов, качеств) как субстанции (*бег, прыжки, хождение, синева, дом*)⁵. Глагол – интерпретация какого-либо явления как действия или как состояния (*прыгать, утраивать, ждать, воспринимать*), а имя прилагательное – как свойства (*оголтелый, быстрый*). В свою очередь, имена существительные и глаголы могут быть тоже разделены на классы, и в этой дифференциации, как отмечает Э. Лайсс [20], находит отражение видение говорящим предме-

⁵ Схожие наблюдения см. [3].

та или действия. Исчисляемость / неисчисляемость для существительных и предельность / неопредельность для глаголов – это и есть различные модусы обозначения, т. е. разное представление о вещи и видение предмета [20, р. 68]. Выбор нужной формы определяет перспектива: благодаря ей видно, воспринимается ли происходящее (предмет или событие) как нечто целостное (внешняя перспектива) или нет (внутренняя перспектива). Так, предельные глаголы кодируют в своей семантике внешнюю перспективу, а неопредельные – внутреннюю перспективу; аналогично и имена существительные могут быть исчисляемыми (внешняя перспектива) и неисчисляемыми (внутренняя перспектива). Обе перспективы базируются на характеристике позиции говорящего: внешняя перспектива отражает событие без привязки к наблюдателю, в то время как при характеристике действия с позиции внутренней перспективы говорящий / наблюдатель находится как бы в центре событий [там же].

В традиционной грамматике наречия трактуются как часть речи, обозначающая «*непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства*» [7, с. 701], основное содержание класса наречий – признак [1, с. 207] или обстоятельство, при котором находит реализацию определённое действие [15, р. 235]. Местоимения В. Г. Адмони относит к частям речи, входящим в группу существительного: их отличительное свойство заключается в том, что они связаны с речевым актом [1, с. 152], указывая на обозначаемые объекты [15, р. 214]. В системе местоимений и наречий внутренняя перспектива проявляется в дейктичности: они участвуют в реализации темпорального (*завтра, сегодня*), локального (*здесь*), персонального (*я, ты*) и предметного (*он, она, оно*) дейксиса, интерпретация которого может находить реализацию только в конкретной ситуации. Именно с позиции говорящего можно ответить на вопросы, какой именно объект обозначен местоимениями *он, она, оно* и о какой временной точке может идти речь, если использовано наречие *здесь*.

Таким образом, базовый ярус системы частей речи, способных выполнять номинативную функцию, образован существительными, прилагательными, глаголами, наречиями и местоимениями. Внутренняя перспектива, находящая реализацию в определённой коммуникативной ситуации, определяет выбор знаменательной части речи (*das Blau – blau, das Springen – springen, du – Max, das Jetzt – jetzt*), соответствующей грамматической формы (*der Stein – das Gestein; прыгал – прыгнул*) или влияет на способ представления действительности через позицию говорящего (*Sie – du, ты – Вы*).

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ СИСТЕМЫ: ЧАСТИ РЕЧИ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Части речи в структуре предложения – это грамматикализованные языковые единицы. Их отличие от знаменательных частей речи состоит в том,

что они не называют, а передают обобщённое грамматическое значение, соединяя слова в предложении. Части речи в структуре предложения обладают различной степенью грамматикализации, что, в свою очередь, влияет на их синтаксические свойства, что было рассмотрено ранее в одной из работ автора [12].

Языковой маркер постепенно проходит ступени грамматикализации, переходя от лексических элементов к грамматическим. К параметрам грамматикализации причисляют, как правило, следующие: (1) потерю семантического и структурного веса языковой единицы; (2) когезию, т. е. связь языкового элемента с другими; (3) вариативность: грамматикализированный элемент сложно заменить другим, в отличие от лексического [19]. Таким образом, грамматикализированные показатели приобретают способность выполнять абстрактную грамматическую функцию [17, р. 99]. Классическим примером грамматикализации может служить форма *Präteritum* в немецком языке, образованная от слабых глаголов: суффикс *-te* восходит к германскому полнозначному глаголу **dōn* 'tun', образованному от индоевропейского корня **dʰē* ('сажать'). Ввиду того, что глагол *tun* обозначает неспецифическое действие (в отличие от глаголов типа *malen*), стала возможной его грамматикализация. В английском языке в этой роли выступает вспомогательный глагол *do*, необходимый для образования вопросительных и отрицательных предложений в различных временных формах: *He doesn't / didn't sleep well* [24, р. 112, 113].

Служебные слова производны от знаменательных. Так, анализируя немецкие предлоги, М. Л. Котин отмечает, что, как правило, они происходят от локальных показателей, хотя темпоральные и каузальные слова как исходные при этом не исключены. Так, например, предлог *statt* берёт свое начало от корня имён существительных *Stadt / Städte*, в русском языке аналогичную ситуацию можно проследить с предлогом *вместо*. Союзы, в отличие от предлогов, берут своё начало от темпоральных наречий [17, р. 203].

Частицы немецкого и русского языков также происходят от полнозначных слов: от глаголов (*ведать* → *ведь*, *пускать* → *пускай*), наречий (*просто*, *прямо*, *dann* → *denn*), местоимений (*то* (указат. мест.) → *вот*, *doch*) и т. д.

Обобщённость грамматического значения объясняет, почему служебные слова могут выполнять несколько функций. Так, например, союз *und* в немецком языке может выступать не только как аддитивный коннектор, соединяя части предложения или однородные члены, но и как показатель следственных (5), временных (6) или уступительных (7) отношений – его полноценная интерпретация возможна только с учётом контекста:

(5) *Wir sind zum Beispiel stark in der Automobilindustrie **und** können jetzt gezielter investieren*⁶ (= *Wir sind stark in der Automobilindustrie, folglich können wir jetzt gezielter investieren*).

(6) *Dann wischt sie sich die Tränen aus dem Gesicht **und** verabschiedet sich*⁷ (= *Sie wischt sich die Tränen, dann verabschiedet sie sich*).

(7) *Das ist gut zehn Jahre her, **und** wir leiden noch immer darunter*.⁸ (= *Obwohl das schon zehn Jahre her ist, leiden wir schon immer darunter*)

Аналогичную ситуацию можно проследить и в случае использования других союзов [18], данное свойство присуще и союзам русского языка.

Многофункциональность прослеживается и в случае употребления модальных частиц немецкого и русского языков: они не только выражают отношение говорящего к происходящему, но и могут выступать одновременно как связующие элементы, участвуя в создании каузальных (8) или адверсативных (9) отношений между частями предложения, или переходят из разряда модальных (10) в разряд фокусных (11):

(8) *Но мой дом сносить нельзя, – убедительно сказал Алексей Тихонович. – Он **же** новый, он недостроенный даже!*⁹.

(9) *He успел я просидеть дома и пяти минут, а вслед за этим начался такой ливень, что через 15 минут по дорогам потекли реки, а везде сверкали лужи. Я **же** в это время писал дневник...*¹⁰.

(10) *300 Millionen – das ist **ja** nicht nur einfach eine Zahl*¹¹.

(11) *Stattdessen Heiterkeit, Freundlichkeit, **ja** Zärtlichkeit*¹².

Служебные части речи как грамматикализованные элементы незаметны при построении высказывания. Дифференциация служебных частей речи может осуществляться по способу интерпретации смысловых связей между событиями, как это можно было проследить на примерах (5)–(11), и по дейктичности (одноплановая / многоплановая). Не все служебные слова дейктичны, а само по себе проявление дейктичных свойств осуществляется не в равной мере. Так, союзы и предлоги могут обладать, а могут и не обладать дейктичными свойствами (например, предлоги типа *возле, перед* (рус.), *vor, hinter* (нем.) дейктичны, маркируя локальный дейксис; дейктичны союзы типа *nachdem* и *bevor*, но вряд ли можно говорить о дейктичности союза *oder*). Дейктичны модальные слова и модальные частицы (о модальном дейксисе

⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

¹² Там же.

см. [13]). Степень проявления дейктичных свойств и синтаксической связанности служебных слов различна. Модальные слова немецкого и русского языков обладают меньшей степенью грамматикализованности и, соответственно, большей степенью синтаксической свободы. Сравним следующие высказывания:

(12) **Наверное**, вам нужны гладиолусы¹³;

(12') Вам, **наверное**, нужны гладиолусы;

(12'') Вам нужны гладиолусы, **наверное**.

В (12) модальное слово *наверное* занимает позицию в начале предложения, в (12') – в середине, в (12'') – в конце предложения. Схожая, но не полностью идентичная ситуация имеет место в немецком языке, сравним:

(13) **Vielleicht** hat er recht¹⁴;

(13') Er hat **vielleicht** recht;

Позиция модального показателя *vielleicht* на последнем месте невозможна ввиду того, что эпистемические маркеры занимают позицию в верхней части среднего поля немецкого предложения (подробнее о позиции см. [10]).

Поскольку модальные слова могут быть истолкованы вне контекста (*vermutlich, wahrscheinlich, vielleicht* и т. д. (нем.) и *возможно, наверное, вероятно* и т. д. (рус.)), их можно рассматривать как языковые единицы, обладающие слабой степенью грамматикализованности [13]. Э. Лайсс трактует их как лексические показатели с одноплановой дейктичностью [21]: они выражают либо эпистемичность, как в (12) и (13), либо только эвиденциальность, как в (14) и (15):

(14) **Angeblich** macht sie die besten Pönnukökur der ganzen Insel¹⁵;

(15) **Очевидно**, что остроота проблемы учёта маятниковых перемещений будет увеличиваться¹⁶.

По всей видимости, именно это обстоятельство и объясняет возможности перехода модальных слов в разряд прилагательных (*очевидные доказательства* (рус.), *der angebliche Täter* (нем.)) и частиц. Так, модальное слово *vielleicht* в немецком языке может приобретать свойства частицы, теряя значение предположения и меняя интенцию говорящего, например:

(16) „Du bist mir **vielleicht** ein Bayern-Fan!“, grummelt Rahel dann¹⁷ –

¹³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁴ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁵ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁷ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

«Нашёлся мне ещё баварский фанат! – заворчал Рахель (перевод автора).

Обязательным условием при этом является интонирование личной формы глагола. На данном примере можно проследить синтаксическую связанность слова *vielleicht*: в роли частицы оно выступает только в среднем поле предложения, следуя за ударной финитной формой глагола и словом *mir* в функции частицы.

Аналогичную ситуацию можно проследить и в русском языке. Так, слово *конечно* в комбинации с *да* и *уж* теряет своё прямое лексическое значение и выступает в функции частицы, а само высказывание приобретает противоположный оттенок – сомнение:

(17) – Да уж **конечно**, ага, – скептически сморщилась Орли¹⁸.

Большая синтаксическая связанность характерна для двуплановых и трёхплановых дейктиков. К двуплановым дейктикам в русском языке можно отнести модальные частицы *мол*, *дескать*, *якобы*. Как правило, они занимают позицию после указания на источник сообщаемой информации и перед той новой информацией, которая сообщается. В высказываниях такого рода находят реализацию (1) указание на источник информации и (2) сомнение говорящего в истинности сообщаемой информации, сравним:

(18) Но, к сожалению, сейчас при упоминании его имени многие делают ироничную улыбку... **мол**, какой он режиссер...¹⁹;

(19) По его словам, накопительная система не решает проблемы, потому что значительную часть средств предлагается в обязательном порядке вкладывать в государственные ценные бумаги – **якобы** для того, чтобы обеспечить гарантии²⁰.

Аналогичную функцию в немецком языке выполняют глаголы *wollen* / *sollen* во вторичном значении, на основании чего можно говорить о целесообразности их причисления к служебным словам, например:

(20) Bei heise.de gibt es ein Bericht darüber, dass eine Computerfirma GEZ-Mitarbeiter bestochen haben **soll**²¹.

Для русского и немецкого языков характерно наличие частиц, которым свойственна интерсубъективность, т. е. скрытая апелляция к собеседнику и попытка скорректировать его позицию. На этом основании слова такого рода в немецком языке В. Абрахам совершенно справедливо трактует как трёхплановые дейктики [9], сравним:

¹⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

(21) А он вдруг как-то странно вздрогнул, даже не спросив, какого, и говорит: «Но он **же** денег не берёт!»²²;

(22) Ihm sei **ja** nichts anderes übriggeblieben, sagt Maria Hanika²³.

Позиция этих частиц в структуре предложения также несвободна: они не могут занимать позицию в начале предложения (**Же он денег не берет. *Ja sei ihm nichts anderes übriggeblieben*), что объясняется сильной степенью проявления их грамматикализованности.

Таким образом, внутренняя перспектива в системе частей речи в структуре предложения проявляется в их дейктичности и в способе интерпретации связей между событиями, что, в свою очередь, влияет на их позицию в структуре предложения.

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ СИСТЕМЫ: ЧАСТИ РЕЧИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

К частям речи в структуре текста можно отнести дискурсивные слова, дискурсивные частицы, союзы и союзные слова, соединяющие не части предложения, а предложения в тексте. В целом ряде случаев части речи в структуре предложения функционируют как части речи в структуре текста.

Частицы и некоторые союзы не только служат для соединения частей предложения, но и участвуют в создании когерентности текста, сравним:

(23) *Wir hatten nie den Eindruck, dass er mittellos sei, was tatsächlich ja der Fall war. Er lag uns, wie man sagt, auf der Tasche. Wir hatten **ja** Geld*²⁴.

В (23) использование модальной частицы *ja* в последнем предложении служит для его соединения с предыдущим: на уровне микротемы находят реализацию каузальные отношения. Свойством частиц как многоплановых дейктиков является их способность соединять не части предложения, а предложения или даже микротемы в составе целостного текста. Так, если мы рассмотрим следующее высказывание, увидим, что частицы *же* и *вот и* скрепляют предложения в высказывании: на уровне микротемы они участвуют в передаче каузальных отношений:

(24) *Но в искусстве, как в солдатской бане, – пустых скамеек не бывает! **Вот и** поёт где-то вместо Сергея Митрофановича безголоный, тугой на ухо человек. Он **же** всё, что не трудом добыто, ценить не научен...*²⁵.

Коннекторные свойства частиц можно объяснить с позиции коммуникативного членения высказывания: как правило, частицы предшествуют новой информации, предваряя рему и следуя за уже известной информацией. В

²² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

²³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁴ Timm U. Johannisnacht. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 235 p.

²⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

микротексте имеют место предложения, содержащие только новое, – частица, предшествуя реме, «скрепляет» её с темой предыдущего предложения. Если соответствующую частицу или коннектор нельзя опустить без ущерба для интерпретации логических связей, возникающих на уровне микротекста, речь идёт о грамматикализованных элементах языковой системы, что отражено в параметрах грамматикализации.

Дискурсивные маркеры, исследованию которых посвящено немало работ ([6; 8]), отличаются от модальных частиц и коннекторов, создающих каузальные, условные, временные и другие отношения на уровне микротемы. Этот класс разнороден и может включать в себя слова, лишённые семантики и образованные от наречий, союзов, модальных частиц, императивных конструкций и т. д. Как справедливо отмечает В. Имо [16], довольно сложно дать полное описание класса дискурсивных частиц и данный вопрос пока не решён. Дискурсивные частицы являются не грамматикализованными, а прагматикализованными элементами. Р. Мрочински выделяет следующие критерии прагматикализации: нерегулярность; ограничения на синтаксическое передвижение; потерю семантики; увеличение скопуса, или сферы действия дискурсивного маркера. К этим критериям причисляется ещё один, который можно назвать определяющим: дискурсивные маркеры можно опустить без ущерба для содержания высказывания [23] – данное свойство отличает прагматикализованные элементы от грамматикализованных. Так, если проанализировать следующие фрагменты, мы увидим, что дискурсивные показатели выполняют функцию указания на какой-либо аспект проблемы (25) и (26), маркируют переход от одной микротемы к другой (27):

(25) *Mancher von Ihnen mag sagen: Wir halten doch **jetzt** schon mehr als zwei Wochen all diese Regeln ein, wie lange denn noch?*²⁶

В приведённом примере слово *jetzt* выполняет функцию дискурсивной частицы: она использована для того, чтобы обратить внимание на значимую в содержательном плане информацию, а не для выражения значения «теперь», «сейчас».

(26) – *Именно, – кивнула она. – **Видишь ли**, профессия – это угол зрения*²⁷.

В (26) сочетание глагола *видеть* с частицей *ли* можно рассматривать как дискурсивный маркер – речь идёт не о визуальном восприятии, а об указании на значимое для говорящего обстоятельство.

(27) *Wie schnell – möglichst nach wenigen Tagen – bekommt man ihn in einen neuen Job, **und** was passiert in der Zwischenzeit?*²⁸

²⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁷ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁸ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 08.11.2022).

В (27) союз *und* в функции дискурсивного маркера служит для переключения на другую микротему.

Таким образом, части речи на уровне текста могут включать в себя грамматикализованные и прагматикализованные элементы. В первом случае речь идёт о коннекторах и модальных частицах, соединяющих предложения в единое тематическое целое и создающих логические связи между высказываниями. Во втором случае при использовании дискурсивных слов возникают отношения иного рода: маркируется переход от одной микротемы к другой или выделяется значимый аспект высказывания. Опускание дискурсивных слов не влияет на смысл фрагмента, в то время как грамматикализованные показатели влияют на понимание логических связей между описываемыми ситуациями.

В систематизированном виде интерпретация частей речи с позиции внутренней перспективы представлена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Проявление внутренней перспективы в системе частей речи /
Manifestation of internal perspective in the system of parts of speech

Уровень репрезентации частей речи	Части речи	Реализация внутренней перспективы
Знаменательные части речи	Имя существительное	· Восприятие какого-либо явления действительности как субстанции (<i>das Aber, das Rennen</i> (нем.), <i>бег, белизна</i> (рус.)) · Выбор соответствующей формы из класса (<i>das Gestein – der Stein</i> (нем.); <i>вода – воды</i> (рус.))
	Глагол	· Восприятие какого-либо явления мира как действия (<i>leeren</i> (нем.), <i>полнетъ</i> (рус.)) · Выбор соответствующей аспектуальной формы (<i>приходить-прийти; essen-aufessen</i>); выбор временной формы и формы наклонения
	Имя прилагательное	· Восприятие какого-либо явления как качества/свойства (<i>голубой, синий</i>); · Выбор соответствующей грамматической формы (<i>самый сильный, самый веселый</i>)
	Наречие	· Восприятие какого-либо явления как образа действия (<i>быстро, вприпрыжку</i>); · Локальный или темпоральный дейксис (указание на время или место (<i>завтра</i>), осуществляемое с позиции говорящего);

Уровень репрезентации частей речи	Части речи	Реализация внутренней перспективы
Знаменательные части речи	Местоимение	- Персональный дейксис: указание на участников коммуникативной ситуации с позиции говорящего (<i>ты, вы</i>); - Предметный дейксис: указание на объекты действительности с позиции говорящего (<i>он, они</i>)
Части речи в структуре предложения	Союзы	Интерпретация смысловых связей между событиями (фактами) в предложении с позиции говорящего
	Модальные слова	Оценка степени вероятности ситуации с позиции говорящего
	Частицы (модальные, фокусные) (рус.), (нем.) Модальные глаголы во вторичном значении (нем.)	- Интерпретация говорящим смысловых связей между событиями - Оценка степени вероятности ситуации с позиции говорящего, указание на источник информации (модальный дейксис)
	Глаголы-связки	Указание на лицо и время (<i>будет.-был (рус.), wir sind brav, wir waren brav (нем.)</i> и т.д.)
Части речи в структуре текста	Союзы-коннекторы	Интерпретация говорящим смысловых связей между событиями
	Модальные частицы	- Интерпретация говорящим смысловых связей между событиями - Оценка степени вероятности ситуации с позиции говорящего, указание на источник информации (модальный дейксис)
	Дискурсивные слова, дискурсивные частицы	- Указание на значимый для говорящего аспект темы; - Переключение на другую микротему

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье была представлена уровневая дифференциация частей речи: знаменательные части речи, части речи в структуре предложения и части речи в структуре текста, а также была показана возможность их интерпретации с позиции внутренней перспективы. Внутренняя перспектива находит выражение: в выборе знаменательной части, отражающей восприятие гово-

рящим какого-либо явления как субстанции, действия или качества; в выборе соответствующей грамматической формы; в указании на лицо, место или время; в интерпретации смысловых связей между событиями в предложении с позиции говорящего, осуществляемой через выбор союза / частицы; а также в оценке степени вероятности ситуации. Знаменательные части речи выполняют номинативную функцию; части речи на уровне предложения являются грамматикализированными, а части речи на уровне текста – грамматикализированными и прагматикализированными элементами. Дейктичность и грамматикализацию можно рассматривать как две стороны одного процесса; дейктичность – это всегда отражение внутренней перспективы говорящего.

В целом можно заключить, что дифференциацию частей речи целесообразно проводить не только с логической, но и с коммуникативной точек зрения. Слова одной части речи способны переходить в разряд другой, и их однозначное соотнесение с каким-либо классом слов можно осуществить только на уровне предложения, а в некоторых случаях – на уровне микро-текста или даже текста.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 06.12.2022

Статья размещена на сайте: 15.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка. М.: Просвещение, 1986. 336 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 720 с.
3. Камчатнов А. М., Николина Н. А. Введение в языкознание. М.: Флинта: Наука, 2000. 230 с.
4. Красина М. Н. Дискурсивные частицы/маркеры в обиходно-бытовом дискурсе (на примере немецкого языка) // Филология. 2018. № 5. С. 54–56.
5. Лосев А. Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / сост., общ. ред. А. А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1997. 616 с.
6. Путина О. Н. Пространство функционирования дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 37–44.
7. Русская грамматика. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.
8. Шустова С. В., Царенко Н. М. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 4. С. 163–170.

9. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Diewald G., Smirnova E. Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. P. 125–147.
10. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 658 p.
11. Admoni W. G. Die «Feld»-Natur der Wortarten (am Beispiel der Numeralien) // Admoni W. G. Sprachtheorie und deutsche Grammatik. Aufsätze aus den Jahren 1949–1975. Tübingen: Niemeyer, 2002. P. 311–318.
12. Averina A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik // Sprachwissenschaft. 2020. Bd. 45. № 4. P. 425–471.
13. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991. 435 p.
14. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin: Langenscheidt, 2001. 654 p.
15. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2021. 506 p.
16. Imo W. Diskursmarker im gesprochenen und im geschriebenen Deutsch // Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen. Göttingen: Verlag für Gesprächsforschung, 2017. P. 49–72.
17. Kotin M. L. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 377 p.
18. Kotin M. L. Konnektoren als prototypische Tempusmarker // Ferraresi G. Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse. Narr: Tübingen, 2011. P. 311–324.
19. Lehmann Chr. Thoughts on Grammaticalization. Erfurt, 2002. 183 p.
20. Leiss E. Sprachphilosophie. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. 310 p.
21. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Diewald G., Smirnova E. Modalität und Evidentialität. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. P. 149–169.
22. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M.: Академия, 2004. 352 с.
23. Mroczynski R. Grammatikalisierung und Pragmatikalisierung. Zur Herausbildung der Diskursmarker wobei, weil und ja in gesprochenem Deutsch. Narr: Tübingen, 2012. 254 p.
24. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2011. 233 p.

REFERENCES

1. Admoni V. G. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Stroi sovremennogo nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the German language. The structure of the modern German language]. Moscow, Prosveshenie Publ., 1986. 336 p.

2. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
3. Kamchatnov A. M., Nikolina N. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2000. 230 p.
4. Krasina M. N. [Discursive particles/markers in colloquial discourse (on the example of the German language)]. In: *Filologiya* [Philology], 2018, no. 5, pp. 54–56.
5. Losev A. F. *Imya. Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name. Selected works, translations, conversations, studies, archival materials]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 1997. 616 p.
6. Putina O. N. [Space of discursive markers]. In: *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2021, no. 3, pp. 37–44.
7. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. T. 1* [Russian grammar. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.
8. Shustova S. V., Tsarenko N. M. [Pragmatic potential of discourse markers]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 163–170.
9. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: Diewald G., Smirnova E. *Modalität und Evidentialität*. Trier, Focus, 2011, pp 125–147.
10. Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. Tübingen, Stauffenburg Verlag, 2013. 658 p.
11. Admoni W. G. Die «Feld»-Natur der Wortarten (am Beispiel der Numeralien). In: Admoni W. G. *Sprachtheorie und deutsche Grammatik. Aufsätze aus den Jahren 1949–1975*. Tübingen, Niemeyer, 2002, pp. 311–318.
12. Averina A. Nebensätze des Deutschen und des Russischen aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. In: *Sprachwissenschaft*, 2020, vol. 45, no. 4, pp. 425–471.
13. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1991. 435 p.
14. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin, Langenscheidt, 2001. 654 p.
15. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2021. 506 p.
16. Imo W. Diskursmarker im gesprochenen und im geschriebenen Deutsch. In: *Diskursmarker im Deutschen. Reflexionen und Analysen*. Göttingen, Verlag für Gesprächsforschung, 2017, pp. 49–72.
17. Kotin M. L. Die Sprache in statu movendi. Bd. 2. Heidelberg, Winter Verlag, 2007. 377 p.
18. Kotin M. L. Konnektoren als prototypische Tempusmarker. In: Ferraresi G. *Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse*. Narr, Tübingen, 2011, pp. 311–324.
19. Lehmann Chr. Thoughts on Grammaticalization. Erfurt, 2002. 183 p.
20. Leiss E. Sprachphilosophie. Berlin, Walter de Gruyter, 2009. 310 p.

21. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. In: Diebold G., Smirnova E. *Modalität und Evidentialität*. Trier, Wissenschaftlicher Verlag, 2011, pp. 149–169.
22. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moscow, Academia Publ., 2004. 352 p.
23. Mroczynski R. Grammatikalisierung und Pragmatikalisierung. Zur Herausbildung der Diskursmarker *wobei*, *weil* und *ja* in gesprochenem Deutsch. Narr, Tübingen, 2012. 254 p.
24. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2011. 233 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: Anna.averina@list.ru

Anna V. Averina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German philology, Moscow Region Pedagogical State University; e-mail: Anna.averina@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Аверина А. В. Принципы организации системы частей речи и их интерпретация с позиции внутренней перспективы (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Averina A. V. Principles of the organization of the system of parts of speech and their interpretation from an internal perspective (based on the material of German and Russian). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'1:304.2

Борычева Е. В.

Российская международная академия туризма

141420, Московская обл., г. Химки, ул. Горького, д. 7, Российская Федерация

ЯЗЫК И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Оценка соотношения идей глобализации и национализма, выявление их взаимосвязи с понятием культурной идентичности, определяющего роль и функции языка в современных условиях развития мирового сообщества.

Процедура и методы. В качестве основных методов исследования были выбраны ретроспективный анализ и описательный метод, которые показали специфику, а также сходства и различия в отношении к языку и культуре в России и странах Западной Европы.

Результаты. По итогам исследования автор приходит к выводу, что в современных условиях именно язык играет ключевую роль в определении понятия культурной идентичности и служит связующим звеном для наций в рамках решения глобальных конфликтов.

Теоретическая значимость заключается в систематизации знаний в отношении понятий языка и культурной идентичности. Предложена авторская редакция понятий идентичности и культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобализация, идентичность, культура, национализм, язык

СТРУКТУРА

Введение

Соотношение понятий глобализации и национализма в России и странах Западной Европы

Культурная идентичность и её влияние на определение роли и функций языка в современных условиях

Заключение

E. Borycheva

*Russian International Academy of Tourism
ul. Gorkogo 7, Khimki 141420, Moscow Region, Russian Federation*

LANGUAGE AND CULTURAL IDENTITY IN MODERN CONDITIONS OF DEVELOPMENT IN RUSSIA AND WESTERN EUROPEAN COUNTRIES

ABSTRACT

Aim. To assess the relationship between the ideas of globalization and nationalism, to identify their correlation with the concept of cultural identity which determines the role and functions of language in the current conditions of the world community development.

Methodology. Retrospective analysis and descriptive method were chosen as the main research methods. They revealed the specifics, as well as similarities and differences in relation towards language and culture in Russia and Western Europe.

Results. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that in modern conditions it is language that plays the key role in defining the concept of cultural identity and serves as a link for nations in the framework of solving global conflicts.

Research implications. The study systematizes data on the concepts of language and cultural identity. The author's edition of the concepts of identity and culture is proposed.

KEYWORDS

globalization, identity, culture, nationalism, language

ВВЕДЕНИЕ

Современные процессы, связанные с тенденциями в области экономики, политики, быстрыми достижениями в области компьютерных технологий, оказывают непосредственное влияние на формирование культурной идентичности различных этносов. С одной стороны, история человечества доказала, что большие группы людей более приспособлены к выживанию и процветанию по сравнению с малыми объединениями. С другой стороны, сотрудничеству между людьми может помешать осознание того, что все мы преследуем свои корыстные цели в отношении распределения ресурсов, сфер влияния, например, в финансовом секторе, космосе. Более того, современная демографическая тенденция, связанная с перемещением людей из бедных регионов в более благополучные страны, приводит к тому, что количество людей, которые должны интегрироваться в новую культуру, скоро превысит местное население.

В связи с этими особенностями ключевую роль начинают играть идеи, связанные с такими понятиями, как «глобализация» и «национализм». Ретроспективный анализ публикаций позволил выявить тот факт, что исследование данных процессов является актуальным как для отечественных, так и для западных учёных (П. Бурдые [12], Э. Гидденс [2], Р. Кокс [13], М. Н. Марченко

[7], О. В. Одегова [9], Р. Робертсон [18] и др.). Несмотря на то, что большинство исследователей признают значительный характер влияния глобализации на экономику, финансы и политику, а не на духовную жизнь общества, на наш взгляд, следует рассмотреть взаимосвязь и взаимовлияние данных феноменов с понятиями культуры, культурной идентичности, представленными в трудах учёных (Дж. Анайя, М. Блазич [11], Ф. Грин [15], И. Клямкин [5], И. В. Малыгина [6], С. Хантингтон [10] и др.). Отдельное внимание также стоит уделить роли языка в современных условиях развития России и стран Западной Европы (П. Бурдые [12], Г. Доррен [3], Д. Кристал [14], Г. П. Нещименко [8], К. Б. Паулстон [17] и др.).

Всеобъемлющий и широкий масштаб развития глобализации не вызывает сомнения, несмотря на её неравномерное распространение в различных сферах жизни общества, в частности, на духовную составляющую, «замечания экспертов по поводу исключительно национального характера культуры – вернее, стремление уберечь её от всё более нарастающего глобализма и всё более подминающего под себя и нивелирующего национальные традиции и культуру космополитизма – вполне понятные и объяснимые» [7, с. 10].

Данные опасения определили цель нашего исследования, которая состоит в рассмотрении взаимосвязи идей глобализации, национализма и их влияния на отношение к языку и культуре в России и странах Западной Европы. Так как исследование носит междисциплинарный характер, для достижения цели нами использовался синтез методов. Историко-философский подход позволил проанализировать этапы развития глобализации, националистических идей в Европе. Использование системного подхода помогло определить влияние глобализации на все сферы жизнедеятельности человека, а также взглянуть на проблему культурной идентичности как на целостное явление. Социолингвистический подход выявил роль языка в современных условиях развития общества.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

«Глобализация» как термин вызывает большое количество споров в научных кругах. Во-первых, среди исследователей нет единого мнения в отношении периода её возникновения. Р. Робертсон, который признаётся большинством в качестве автора данного понятия, полагает, что глобализация – это не новое изобретение, её началом можно считать начало XV в., когда в Европе начинают создаваться национальные государства, а великие географические открытия способствуют распространению идей католической церкви по всему миру и зарождению эпохи колониального империализма [18]. Э. Гидденс утверждает, что глобализация возникает в XVII в. [2], по мнению Р. Кокса, она берёт своё начало только после первого энергетического

кризиса в 1973 г. [13]. Во-вторых, рассматривая понятие глобализации, ряд исследователей считает, что она представляет собой свершившуюся объективную реальность; другие полагают, что это слегка преувеличенный искусственный термин [13]. Большинство учёных признают реальность глобализации, но подчёркивают тот факт, что это незаконченный процесс, который не проходит одинаково ни в одной точке мира [18; 2]. В-третьих, в научных кругах продолжают споры в отношении влияния глобализации на культуру, язык, традиции различных этносов.

Первоначально термин «глобализация» использовался в рамках формирования единого общемирового экономического пространства. Однако скоро стало общеизвестно, что данный процесс приводит не только к стиранию государственных границ, но и к появлению такого понятия, как «культурная однородность». «В каких-то странах это было насильственное навязывание единого языка и запреты на функционирование локальных культур, а в других – культурная однородность поощрялась преимущественно косвенными методами» [5, с. 225]. Так, ещё во времена становления американского государства особую популярность получила идеология «плавильного котла» (melting pot), которая перемешивала культуры различных иммигрантских групп с целью усвоения английского языка и принятия культурных особенностей белого протестантского большинства. Данная политика действительно принесла свои результаты в рамках формирования американской государственности.

Однако история доказывает, что большинство военных конфликтов начиналось в результате противостояния идей глобализации и национализма. Сторонники последней идеологии, в свою очередь, ставят свои религиозные или расовые особенности, традиции или культуру превыше всего. В настоящее время мы также наблюдаем рост напряжённости между странами мира, что непосредственно влияет на экономику, политику, туризм, искусство, образование и другие сферы жизнедеятельности различных национальностей, бросает вызовы, результаты которых станут очевидны в долгосрочной перспективе. Таким образом, перед всеми сообществами возникают вопросы, связанные с определением своего места в мире, собственного пути развития с учётом понятия культурной идентичности.

Становление государственности в странах Европы происходило в начале XIX в. с учётом влияния идей капитализма, которые сформировались в результате потребностей буржуазии в сильной организационной структуре для увеличения собственного капитала, что наталкивалось на недовольство пролетариата. В настоящее время наблюдается тенденция, связанная с сопротивлением росту влияния многонациональных корпораций, их идей глобализации и культурной унификации. В результате мы видим рост националистических идей в странах Западной Европы, что подтверждают недавние выборы в Швеции, Италии и других государствах. Хотя совсем недавно

казалось, что данная идеология близка к своему забвению, многие исследователи рассматривали её только как пережиток прошлого. Ещё в начале XXI в. такие понятия, как «глобализм», «постнационализм», «мультикультурность», «межкультурность», «толерантность», были на пике своей популярности и актуальности. Затем в странах бывшего социалистического лагеря начал наблюдаться бурный рост идей дебалканизации, что первоначально рассматривалось только как патология данного региона, связанная с неправильным пониманием демократических ценностей и институтов власти, отношением к ним. Однако постепенно начинает увеличиваться недовольство, связанное с миграционными процессами, в таких колыбелях либеральных западных взглядов, как Дания, Нидерланды, Германия и Франция.

Парадокс заключается в том, что такие угрожающие институту государства экстремистские течения, как расизм, национализм, чувствуют себя «свободно» благодаря провозглашаемой и реализуемой в западных странах толерантности. Данное понятие воспринимается как «готовность принять всё иное, непривычное в своей среде, нестандартное, нетрадиционное» [4, с. 600], а не как уважение к иной расе, этнической группе, к другой религии, культуре, социальному статусу и языку. В результате толерантность, будучи условием свободы, мешает разглядеть её противников.

90-е гг. XX в. для России были периодом хаотичных реформ и преобразований как во внутренней, так и во внешней политике. В это время проблемы, вызванные глобализацией в сфере электроэнергетики, здравоохранения, международного терроризма, казалось, надолго останутся поводом для беспокойства для руководства страны. Однако уже в начале XXI в. России удаётся преодолеть целый спектр сложных вопросов в разных сферах жизнедеятельности общества и государства благодаря грамотной политической доктрине, которая строилась на защите своих национальных интересов и суверенитета. При этом современная ситуация на международной арене доказала, что ни одно государство мира не способно справиться самостоятельно с вызовами и проблемами, которые связаны с глобализацией.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ И ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассматривая понятие культурной идентичности, необходимо уточнить, что общепринятого определения культуры в научной литературе не существует. Так, Е. М. Верещагин в своей монографии «Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы» выделяет три общепризнанных критерия, которые помогают понять суть данного феномена. Во-первых, «культура понимается как продукт социальной (а не биологической) активности человека; во-вторых, культура имеет исторический генезис: она накапливает, аккумулирует цен-

ности, а наследование культуры от поколения к поколению называется традицией; в-третьих, культура очень важна для становления человеческой личности ... так как формирование внутреннего мира индивида происходит под воздействием норм и ценностей, свойственных определённому социальному коллективу» [1, с. 9]. Следовательно, культура – это уникальная информационная система, принимаемая группой людей и передаваемая через поколения, которая позволяет индивидууму удовлетворять свои базовые физические и духовные потребности.

Исследование понятия идентичности является сложным, так как к данному феномену нельзя применить традиционные методы научного познания. По мнению ряда исследователей, С. Хантингтона, Э. Эриксона, данная концепция «столь же обязательна, сколь и не отчётлива, поскольку представляет собой неявное множество, не поддающееся строгому определению и неподвластное стандартным методам измерения» [6, с. 6]. Т. е. идентичность – это не структура, не фрагмент, а, скорее, свойство нашего сознания, связанное со структурированием и организацией полученного опыта, с познанием самого себя и отделением от других национальностей. В основе данного понятия лежат такие факторы, как расовая, национальная, религиозная, классовая принадлежности, культурное наследие, пол, язык и др.

Взаимодействие языка и культуры является уникальным явлением, так как язык является средством культуры и одновременно её компонентом. Родной язык является важным элементом в построении культурной идентичности, поскольку выполняет социальную функцию, выражая ценности, чувства, взгляды и ожидания людей. Язык – это голос различных форм искусства и культуры, он выступает в роли посредника в формировании мировоззрения людей, в регулировании межличностных отношений. Несмотря на то, что современные исследователи признают важность и влияние языка, ряд учёных обращает внимание на парадоксальный эффект, связанный с вымиранием языков. Около ста тысяч лет назад на планете было более пятнадцати тысяч языков, в настоящее время их осталось только семь тысяч. Данный факт вызывает беспокойство, так как именно язык обладает уникальными и особенными чертами, помогающими понять прошлое, настоящее и будущее нации.

Следовательно, процесс формирования культурной идентичности неразрывно связан с отношением к родному языку. На наш взгляд, большое количество использования англоязычных заимствований в средствах массовой информации, рекламе, в названиях организаций, конечно, является объективной современной тенденцией, своего рода данью моде на американскую культуру и образ жизни. Современный американский политолог С. Хантингтон отмечает, что «человек в силах сменить культуру. Люди переходят из одной веры в другую, учат иностранные языки, принимают новые ценности и убеждения, отождествляют себя с новыми символами, подстра-

иваются под новый образ жизни. Культура младшего поколения зачастую сильно отличается от культуры предыдущих поколений...» [10, с. 65]. С одной стороны, поддерживая данную точку зрения, мы также считаем, что подражание различным ценностям и их копирование несут в себе скрытую угрозу для формирования культурной идентичности будущих поколений. Если после распада Советского Союза наше государство, находясь в поисках своего пути развития, предпочло слепое следование идеям и ценностям западного сообщества, то в настоящее время наблюдается потребность в формировании собственной аутентичности.

С другой стороны, в истории имеются примеры, доказывающие, что утрата родного языка необязательно влечёт потерю этнического самосознания. Данную теорию подтверждает судьба ирландского народа. «Английский язык, на который фактически перешли ирландцы, отражает изменение условий их жизни, но не выполняет символическую функцию отождествления с английским национальным самосознанием» [8, с. 129]. Бесспорно, важность изучения английского языка как инструмента межкультурной коммуникации, позволяющего эффективно внедриться в общемировые процессы развития политики, экономики, науки и образования, не вызывает сомнения, однако дискуссии, связанные с чистотой родного языка, являются актуальными в научных кругах и в наше время. Определяя причины популярности английского языка, следует отметить следующие точки зрения учёных. Так, по мнению М. Холбороу, господство английского языка сегодня связано с процессом становления и процветания капитализма, который неразрывно связан с историей Британской империи и получил своё дальнейшее развитие в рамках американского государства [16, р. 56, 57]. С экономической точки зрения, как утверждает Ф. Грин, чем больше людей говорит на определённом языке, тем более привлекательным он становится для остальных, создавая при этом «эффект снежного кома» [15, р. 16]. Французский социолог П. Бурдьё ввёл в обиход понятие «языкового капитала», утверждая, что знание английского языка даёт индивидууму преимущество по сравнению с другими в современном мире, неразрывно связанном с глобализацией [12]. Следует отметить, что французский язык, являющийся официальным инструментом дипломатии, а также немецкий язык – символ науки, техники и философии, – не получили широкого распространения в силу своего регионального характера, отсутствия глобализационного потенциала.

Очевидно, что глобализация оказывает важное влияние как на общенациональные, так и на личные взгляды людей в отношении английского языка. Парадокс заключается в том, что многие нации и индивидуумы осознают необходимость его изучения, но в то же время они обеспокоены его господством и непрерывным распространением, которые наносят урон родному языку. «На рубеже XX–XXI вв. понятие “глобального” в его лингвокультурном контексте активно заявило о себе, с одной стороны, выражая общность и

единство локальных языков и культур, с другой – акцентируя и проблематизируя их уникальность» [9, с. 7].

Феномен влияния английского на другие языки можно рассмотреть в следующих трёх вариантах развития событий: сохранение родного языка, двуязычие, языковой сдвиг, т. е. полный отказ от родного языка и переход на другой [17].

В рамках первого подхода проводится политика, направленная на усиление различий между двумя языками, с целью сохранения чистоты родного языка. Двуязычие предполагает, что родной язык допускает давление со стороны другого, который признаётся в качестве основного средства коммуникации частью населения страны. При этом существует опасность, как отмечает Д. Кристал, что если английский язык захватит господство в большинстве сфер жизнедеятельности общества, то людям просто будет не о чем разговаривать на их родном языке [14, р. 21]. Так, например, стало с латинским языком, который долгое время использовался только католической церковью.

Более того, если родной язык больше не способствует продвижению по социальной лестнице, люди вряд ли захотят использовать его в дальнейшем, особенно это касается молодого поколения. Они начинают рассматривать свой язык как пережиток старой эпохи, таким образом, глобализация может привести к исчезновению языка, а с ним – и части культуры нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря ускорению процесса передвижения людей, обмена между ними данными и продуктами их труда современный мир стал неразрывно связан с понятием глобализации как с экономической, так и с культурной точек зрения. Разумеется, данный процесс оказал необратимое влияние на отношения между языком и культурой, в особенности на распространение английского языка.

Рассматривая роль языка в современных условиях развития России и стран Западной Европы, следует отметить, что язык – это связующее звено для наций в рамках решения глобальных конфликтов, возникающих на мировой арене, а не средство копирования и подражания ценностям и идеалам западного сообщества. Только посредством диалога и грамотной коммуникации можно добиться результата в снятии политической, религиозной и экономической напряжённости. Язык – это живое и объективное отражение действительности. Благодаря языку, а именно появлению в нём новых слов, можно увидеть и отследить то, что больше всего волнует и интересует людей в данный период истории человечества.

Таким образом, процессы, связанные с осознанием своей уникальности, защитой своих традиций, обычаев, которые наблюдаются как на территории нашего государства, так и в странах Западной Европы, говорят о необходи-

мости наций пересмотреть свои взгляды на понятие культурной идентичности, понять роль культуры, языка в условиях новой действительности. Данная проблема должна стать объектом изучения не только лингвистических исследований, но и научных трудов в области политики и экономики, т. е. понять суть этого феномена можно при условии использования междисциплинарного подхода.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.12.2022

Статья размещена на сайте: 12.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. Берлин; М.: Директ-Медиа, 2014. 509 с.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
3. Доррен Г. Лингво. Языковой пейзаж Европы / пер. с англ. Н. Шаховой. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. 336 с.
4. Казакина М. Г. Школьная жизнь в России и Америке: воспитание человечности. СПб.: Книжный дом, 2006. 768 с.
5. Клямкин И. М. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. М.: Новое издательство, 2011. 539 с.
6. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие. М.: Согласие, 2018. 240 с.
7. Марченко М. Н. Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М.: Проспект, 2019. 313 с.
8. Нещименко Г. П. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 400 с.
9. Одегова О. В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности. М.: ЛитРес, 2022. 167 с.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004. 635 с.
11. Anaya J., Blazich M. Interaction with Other Cultures in the Globalized World. A Small Example of Western and Easter Culture. Germany: GRIN Verlag, 2020. 11 p.
12. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 302 p.
13. Cox R. W. Production, power and order: social forces in the making of history. New York: Columbia University Press, 1987. 500 p.

14. Crystal D. Language death. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 210 p.
15. Grin F. Economics // Fishman J. A. Handbook of language and ethnic identity. Oxford: OUP, 1999. P. 9–24.
16. Holborow M. A. Politics of English: a Marxist view of language. London: Sage Publications, 1999. 224 p.
17. Paulston C. B. Linguistic minorities in multilingual settings. Implications for language policies. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. 136 p.
18. Robertson R. Globalization: social theory and global culture. London: Sage Publications, 1992. 224 p.

REFERENCES

1. Vereshchagin E. M. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems]. Berlin, Moscow, Direct-Media Publ., 2014. 509 p.
2. Giddens A. Runaway world: how globalization is reshaping our lives (Rus. ed.: Korobochkina M. L., transl. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Moscow, Ves mir Publ., 2004. 120 p.).
3. Dorren G. Lingo: a language spotter's guide to Europe (Rus. ed.: Shakhova N., transl. *Lingvo: yazikovoi peisazh Evropy*. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 336 p.).
4. Kazakina M. G. *Shkol'naya zhizn' v Rossii i Amerike: vospitanie chelovechnosti* [School life in Russia and America: the education of humanity]. St. Petersburg, Knizhnyi dom Publ., 2006. 768 p.
5. Klyamkin I. M. *Kuda vedet krizis kul'tury? Opyt mezhdistsiplinarnykh dialogov* [Where is the crisis of culture leading? Experience of interdisciplinary dialogues]. Moscow, Novoye Izdatelstvo Publ., 2011. 539 p.
6. Malygina I. V. *Identichnost' v filosofskoi, sotsial'noi i kul'turnoi antropologii* [Identity in philosophical, social and cultural anthropology]. Moscow, Soglasie Publ., 2018. 240 p.
7. Marchenko M. N. *Globalizatsiya i osnovnye tendentsii razvitiya natsional'nykh i nadnatsional'nykh gosudarstvenno-pravovykh sistem v XXI veke* [Globalization and the main trends in the development of national and supranational state-legal systems in the XXI century]. Moscow, Prospect Publ., 2019. 313 p.
8. Neshchimenko G. P. *Aktual'nye etnolyazykovye i etnokul'turnye problemy sovremennosti* [Actual ethnolinguistic and ethnocultural problems of our time]. Moscow, Fond «Razvitiya fundamentalnykh lingvisticheskikh issledovaniy» Publ., 2014. 400 p.
9. Odegova O. V. *Globalizatsiya yazyka i kul'tury: spetsifika i mesto v sisteme global'nykh protsessov sovremennosti* [Globalization of language and culture: specificity and place in the system of global processes of modernity]. Moscow, LitRes Publ., 2022. 167 p.

10. Huntington S. Who are we? The challenges to America's national identity (Rus. ed.: Bashkirova A., transl. *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti*. Moscow, AST Publ., 2004. 635 p.).
11. Anaya J., Blazich M. Interaction with Other Cultures in the Globalized World. A Small Example of Western and Easter Culture. Germany, GRIN Verlag, 2020. 11 p.
12. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge, Harvard University Press, 1991. 302 p.
13. Cox R. W. Production, power and order: social forces in the making of history. New York, Columbia University Press, 1987. 500 p.
14. Crystal D. Language death. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 210 p.
15. Grin F. Economics. In: Fishman J. A. *Handbook of language and ethnic identity*. Oxford, OUP, 1999, pp. 9–24.
16. Holborow M. A. Politics of English: a Marxist view of language. London, Sage Publications, 1999. 224 p.
17. Paulston C. B. Linguistic minorities in multilingual settings. Implications for language policies. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins, 1994. 136 p.
18. Robertson R. Globalization: social theory and global culture. London, Sage Publications, 1992. 224 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борычева Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и зарубежного страноведения Российской международной академии туризма; e-mail: le-sidorki@rambler.ru

Elena V. Borycheva – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Foreign Regional Studies, Russian International Academy of Tourism; e-mail: le-sidorki@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Борычева Е. В. Язык и культурная идентичность в современных условиях развития России и стран западной Европы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Borycheva E. V. Language and cultural identity in modern conditions of development in Russia and Western European countries. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 811.1/8.

Павлова А. В.

Юго-Западный государственный университет

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94, Российская Федерация

МЕХАНИЗМ ИЗУЧЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ стратегий лингвистической вежливости, к которым прибегают искусственные билингвы при реализации речевого акта отказа.

Процедура и методы. В ходе исследования был проведён лингвистический эксперимент с использованием методики письменного дискурсивного теста.

Результаты. Исследование показало, что искусственные билингвы используют в своём дискурсе различные стратегии вежливости, которые находят своё проявление в ядерном акте и во вспомогательных речевых актах отказа.

Теоретическая и практическая значимость. Представленная методика позволяет провести анализ стратегий лингвистической вежливости, которая является составной частью прагматической компетенции. Последней необходимо овладеть искусственным билингам, изучающим иностранный язык. Результаты исследования могут быть использованы при изучении курсов теории межкультурной коммуникации и прагмалингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

вспомогательный речевой акт, лингвистическая вежливость, «лицо», речевой акт отказа, прагматические знания

СТРУКТУРА

Введение

Анализ дискурсивного поведения искусственных билингвов

Заключение

A. Pavlova

Southwest State University

ul. 50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

THE MECHANISM OF STUDYING PRAGMATIC COMPETENCE

ABSTRACT

Aim. To analyze linguistic politeness strategies of artificial bilinguals in the implementation of the speech act of refusal.

Methodology. In the course of the study, a linguistic experiment was carried out on the basis of written discursive test methodology.

Results. The experiment has revealed that artificial bilinguals use a great variety of politeness strategies in their discourse. These strategies are reflected in the head act and the supportive speech acts of refusal.

Research implications. The submitted methodology allows to analyze the strategies of linguistic politeness which is a part of pragmatic competence. The latter one should be obtained by artificial bilinguals who are learning a foreign language. The results of the experiment can be used in courses on Theory of Intercultural Communication and Pragmalinguistics.

KEYWORDS

supportive speech act, linguistic politeness, "face", a speech act of refusal, pragmatic knowledge

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире в связи с политическими и социально-культурными изменениями происходят изменения в способах и в средствах общения между людьми. Поэтому возникает необходимость проанализировать средства и способы языкового выражения различных взаимоотношений. По словам М. В. Белякова, по-прежнему представляет интерес то, «как лингвистические средства формируют интерактивные практики» в различных типах дискурса [1].

В сфере нашего интереса находится дискурсивное поведение искусственных билингвов. Овладение прагматическими знаниями изучаемого языка должно стать одной из приоритетных задач искусственного билингва [6; 12]. Под прагматическими знаниями подразумеваются «знания о языковых ресурсах, имеющихся в конкретном языке для реализации определённых иллокуций, включая знания о конвенциональных и неконвенциональных способах реализации речевых актов, знания о структуре речевых актов и знания о соответствующем контекстуальном использовании определённых языковых ресурсов, а также знание стратегий поддержания гармоничных отношений» [8, с. 22]. Под стратегиями поддержания гармоничных отношений мы имеем в виду стратегии лингвистической вежливости. В. Карасик считает, что «все поведенческие акты, ограничивающие свободу или ставящие под удар самооценку человека, реализуются в трёх типовых стратегиях: 1) намеренная неясность, вуалирование смысла посредством метафоры, иронии; 2) прямое выражение смысла без смягчающих средств; 3) вежливое выражение смысла в виде негативной и позитивной вежливости» [4, с. 77]. Вообще при осуществлении любого речевого акта адресанту необходимо учитывать личность или «лицо» адресата и пытаться выстраивать дипломатичную линию в общении с ним. Для этого как раз и нужны стратегии негативной и позитивной вежливости, которые предложили П. Браун и С. Левинсон [7]. Стратегии позитивной вежливости «связаны с демонстрацией единства и солидарности» [4, с. 77] между адресатом и адресантом. Стратегии негативной вежливости, напротив, направлены на создание дистанции между участниками коммуникации, на уважение их независимости. По мнению Т. В. Лариной, «для изучения коммуникативного сознания народа, преодоления коммуникативной интер-

ференции большое значение имеет изучение коммуникативных категорий, а также знание концептов, связанных с его коммуникативной деятельностью» [5, с. 34]. Категории лингвистической вежливости отводится особая роль. По словам Л. В. Цуриковой, теория лингвистической вежливости не только занимается изучением «выбора адекватных речевых стратегий для оформления коммуникативной интенции участников общения, но и включает в себя самые разные аспекты дискурсивного поведения человека, в том числе и влияние на него социокультурных норм и правил речевого поведения» [10, с. 30]. О стратегиях вежливости в дискурсе представителей различных лингвокультур и о современных подходах к этому языковому явлению говорили в своих исследованиях Н. В. Григорьева [2], Л. А. Завьялова [3], Т. П. Третьякова [9]. Поскольку любой речевой акт состоит из ядра и вспомогательных речевых актов, стратегии негативной и позитивной вежливости отражены именно в них.

В связи с этим целью нашего исследования является анализ прагматической компетенции искусственных билингвов, изучающих английский язык.

Для того, чтобы проанализировать дискурс искусственных билингвов с точки зрения прагматической составляющей, мы прибегли к методике письменного дискурсивного теста. Письменный дискурсивный тест представляет собой описание ситуации, близкой к действительности, с последующим предложением отреагировать на заданную ситуацию, используя при этом языковые средства изучаемого языка. Такой формат теста позволяет проанализировать дискурс искусственных билингвов с точки зрения прагматической составляющей. К такому виду теста прибегали многие лингвисты, чьи исследования были связаны с прагмалингвистикой [11; 13].

Вследствие этого основными задачами нашего исследования являются: во-первых, провести лингвистический эксперимент на основе письменного дискурсивного теста для выявления приоритетных стратегий совершения речевого акта отказа с использованием языковых средств изучаемого языка, во-вторых, выделить в структуре речевых актов отказа ядерные и вспомогательные акты, в-третьих, проанализировать стратегии лингвистической вежливости, которые проявляются в ядерных и вспомогательных речевых актах, в-четвёртых, сделать вывод о степени владения прагматическими знаниями искусственными билингвами.

АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИСКУССТВЕННЫХ БИЛИНГВОВ

В нашем исследовании 40 студентов, изучающих английский язык, получили бланки с описанием 6 ситуаций на английском языке. Вот одна из таких ситуаций: *You are on your lunch hour. You go into a small shop to look for a present. You find something you like and buy it. As you are ready to leave the clerk explains that the store would like to learn more about its customers and asks if you would fill out a short questionnaire. You cannot fill out the form because you have to hurry back*

to work (У вас обеденный перерыв. Вы заходите в небольшой магазин, чтобы купить подарок. Вы находите то, что вам нужно и покупаете. Когда вы уже собираетесь уходить, служащий объясняет, что магазин хотел бы узнать больше о своих клиентах, поэтому он просит вас заполнить небольшую анкету. Вы не можете этого сделать, потому что вам нужно спешить обратно на работу). Искусственные билингвы должны были в письменном виде отреагировать на заданные ситуации при помощи речевого акта отказа.

В ходе нашего эксперимента было получено 240 речевых актов отказа. В каждом речевом акте были выделены ядро и вспомогательные речевые акты. Наибольший интерес, как нам кажется, представляют собой вспомогательные речевые акты (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1
Стратегии вспомогательного речевого акта отказа / The Strategies of the Supportive Speech Act of Refusal

Тип стратегии	Примеры языковых средств
1. Предварительное обозначение условий для отказа	<i>I understand that I promised you go hiking You know, I always keep up my promises Listen, I've got some troubles at work We need to talk</i>
2. Надежда на понимание и дальнейшее решение вопроса	<i>You know I always keep my promises I've got some troubles at work I'm very upset but it's work</i>
3. Обещания выполнить в дальнейшем	<i>Maybe I could write it next time I'll visit you again and I promise I have another proposal for you</i>
4. Основание для отказа	<i>I need to stay at home at the weekends I need to return to work My boss gave me some extra work</i>
5. Благодарность	<i>Thanks for offering Thank you so much</i>
6. Положительные моменты / пожелания	<i>I want to wish you good luck in another interview You are so nice</i>
7. Проявление сочувствия	<i>I see family problems are the worst in that world I understand that you have some problems I hope that everything is okay with your family</i>
8. Признание необходимости действий	<i>Can you please go to the interview according to the schedule?</i>

По результатам исследования мы можем проследить, что в своём дискурсе респонденты использовали разнообразные вспомогательные страте-

гии и в достаточно большом объёме. Вспомогательные речевые акты служат для смягчения силы отказа, для подтверждения серьёзных обоснований для отказа. Речевой акт отказа создаёт определённую угрозу негативному и позитивному «лицу» собеседника. Поэтому вспомогательные речевые акты просто необходимы в дискурсивном поведении для поддержания гармоничных условий общения.

Если говорить о стратегиях позитивной вежливости, в своих ответах респонденты использовали такие стратегии, которые символизируют внимательное отношение к собеседнику, создание комфортной атмосферы для отказа. Сюда относятся: стратегия надежды на понимание и дальнейшее решение вопроса (12,8%): *I know that I promised you but I will be very busy / I hope you are not upset / I think you will understand me*; стратегия обещания выполнить действия в дальнейшем (23,75%): *I think I'll do it next time / We'll definitely do it next week / I promise if I pass my exam we'll go to the cinema*; стратегия признания необходимости действий (1,6%): *We have to do everything now / If this job is important for you you should come today*; стратегия предварительного обозначения условий для отказа (9,6%): *It looks very interesting but to be honest / I need to tell you that unfortunately*. Стоит отметить также стратегию выражения пожеланий (0,8%): *I want to wish you good luck in another interview*; и стратегию проявления сочувствия (3,3%): *I'm so sorry for this situation / I understand you*. Эти стратегии испытуемые использовали не в таком большом количестве, как предыдущие стратегии, но они вносят свой характерный вклад в общую картину разнообразных стратегий позитивной вежливости.

Говоря о стратегиях негативной вежливости, которые подчёркивают уважительное отношение к свободе и независимости коммуникантов, стоит отметить такие, как стратегия благодарности (15,8%): *Thank you so much for your proposal / Thank you so much / Thanks for your suggestion*; стратегия основания для отказа (41,6%): *I got sick again / I haven't got any free time / I have to hurry back to work*.

В таблице 2 представлены стратегии основного речевого акта отказа.

Таблица 2 / Table 2

Стратегии основного речевого акта отказа / Refusal Head Act Strategies

Тип стратегии	Примеры языковых средств
1. Отказ в форме утверждения факта	<i>I want to postpone today's meeting I think I should go home now I feel very bad again</i>
2. Прямой отказ в форме отрицательных конструкций	<i>I can't attend the meeting I won't come I can't help you</i>

Тип стратегии	Примеры языковых средств
3. Отказ в виде просьбы, содержащей новое предложение	<i>Can I schedule the meeting online?</i> <i>May I go home?</i> <i>Can we cancel our meeting?</i>
4. Выражение сожаления	<i>I'd love to but I don't have free time</i> <i>I would be happy to help you but</i> <i>I really would like to help you but I can't be late for work</i> <i>To my regret I have a lot of work</i>
5. Выражение желания / нежелания	<i>I don't want bubble-gum</i>

Стоит отметить, что стратегии основного речевого акта отказа не настолько разнообразны по сравнению со вспомогательными стратегиями. Респонденты отдают предпочтение стратегии отказа в форме утверждения факта (47,5%) и стараются не так часто прибегать к прямому отказу в форме отрицательных конструкций (30,75%). В своём дискурсе на изучаемом языке многие испытуемые пытаются отойти от прямого отказа, прибегнув к стратегии отказа в виде просьбы, содержащей новое предложение (12,08%). Они таким образом стараются сгладить негативное впечатление от отказа, представив определённую надежду на положительное решение в будущем. Эту стратегию можно отнести к стратегиям позитивной вежливости. Стратегию выражения сожаления (3,75%) также можно отнести к стратегиям позитивной вежливости, поскольку адресант таким образом пытается объяснить адресату, что если бы не определённые обстоятельства, то он обязательно участвовал бы в деятельности, о которой идёт речь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам исследования мы можем утверждать, что наличие разнообразных стратегий как негативной, так и позитивной вежливости в дискурсе искусственных билингвов говорит нам о стремлении участников коммуникации сохранить своё «лицо» и «лицо» собеседника. В каждом речевом акте, помимо ядерного акта отказа, испытуемые обязательно использовали один, а чаще всего даже несколько вспомогательных речевых актов. Т. е. при оценке конкретной ситуации искусственный билингв в целях предотвращения негативных последствий от своего отказа и уменьшения эмоционального воздействия на собеседника прибегает к той или иной вспомогательной стратегии.

Результаты исследования показывают, что письменный дискурсивный тест позволил выявить определённые закономерности организации дискурса у искусственных билингвов на примере речевого акта отказа. На наш взгляд, письменный дискурсивный тест является надёжным механизмом, по-

звояющим провести оценку прагматической компетенции искусственных билингов, поскольку мы можем выявить степень их прагматических знаний о структуре речевых актов, степень их умения использовать конвенциональные и неконвенциональные способы реализации речевых актов, а также их способность применять стратегии лингвистической вежливости. Всё это составляет прагматическую компетенцию, которая просто необходима искусственному билингу в условиях межкультурной коммуникации.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.01.2023

Статья размещена на сайте: 21.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков М. В. Лингвопрагматика цветовой идиоматики во внешнеполитическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.01.2023).
2. Григорьева Н. В. Стратегии вежливости в речевой коммуникации представителей британской, американской и австралийской лингвокультуры: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 232 с.
3. Завьялова Л. А. Позитивная лингвистическая вежливость как стратегия сохранения гармоничных межличностных отношений в интернет-опосредованной деловой коммуникации (на примере англоязычного электронного письма) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 136–141.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
5. Ларина Т. В. Категория «вежливость» в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2003. 315 с.
6. Павлова А. В. Оценка прагмалингвистической осведомленности у участвующих иностранной язык // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 198–202.
7. Павлова А. В., Голощапова М. В. К вопросу о стратегиях вежливости в дискурсе искусственных билингов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 102–111.
8. Павлова А. В. Речевой акт просьбы при искусственном билингвизме. Курск: Юго-западный государственный университет, 2020. 130 с.
9. Третьякова Т. П. Некоторые современные тенденции лингвистического анализа категории вежливости // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей к юбилею доктора филологиче-

ских наук, профессора Ирины Борисовны Руберт / под ред. Е. А. Нильсен и др. СПб.: СПбГЭУ, 2021. С. 24–32.

10. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. 257 с.
11. Birjandi P., Rezaei S. Developing a multiple-choice discourse completion test of interlanguage pragmatics for Iranian EFL learners // *ILI Language Teaching Journal*. 2010. № 6. P. 43–58.
12. Ideological proonyms functioning in the individual vocabulary of Russian and British people / A. Pavlova, E. Kondratenko, N. Koroleva, E. Zemlyanskaya, T. Kruzhilina, M. Goloschapova // *Applied Linguistics Research Journal*. 2021. Vol. 5. № 10. P. 74–90.
13. Parvaresh V., Tavakoli M. Discourse completion tasks as elicitation tools: how convergent are they // *The Social Sciences*. 2009. № 4. P. 366–373.

REFERENCES

1. Belyakov M. V. [Linguosemiotics of color idiomatics in foreign policy discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.01.2023).
2. Grigoryeva N. V. *Strategii vezhlivosti v rechevoi kommunikatsii predstavitelei britanskoi, amerikanskoi i avstraliiskoi lingvokul'tur: dis. ... kand. filol. nauk* [Politeness strategies in speech communication of representatives of British, American and Australian linguocultures: Cand. Sci. thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2009. 232 p.
3. Zavialova L. A. [Applying positive linguistic politeness strategies to interpersonal rapport management in the email-based computer-mediated business communication]. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2018, no. 1, pp. 136–141.
4. Karasik V. I. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow, Gnosis Publ., 2002. 333 p.
5. Larina T. V. *Kategoriya «vezhlivost'» v angliiskoi i russkoi kommunikativnykh kul'turakh* [Category “politeness” in English and Russian communicative cultures]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov Publ., 2003. 315 p.
6. Pavlova A. V. [Assessment of foreign language learners' pragmalinguistic competence]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2012, no. 2, pp. 198–202.
7. Pavlova A. V., Goloschapova M. V. [Politeness Strategies in Discourse of Artificial Bilinguals]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo*

universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 5, pp. 102–111.

8. Pavlova A. V. *Rechevoi akt pros'by pri iskusstvennom bilingvizme* [Speech act of request in artificial bilingualism]. Kursk: Yugo-zapadnyi gosudarstvennyi universitet Publ., 2020. 130 p.
9. Tret'yakova T. P. [Some Current Trends in Linguistic Analysis of the Category of Politeness]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki: sbornik nauchnykh statei k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Iriny Borisovny Rubert* [Actual problems of modern linguistics: a collection of scientific articles for the anniversary of the Doctor of Philology, Professor Irina Borisovna Robert]. St. Petersburg, SPbGEU Publ., 2021, pp. 24–32.
10. Tsurikova L. V. *Problema estestvennosti diskursa v mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The problem of the naturalness of discourse in intercultural communication]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2002. 257 p.
11. Birjandi P., Rezaei S. Developing a multiple-choice discourse completion test of interlanguage pragmatics for Iranian EFL learners. In: *ILI Language Teaching Journal*, 2010, no. 6, pp. 43–58.
12. Pavlova A., Kondratenko E., Koroleva N., et al. Ideological proonyms functioning in the individual vocabulary of Russian and British people. In: *Applied Linguistics Research Journal*, 2021, vol. 5, no. 10, pp. 74–90.
13. Parvaresh V., Tavakoli M. Discourse completion tasks as elicitation tools: how convergent are they. In: *The Social Sciences*, 2009, no. 4, pp. 366–373.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Павлова Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Юго-Западного государственного университета; e-mail: 11_0182@mail.ru

Anna V. Pavlova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Southwest State University; e-mail: 11_0182@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Павлова А. В. Механизм изучения прагматической компетенции // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Pavlova A. V. The mechanism of studying pragmatic competence. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2023, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Глазунова А. А.

Корректор:

Гладунов И. К.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Компьютерная вёрстка

Заботина Д. А.

Переводчик:

Юрышева Н. Г.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6100,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».